

Acquired through the
HOOVER INSTITUTION

**STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES**

Невоструев, К. И.

О ГОРОДИЩАХЪ

ДРЕВНЯГО ВОЛЖСКО-БОЛГАРСКАГО И КАЗАНСКАГО ЦАРСТВЪ

ВЪ НЫНѢШНИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ КАЗАНСКОЙ, СИМБИРСКОЙ, САМАРСКОЙ И ВЯТСКОЙ.

Кап. Невоструева.

МОСКВА.

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ

1871.

Его Превосходительства
Набавану Петровичу Соколову
оно второе.

Невоструев, К. И.

О ГОРОДИЩАХЪ

ДРЕВНЯГО ВОЛЖСКО-БОЛГАРСКАГО И КАЗАНСКАГО ЦАРСТВЪ

ВЪ НЫНѢШНИХЪ ГУБЕРНІЯХЪ КАЗАНСКОЙ, СИМБИРСКОЙ, САМАРСКОЙ И ВЯТСКОЙ.

Кап. Невоструева.

МОСКВА.

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ

1871.

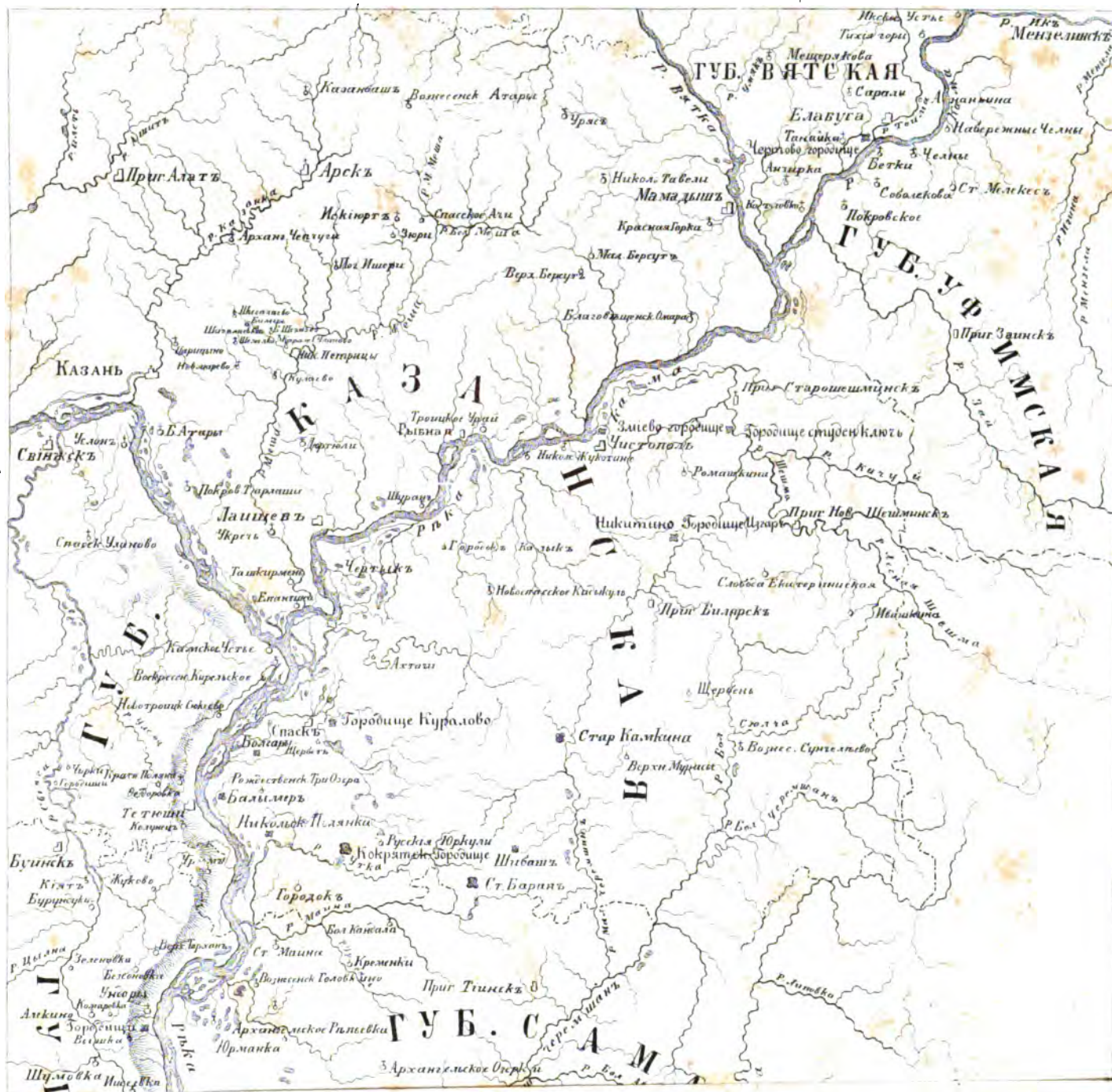
ДК30
N48
f

Перепечатано «изъ Трудовъ 1-го Археологическаго Съѣзда».

КАРТА ГОРОДИЩЪ

Волжско-болгарскаго и Казанскаго царствъ.

къ стр. 521.

ДК30

N48

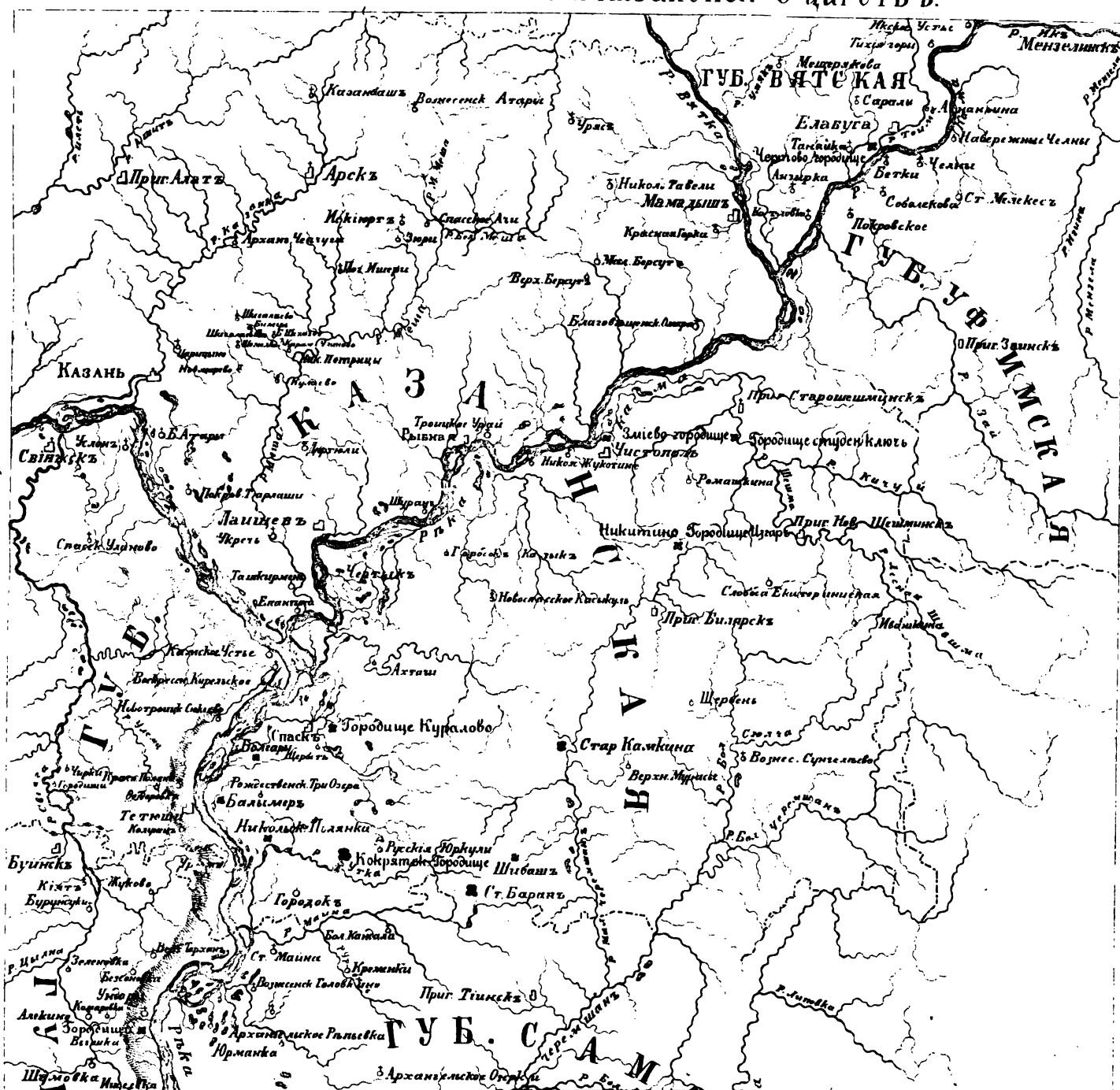
f

Перепечатано «изъ Трудовъ 1-го Археологическаго Съѣзда».

КАРТА ГОРОДИЩЪ

Волжско-болгарскаго и Казанскаго царствъ.

къ стр. 521.

О ГОРОДИЩАХЪ

ДРЕВНЯГО ВОЛЖСКО-БОЛГАРСКАГО И КАЗАНСКАГО ЦАРСТВЪ

въ нынѣшнихъ губерніяхъ Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской.

К. И. Невоструева.

При настоящемъ благопріятномъ случаѣ Съѣзда въ Москву Русскихъ археологовъ желая съ своей стороны, если не самымъ дѣломъ, то хотя указаніемъ на дѣло, принести какую нибудь пользу наукѣ, мы предприняли составить статью о городищахъ бывшаго въ предѣлахъ нынѣшней Россіи Болгарскаго и потомъ Казанскаго царства на берегахъ Волги и Камы и другихъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ. Царство Волжско-Болгарское—колыбель Дунайскихъ Булгаръ — и заступившее его мѣсто Казанское, существуя, можетъ быть, болѣе тысячи лѣтъ, съ V до XVI вѣка по Рождествѣ Христовомъ, когда было покорено Русской державѣ, и занимая сѣверо-востокъ нынѣшней Россіи, т. е. болѣе или менѣе губерніи Казанскую, Вятскую, Уфимскую, Симбирскую и Самарскую, какъ само по себѣ, такъ и по отношенію къ древней Руси, должно быть для насъ вполне интересно. Уже въ глубокой древности мы видимъ здѣсь значительную цивилизацію, особенно развившуюся при сношеніяхъ съ Востокомъ, видимъ процвѣтающія искусства, торговлю, грамотность, битіе монеты и т. д. На это указываютъ развалины Булгара на Волгѣ, главнаго города этого царства, и нѣкоторыхъ другихъ его городовъ, надписи на памятникахъ, и разныя вещи, находимыя въ раскопкахъ его кургановъ и городищъ. Объ этомъ прямо говорятъ Арабскіе географы и путешественники, съ X вѣка посѣщавшіе землю Волжскихъ Булгаровъ—Ибнъ Фозланъ, Ибнъ Гаукаль (оба въ X вѣкѣ), Абу Гамидъ Андалузи (въ XII вѣкѣ) и нѣкоторые другіе. Припомнимъ наконецъ слова о сихъ Булгарахъ воеводы Добрыни къ св. Владиміру, просвѣтителю Россіи, сказанныя послѣ одержанной надъ ними побѣды: «оже вси въ сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти (т. е. дани они платить намъ не станутъ), лучше пойдемъ искать лапотниковъ». Въ Русскихъ лѣтописяхъ различаются: 1) Булгары на Волгѣ, 2) Булгары Серебряные или Нукратскіе, жившіе на Камѣ или Вяткѣ, 3) Булгары Тимтюзи, вѣроятно, смежныя съ предыдущими и 4) Булгары Черемшанскіе на рѣкѣ Черемшанѣ (Самарской губерніи). Хвалисы, жившіе при Каспійскомъ морѣ, были отдѣльный, хотя и единоплеменный съ Булгарами народъ. Въ 922 году Булгары приняли магометанство, но

вмѣстѣ видно и то, что христіанство какъ прежде, такъ и послѣ этого времени проникало въ Булгарію. Языкъ этихъ Булгаровъ былъ собственно Турецкій, смѣшанный съ Славянскимъ, какъ говорятъ вышеупомянутые Арабскіе путешественники и выводятъ наши ориенталисты. По сказанію тѣхъ же путешественниковъ, царь Булгарскій, имѣвшій свою резиденцію въ Булгарѣ на Волгѣ, имѣлъ нѣсколько подвластныхъ себѣ царей, которые на аудіенціяхъ находились при немъ, какъ приближенные. Какъ путешественники и географы Арабскіе, такъ и наши Русскія лѣтописи у Булгаръ указываютъ довольно городовъ: Ашли, Челмать, Собекулъ, Арнасъ, Жукотинъ, Кременчюкъ, Басовъ, Исбилъ или Исболъ, Сиваръ, Бряхимовъ. Въ 1236 году Татары, вторгшись въ эту Булгарію, положили конецъ Булгарскому царству, отселъ вошедшему въ составъ Золотой Орды. При раздиравшихъ Орду междоусобіяхъ въ половинѣ XV вѣка построена была нынѣшняя Казань и сдѣлалась столицею независимаго отъ нея, самостоятельнаго царства Казанскаго, которое такимъ образомъ основалось какъ бы на развалинахъ прежняго Волжско-болгарскаго, магометанскаго же, царства и служило продолженіемъ его. Отъ многихъ изъ вышеупомянутыхъ древнихъ Болгарскихъ и позднихъ Казанскихъ городовъ, конечно, остались развалины и какъ городища вошли они въ наше обозрѣніе: но мы не могли признать эти городища за тотъ или другой историческій или неисторическій городъ и открыть подлинныя названія сихъ мѣстъ. Потому что а) съ разрушеніемъ самыхъ городовъ преданіе давно утратило собственное названіе ихъ, и б) еще болѣе потому, что впоследствии случайно даны имъ совсѣмъ другія, Русскія названія (Костычевское, Саввино, Крестовое, Чертово городища, — см. описаніе ихъ), много сбивающія съ пути изслѣдователя. Наше обозрѣніе прямо открываетъ изъ означенныхъ историческихъ развѣ только три-четыре города, и будущимъ изслѣдователямъ указываетъ на слѣдъ или мѣста другихъ. Мы ограничились только тѣми городищами, о которыхъ имѣемъ особенныя свѣдѣнія изъ положительныхъ документовъ — древнихъ писцовыхъ книгъ и разныхъ актовъ и записей, изъ путешествій XVII и XVIII вѣковъ. Обозрѣніе это во всякомъ случаѣ указываетъ въ Булгаро-казанскомъ царствѣ довольно населенныхъ и укрѣпленныхъ мѣстъ; а это уже не малое приобрѣтеніе для науки. Бывшія здѣсь городища, нами предъявляемыя, можетъ быть, объяснятся изъ Татарскихъ лѣтописей, если ученые вновь откроютъ и разберутъ эти малозвѣстные, но въ настоящемъ отношеніи весьма важные источники. Съ другой стороны, раскопки кургановъ, находящихся при нѣкоторыхъ городищахъ, и тщательное изслѣдованіе на мѣстѣ, можетъ быть, прольютъ новѣйшій свѣтъ на самыя эти городища и вообще на темныя стороны въ исторіи Булгарскаго народа. А что касается до насъ, то собравъ указанія и извѣстія изъ актовъ и другихъ означенныхъ источниковъ о томъ или другомъ городищѣ, мы, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній, не могли быть на самыхъ городищахъ или приобрѣсть свѣдѣнія о настоящемъ ихъ положеніи. При этомъ съ прискорбіемъ мы должны замѣтить вообще равнодушіе Русской публики къ подобнымъ ученымъ вопросамъ. Мы обращались за означенными свѣдѣніями со всеусерднѣйшею просьбою во имя науки и нашего Археологическаго Общества, обстоятельно объяснивъ дѣло и изложивъ по пунктамъ, что именно намъ желалось знать о томъ или другомъ городищѣ, обращались къ Губернскимъ Статистическимъ Комитетамъ (не хотимъ именовать ихъ) и нѣкоторымъ къ нимъ соприкосновеннымъ и свѣдущимъ лицамъ. Въ отвѣтъ намъ было — краснорѣчивое молчаніе... Но съ другой стороны, оказали

намъ въ этомъ живое сочувствіе и содѣйствіе лица совсѣмъ инныя и большею частію духовныя, ни службою, ни положеніемъ, ни занятіями несоприкосновенныя нашему дѣлу. Съ искреннѣйшею благодарностію осмѣливаемся наименовать изъ нихъ— Симбирскихъ гг. помѣщиковъ Александра Михайловича и Александра Петровича Языковыхъ, Самарскаго кафедральнаго о. протоіерея Ивана Егоровича Халколиванова и оо. протоіереевъ Сызранскаго Арсенія Петровича Успенскаго, Сингилеевскаго Ксенофонта Степановича Базилевскаго и Усольскаго Сергія Михайловича Преображенскаго, также Елабужскаго купца Ивана Васильевича Шишкина; нѣкоторые другіе пособники означены въ самыхъ описаніяхъ.

Обозрѣніе Булгарскихъ и Казанскихъ городищъ мы будемъ вести по Волгѣ и Камѣ и впадающимъ въ нихъ рѣкамъ, — и начнемъ оное съ самой столицы Болгарскаго царства—Булгара на Волгѣ. Къ этому мы составили особую статью о находившемся въ предѣлахъ древне-Булгарскаго царства Ананьинскомъ курганѣ или мотильникѣ, который, однако, оказался древностію своею далеко восходящимъ за періодъ Булгарскаго царства и относящимся еще ко временамъ до Рождества Христова.

Къ статьѣ мы приложили *карту* вошедшихъ въ наше обозрѣніе городищъ. Мы заимствовали ее изъ «Подробной карты Россійской имперіи, сочиненной, гравированной и напечатанной при собственномъ Его Императорскаго Величества депозитѣ» (1805 года), и состоящей изъ ста листовъ. Эту карту, гдѣ для нашей цѣли было нужно, мы дополнили по другимъ подробнымъ и вѣрнымъ картамъ, по урочищамъ доселѣ существующимъ и яснымъ указаніямъ актовъ.

I. ГОРОДИЩА ПО ВОЛГѢ И ВПАДАЮЩИМЪ ВЪ НЕЕ РѢКАМЪ.

1. Булгаръ на Волгѣ.

Столицею Волжско-Булгарскаго царства служилъ городъ Булгаръ на Волгѣ въ Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, въ 125 верстахъ отъ Казани и въ 6-ти отъ Волги, верстахъ въ 30 ниже впаденія въ нее Камы, гдѣ нынѣ находится село Успенское съ развалинами этого города. (См. его на приложенной при семъ картѣ городищъ). Основаніе Булгара теряется въ отдаленной древности. Татарскія лѣтописи, впрочемъ большею частію исполненныя баснями, между прочимъ построение его приписываютъ Александру Македонскому, творцу всѣхъ древнихъ городовъ въ Азіи, какъ замѣчаетъ г. Савельевъ ⁽¹⁾. Во всякомъ случаѣ достоверно извѣстно, что Булгаръ на Волгѣ существовалъ уже и былъ столицею царства въ первой половинѣ X вѣка. Въ 309 г. гижры (921 по Р. Хр.) Булгарскій царь Алмасъ, имѣвшій свою резиденцію въ означенномъ городѣ Булгарѣ, рѣшившись принять или уже принявъ магометанскую вѣру чрезъ посольство свое въ Багдадъ къ калифу Муктедиру, просилъ прислать къ нему людей, свѣдущихъ въ мусульманскомъ законѣ и художни-

(1) См. Савельева Мухамеданская Нумизматика, Спб. 1846 стр. LXXIII.

ковъ для постройки мечети и крѣпости. Калифъ послалъ къ нему въ Булгаръ Соусена эль-Раси и Ахмеда ибнъ-Фоглана. Они ввели или утвердили здѣсь магометанство,—и Ибнъ-Фогланъ при этомъ составилъ любопытное описаніе Волжской Болгаріи, столицы ея Булгара и прочихъ на пути видѣнныхъ имъ странъ ⁽¹⁾. По этому описанію, посламъ выслалъ на встрѣчу далеко отъ столицы Булгарскій повелитель (Малекъ эль Саклабъ—владавецъ Славянъ) своихъ братьевъ, дѣтей и четырехъ подвластныхъ ему царей, потомъ самъ встрѣтилъ ихъ и между прочимъ осыпалъ ихъ мелкими серебряными деньгами, самъ прочелъ письмо къ себѣ Багдадскаго калифа и его визиря и принялъ пословъ въ своей палаткѣ сидя на престолѣ, покрытомъ Греческой парчею, окруженный дѣтьми и подвластными ему царями. Въ столицѣ этого царя, говоритъ Ибнъ-Фогланъ, мы видѣли такое множество удивительныхъ вещей, что и перечестъ невозможно, городъ примѣрно отстоялъ отъ рѣки Ителя (Волги) на парасангу (версты 4). Послѣ Ибнъ-Фоглана былъ въ Булгарѣ на Волгѣ около 970 г. многостранствовавшій и любознательный купецъ изъ Мосуля Ибнъ-Гаукаль, въ своемъ «Землеописаніи» также сообщающій намъ довольно о немъ извѣстій. Въ это время городъ Булгаръ имѣлъ въ себѣ до 10 т. жителей, дома здѣсь строили изъ кирпича, чѣмъ въ Итилѣ (Астрахани), хотя не было такихъ высокихъ минаретовъ при мечетяхъ и каменнаго дворца, какъ въ Итилѣ; избъ, обыкновенно деревянныхъ, считалось не много болѣе пяти сотъ. Изъ этого числа домовъ и жителей нельзя впрочемъ заключать о незначительности города: потому что Ибнъ-Гаукаль видѣлъ Булгаръ послѣ разоренія его Руссами въ 968 г. и имѣлъ въ виду только уцѣлѣвшую часть или центръ города изъ настоящихъ домовъ, не упоминая о подвижныхъ жилищахъ, кибиткахъ и юртахъ, обыкновенно окружавшихъ тогдашніе Волжскіе и Азіатскіе города. Въ началѣ XI в. по свидѣтельству Абу Хамеда Андалузи, также бывшаго въ Булгарѣ, городъ былъ обнесенъ дубовыми стѣнами ⁽²⁾.

Развалины Булгара посѣщали и описали многіе знатныя и ученые лица. Сколько извѣстно, Петръ Вел. первый обратилъ царственное вниманіе на эти развалины. Въ 1722 г. во время Персидскаго похода, плывя Волгою изъ Казани въ Астрахань, онъ осмотрѣлъ бывшую столицу Волжскихъ Булгаръ и отдалъ приказъ о поддержаніи и предохраненіи отъ разрушенія клонящихся къ тому зданій. Тогда же были сняты и переведены на Русскій языкъ 49 Татарскихъ и Армянскихъ надписей на памятникахъ Булгарскихъ Татарскимъ ученымъ ахуномъ Кадыръ-Маметемъ и Армяниномъ Иваномъ Васильевымъ. Но обстоятельно описать развалины Булгара прежде всѣхъ академикъ Палласъ въ 1768 г. ⁽³⁾ и въ томъ же году студентъ Озерецковскій ⁽⁴⁾. Въ 1822 г. сдѣлалъ ученое описаніе его съ новыми открытіями и объясненіями профессоръ Ердманъ ⁽⁵⁾. Въ 1824 г. краснорѣчиво описалъ развалины Булга-

(1) Ibn Fozzlans und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit, von C. M. Frähn, St. Petersburg 1825.

(2) Савельева тамъ же, стр. LXIX—LXX.

(3) P. S. Pallas Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches, Frankfurt u. Leipzig 1768—69 Th. 1, въ Рус. переводѣ: П. С. Палласа—Путешествіе по разнымъ провинціямъ Рос. имперіи, Спб. 1773 г. ч. 1 стр. 185 и слѣд., съ рисунками.

(4) Описаніе его, отличающееся измѣреніями зданій, помѣщено въ Дневныхъ Запискахъ Лелекина, Спб. 1771, ч. 1 стр. 265—283.

(5) Beiträge zur Kenntniss des Innern von Russland von D. F. F. Erdmann, Riga und Leipzig 1822—26, 1 Th. S. 280—305.

ра Павелъ Свининъ, съ видомъ ихъ ⁽¹⁾, въ 1832 г. болѣе обстоятельное описаніе составилъ нѣкто г. Кастанниковъ, житель Казанскій ⁽²⁾, потомъ профессора Казанскаго университета Второвъ ⁽³⁾ и Березинъ ⁽⁴⁾. Извѣстно наконецъ намъ, что къ настоящему Сѣзду Русскихъ археологовъ въ Москвѣ Казанскій помѣщикъ Спасскаго уѣзда близъ бывшаго Булгара на Волгѣ г. Лихачевъ прислалъ въ Московское Археологическое Общество литографическіе рисунки древностей найденныхъ въ Булгарѣ и приготовленныхъ имъ для особаго изслѣдованія объ этомъ замѣчательномъ городѣ.

По мнѣнію г. Березина ⁽⁵⁾, весьма вѣроятному, существующіе нынѣ остатки отъ Булгара принадлежатъ всѣ безъ исключенія мусульманской эпохѣ, т. е. съ X по XV столѣтіе, притомъ преимущественно ближе къ XIII столѣтію. Последнее выводится изъ характера самыхъ зданій (раскрытаго далѣе) и подтверждается историческими извѣстіями,—о разрушеніи Монголами Булгара въ XIII в., послѣ коего вскорѣ однако онъ оправился, какъ лѣтняя резиденція золотоордынскихъ царей. Для безопасности отъ непріятеля городъ былъ обведенъ валомъ и рвомъ, уцѣлѣвшими доселѣ, и по всей вѣроятности—деревянною только стѣною.

Въ знаменитыхъ развалинахъ Булгара на Волгѣ, какъ это было нерѣдко въ древней Россіи, что въ сѣдалищахъ язычества или магометанства открывались иноческія обители, въ 1712 г. учрежденъ мужескій монастырь. Казанскій митрополитъ Тихонъ относительно сего писалъ тогда къ Казанскому губернатору Апраксину, что издревле по походѣ благовѣрнаго князя Андрея Боголюбскаго ⁽⁶⁾ пустѣетъ въ Казанскихъ предѣлахъ царственное Болгарское мусульманское городище, весьма преславное и прекрасное, что *царь Θεодоръ Алексѣевичъ весьма любилъ и почиталъ оное* и потому тогдашнему митрополиту Казанскому Іоасафу указалъ писатися Казанскимъ и Болгарскимъ митрополитомъ, и что весьма прилично сіе городище возобновить и просвѣтитъ строеніемъ въ немъ церковей Божіихъ, основаніемъ монастыря и населеніемъ благочестія. Когда это дѣло по общему разсудительному совѣту митрополита съ губернаторомъ было рѣшено такъ, чтобы въ городищѣ устроить монастырь въ честь Успенія пресв. Богородицы: то въ томъ же 1712 г. назначенный въ новоначинающійся монастырь строитель Авксентій просилъ Губернаторскую Канцелярію объ отмежеваніи земли, положенной подъ строеніе монастыря, братскихъ келій и разныхъ службъ, также и пашенной земли, сѣнныхъ покосовъ и поверстнаго лѣса, и о дачѣ ему на все это владѣніе выписи съ межевыхъ книгъ. Въ наказѣ изъ Губернаторской Канцеляріи дьяку Михайлову, посланному по сей просьбѣ на Болгарское городище, вѣннено было въ обязанность «осмотря, чѣмъ на городищѣ какого древняго строенія есть, описать, и землю отмѣря отвести подъ монастырь». И опытный въ своемъ дѣлѣ дьякъ въ сентябрѣ тогоже 1712 г. хорошо исполнилъ то и другое, об-

(1) Отечественныя Записки 1824 ч. 18 № 48.

(2) Въ Заволжскомъ Муравѣ 1832, и потомъ въ Библіотекѣ для чтенія 1847, Іюль, отдѣлъ III, стр. 41—65.

(3) Въ Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ 1840, Авг. «Казанскія Древности».

(4) Булгаръ на Волгѣ, Казань 1853, стр. 5—71, съ рисунками тамошнихъ древностей.

(5) Булгаръ на Волгѣ, стр. 10.

(6) Вѣроятно, разумѣется походъ на Болгаръ самого Боголюбскаго въ 1164 г. или сына его Мстислава около 1172 г., см. Карамзина Исторія Гос. Рос., изд. Эйнерлинга, т. II стр. 182 и т. III стр. 13.

стоятельно описавъ бывшія на Булгарскомъ городищѣ древнія строенія. Это описаніе для насъ теперь весьма замѣчательное, составлено такимъ образомъ ровно за 10 лѣтъ до посвященія Булгарскихъ развалинъ Петромъ Вел. и слишкомъ за 50 лѣтъ до описанія ихъ знаменитымъ Палласомъ. Мы нашли означенную Выпись съ межевыхъ книгъ Успенскому монастырю съ описаніемъ всѣхъ зданій Булгарскаго городища въ архивѣ Симбирской Гражданской палаты, въ одномъ спорномъ дѣлѣ о земляхъ въ позднемъ спискѣ (Старыя дѣла № 2,215), который мы потомъ имѣли случай повѣрить съ подлинною Выписью, хранящеюся въ Московскомъ Государственномъ архивѣ старыхъ дѣлъ, въ числѣ грамотъ и другихъ актовъ по Казани съ городами подъ № 227-мъ. Естественно, что нѣкоторыя зданія Выпись представляетъ въ болѣе цѣльномъ видѣ, нежели какъ они оказались при Палласѣ (см. ниже зданія №№ 12—15, 18), нѣкоторымъ даетъ иное и весьма правдоподобное значеніе, напр. три палаты подъ №№ 8—10 называя царскими, №№ 7, 14, 15 мечетями, другія же напротивъ при Палласѣ напр. слышущія подъ именами Греческой и Судной палатъ, не отмѣчаетъ сими названіями, хотя представляетъ, особенно о первой, замѣчательныя извѣстія. Названіе царскихъ палатъ и мечетей, данное вышепоказаннымъ зданіямъ, тѣмъ болѣе должно имѣть для насъ правдоподобіе и важность, что, какъ видно, дѣякъ при этомъ слѣдовалъ указаніямъ одного уважаемаго и свѣдущаго, здѣсь или по близости жившаго, Татарскаго ахуна Кадырмамета, того самаго, которому и при Петрѣ I поручено было разсмотрѣніе и переводъ Арабскихъ надписей на Булгарскихъ памятникахъ. Противъ позднихъ описателей городища иногда оказывается разность въ измѣреніи, въ Выписи вообще нѣсколько уменьшенномъ. Мы передаемъ буквально эту, по старому выраженію, Владѣнную выпись, доколѣ она содержитъ описаніе Булгарскихъ развалинъ и имѣетъ для насъ историко-археологическій интересъ.

Выпись съ межевыхъ книгъ, письма и мѣры дѣяка Андрея Михайлова, на землю ново-строющуюся Болгарскаго Успенскаго монастыря 1712 года.

«Въ нынѣшнемъ 712 году сентября въ 15 день билъ челомъ Великому Государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, у межеваго дѣла дѣяку Андрею Михайлову новоначатаго Болгарскаго монастыря строитель Авксентій съ братією. По указу де Великаго Государя велѣно подъ строеніе того монастыря и брацкихъ келій и иныхъ служебъ и конюшеннаго и житнаго дворовъ отвести земли на Болгарскомъ городищѣ, да къ тому же монастырю папшенной земли и поверстный лѣсъ и сѣнные покосы, противъ указаго числа, какъ о томъ опредѣлено губернаторскимъ приказомъ. И та земля и сѣнные покосы и лѣсъ къ тому монастырю отведена и отмѣрена и межи и грани той землѣ учинены. А для владѣнія впредь въ тотъ монастырь на ту землю и на сѣнные покосы и на поверстный лѣсъ отъ межеваго дѣла ему строителю Выписи не дано. Чтобъ Великій Государь пожаловалъ его велѣлъ, въ тотъ монастырь на ту землю и на другіе угоды съ межевыхъ мѣрныхъ книгъ дать Выпись. А въ наказѣ, каковъ данъ изъ Губернаторской Канцеляріи дѣяку Андрею Михайлову, написано: прошедшаго августа 18 дня въ письмѣ преосвященнаго Тихона, митрополита Казанскаго и Свияжскаго, къ ближнему боярину Казанскому и Астраханскому губернатору къ Петру Матвѣевичу Апраксину, въ Казани, въ большую Губернаторскую Канцелярію писано: издревле де по плѣненіи благовѣрнаго князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго пустѣетъ въ Казань»

скихъ предѣлѣхъ оное царственное Болгарское мусульманское городище, которое весьма преславно и прекрасно, иже на ономъ мѣстѣ ниже яковыхъ не точію православныхъ, но ни мусульманскихъ селеній есть, развѣ древнихъ каменныхъ зданій, иже высокодостоуженнѣйшія памяти благочестивѣйшимъ Великимъ Государемъ, царемъ и великимъ княземъ Θεодоромъ Алексѣвичемъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцемъ, весьма любимо и почитаемо бысть, иже тогда бывшему въ Казани архіереови преосвященному Іоасафу указалъ писатися Казанскимъ и Болгарскимъ митрополитомъ, иже достолично оное царственное древнее мѣсто во славу Христа Бога, ради многолѣтнаго здравія благочестивѣйшаго монарха нашего и благополучнаго его царствованія, возобновить и просвѣтить строеніемъ святыхъ Божіихъ церквей и населеніемъ благочестія, и соорудить монастырь: понеже оное мусульманское царство, по плѣненіи оного благочестиваго князя Россійскаго пустѣть, посреди благочестія, кромѣ всякія святыни, по граногравамъ пять сотъ тритцать семь лѣтъ, и иже нынѣ, по предъувѣденію Божію, по усмотрѣнію же и ревностному во благочестіи разширенію, онъ преосвященный митрополитъ, по разсудному совѣту съ ближнимъ бояриномъ и губернаторомъ Петромъ Матвѣвичемъ Апраксинымъ, намѣрялся на томъ царственномъ Булгарскомъ городищѣ строить на общее жителство монахомъ монастырь, во имя пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, всесвятѣйшаго и преславнаго ея успенія, и на соборную молитву изъ оныхъ каменныхъ древнихъ зданій церкви святыя возградить, и ближнему боярину и губернатору Петру Матвѣвичу Апраксину о отводѣ подъ то монастырское строеніе оного Булгарскаго городища, и ко удовольствію къ тому Булгарскому Успенскому монастырю пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодей учинить указъ Великаго Государя, по своему разсмотрѣнію. И по указу Великаго Государя, царя и великаго князя Петра Алексѣвича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, ближній бояринъ Казанскій и Астраханскій губернаторъ Петръ Матвѣвичъ Апраксинъ, слушавъ того доносительнаго письма, приказалъ подъ то монастырское строеніе оное Булгарское городище отвести, да къ тому монастырю около того городища намѣря отмежевать земли пять сотъ четъи въ полѣ, а вѣду потомуужъ, да сѣнныхъ покосовъ на пять тысячъ копенъ, да лѣсу поперстнаго въ угодье, вверхъ и внизъ по рѣкѣ Волгѣ, и къ степи по двѣ версты длиннику и поперечнику, кромѣ помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ дачъ; а на строеніе того монастыря велѣно дать изъ казны Великаго Государя, изъ большой Губернаторской Канцеляріи, денегъ двѣсти рублевъ, желѣза сто пудовъ, извести двѣсти бочекъ четвертныхъ, да хлѣба, ржи и овса по сту четъи. А для отводу онаго Булгарскаго городища подъ монастырское строеніе и къ тому монастырю земли и всякихъ угодей велѣно изъ Казани ѣхать ему дяку Андрею, а пріѣхавъ то Булгарское городище, осмотря, что на немъ какаго древняго строенія есть, описать, и землю измѣря отвести подъ тотъ новоозначенный Успенскій монастырь, положи въ десятины, что его будетъ; да къ тому монастырю около того городища намѣрять и отмежевать земли на пашню пять сотъ четъи въ полѣ, а въ двѣ потомуужъ, да сѣна пять тысячъ копенъ, да лѣсу поперстнаго въ угодье вверхъ и внизъ по рѣкѣ Волгѣ и къ степи по двѣ версты длиннику и поперечнику, и учинить межи и грани и всякіе признаки по статьямъ писцоваго наказа. И какъ оное Булгарское городище подъ тотъ новоозначенный Успенскій Булгарскій монастырь отведено, и земля отмежевана будетъ, и по которымъ урочи-

щамъ, тому всему учинить, написавъ со всякимъ извѣстіемъ, книги; да тѣ книги за своею и стороннихъ людей за руками подать въ Казани ему ближнему боярину и губернатору Петру Матвѣвичу Апраксину.

И по оному врученному ему наказу дьякъ Андрей Михайловъ, пріѣхавъ на то прежде бывшее Булгарское городище, древнее строеніе, что во окружномъ земляномъ валу нынѣ есть, описалъ, и землю и лѣсъ и всякія угоды и сѣнные покосы мѣрилъ, и измѣривъ подъ строеніе того монастыря, и для населенія крестьянъ пахенныя земли и лѣсу и сѣнные покосы, противъ положеннаго указа, къ тому монастырю отвелъ, и той описи и земляной мѣрѣ учинилъ мѣрные межевыя книги.

Слѣдующее за симъ описаніе Булгарскаго городища и древнихъ его зданій для большей опредѣленности и ясности мы изложимъ въ сличеніи вышепоказанныхъ позднѣйшихъ описателей городища—Палласа, Лепехина (собственно Озерецковскаго), Свиньина, Кафтанникова, Второва и Березина, текстъ Выписи отличая отъ ихъ описаній коммочками. Самые зданія подведемъ подъ числа. Думаемъ, что не безполезенъ будетъ этотъ сводъ и самихъ прежнихъ описателей между собою, тѣмъ болѣе съ первоначальнымъ описаніемъ зданій у дьяка Михайлова. Для большей ясности къ статьѣ прилагается: планъ мѣстности Булгарскаго городища и отдѣльно нѣкоторыхъ болѣе или менѣе сохранившихся зданій, нарочито сдѣланный на самомъ мѣстѣ для предсѣдателя Московскаго Археологическаго Общества, графа А. С. Уварова въ 1869 году. Сверхъ сего мы будемъ ссылаться на *виды* Булгарскихъ зданій, отлитографированные въ Иллюстраціи 1846 г. № 4 и 5. Издателю ихъ, Кавелину, достались они по случаю отъ изыскателя древностей, вышепомянутаго Казанскаго жителя Кафтанникова. Рисунки эти, говоритъ Кавелинъ, сняты Кафтанниковымъ съ натуры во время неоднократнаго посѣщенія развалинъ. Въ настоящее время они тѣмъ болѣе интересны, что теперь противъ нихъ въ зданіяхъ многое уже утратилось.

«А въ межевыхъ книгахъ писано: по осмотру и по мѣрѣ того городичнаго мѣста въ окружномъ валу длиннику девять сотъ дватцать саженъ, поперегъ шесть сотъ девяносто саженъ трехъ-аршинныхъ, а десятинами триста двѣнадцатъ десятинъ три четверти».

Позднѣйшіе описатели въ семъ случаѣ несогласны съ Выписью, равно и между собою. Палласъ стр. 186 говоритъ, что укрѣпленіе имѣетъ видъ неправильнаго полу-кружія, примыкающаго концами къ крутому берегу (съ сѣвера), и валъ, оное окружающій, длиною (въ *фм.* подлинникѣ *im Umfange*—въ объемѣ) по крайней мѣрѣ на шесть верстъ, по Лепехину стр. 266 онъ имѣетъ цѣлую милю въ окружности, или по Второву стр. 181 около 7 верстъ, по Свиньину стр. 7 валъ заключаетъ въ себѣ 7 верстъ въ длину (слишкомъ преувеличено!) и около 4 въ ширину, по Березину стр. 13 около 9 верстъ въ окружности, считая и сѣверный бокъ обращенный къ утесу. См. планъ мѣстности Булгарскаго городища 1869 г. и общій видъ Булгарскихъ развалинъ въ Иллюстраціи 1846 г.

«И изъ того числа подъ строеніе того монастыря отведено земли внутрь малаго окопа, гдѣ былъ царскій домъ, длиннику восемьдесятъ, поперегъ шестдесятъ саженъ трехъ-аршинныхъ».

Позднѣйшіе описатели—Палласъ и другіе вовсе не упоминаютъ объ этомъ окопѣ; видно, что тогда слѣды его уже сгладились. Онъ находился на сѣверной части окружнаго

вала, въ центрѣ нынѣшняго села и обнималъ нижеописанные четверугольникъ, большой минаретъ, зданія, бывшія подъ церковію и погребомъ монастырскимъ, и три царскихъ палаты. Этотъ окопъ надобно отличать отъ другаго такъ называемаго малаго городка, находившагося уже за окружнымъ валомъ, на югѣ, который также былъ обведенъ небольшимъ валомъ въ видѣ четверугольника и составлялъ предметъ или цитадель города. Объ этомъ маломъ городкѣ всѣ означенные описатели Булгара говорятъ въ другомъ мѣстѣ, и описываютъ его иначе, кромѣ Палласа и Кафтанникова, которые о немъ вовсе не упоминаютъ. См. Лепехина стр. 271 (№№ 40—44), Свиньина стр. 31, Второва стр. 195, Березина стр. 11 и 12, слич. стр. 26. Тогда какъ Березинъ ханскій дворецъ полагаетъ въ этомъ маломъ южномъ городкѣ или цитадели (стр. 26), приведенныя и нижеслѣдующія слова Выписи съ большимъ, конечно, авторитетомъ ханскій дворецъ указываютъ въ сѣверномъ окопѣ. Свиньинъ стр. 11 находитъ и ясныя признаки бывшаго здѣсь большаго ханскаго дворца, имѣвшаго въ фундаментѣ до 80 футовъ въ длину и ширину, съ башенками по угламъ.

Развалины №№ 1—4: «Да на томъ городичномъ мѣстѣ, въ окопѣ, гдѣ напредъ сего былъ тотъ царевъ домъ, древняго каменнаго строенія, по четыремъ угламъ четыре полаты круглыхъ, въ знакъ малаго городка, мѣрою полата отъ полаты по осмнадцати сажень, вышины тѣ полаты по полуторы сажени, а внутри тѣхъ полатъ, по однимъ стѣнамъ тринадцать, а по другимъ пятнадцать сажень» (т. е. такова мѣра уцѣлѣвшимъ между палатами стѣнамъ, слич. нижеприведенныя слова Кафтанникова, также и Лепехина № 33, гдѣ въ длину вм. 30 чит. по 13 сажень).

У Лепехина сіи четыре башни описаны подъ №№ 30 — 33, у Кафтанникова на стр. 42, 43, у Второва на стр. 184, у Свиньина помянуты на стр. 10. Кафтанниковъ о четверугольникѣ, каковъ здѣсь изображается, пишетъ такъ: въ срединѣ селенія, по близости новой церкви, видны развалины въ видѣ ограды, окружавшей неправильно четырехъ-угольное мѣсто или площадь; къ угламъ ограды примыкаютъ основанія бывшихъ башенъ... Длина стѣнъ между этихъ башенъ: западной 14 сажень—въ срединѣ ея были ворота, что примѣтно по угламъ; восточной 12 сажень, южной и сѣверной длина съ небольшимъ по 12 сажень. Тоже повторяетъ и Второвъ: минаретъ примыкаетъ къ неправильно—четверугольному мѣсту, образуемому изъ слѣдовъ стѣнъ, совершенно уже разрушенныхъ, по угламъ которыхъ видны четыре основанія, какъ полагать можно, башенъ. Березинъ (стр. 19): большой минаретъ стоялъ въ связи стѣнъ четверугольника, по угламъ котораго находятся основанія башенъ. См. сей четверугольникъ съ прилежащимъ къ нему большимъ минаретомъ на планѣ Булгарскихъ зданій 1869 г. подъ № 1.

№ 5. «Да всходный столпъ, котораго еще и нынѣ въ вышину одиннадцать сажень, а по сказкѣ Татарскаго ахуна Кадырь-мамента, что де между тѣхъ (т. е. въ числѣ тѣхъ четырехъ?) полатъ была мусульманской вѣры большая мизгитъ» (т. е. мечеть).

Всходный этотъ столпъ, извѣстный подъ именемъ большаго минарета, подробно описанъ Палласомъ, который представилъ и видъ его (стр. 186, 187), и всѣми другими, Лепехинымъ (№№ 270 и 341), Свиньинымъ (стр. 1 — 9), Кафтанниковымъ (стр. 43 и слѣд.), Второвымъ (стр. 182, 183) и Березинымъ (стр. 18, 19). Видъ его

см. въ Иллюстраціи подъ заглавіемъ: столпъ первый. Онъ находится вблизи вышеупомянутаго четырехугольника, въ одной только сажени (Лепехинъ и Кафтанниковъ) отъ угловой сѣверозападной его башни; онъ весь сложенъ изъ дикаго камня, основаніе имѣетъ квадратное, въ поперечникѣ $7\frac{1}{2}$ арш., въ высоту 5 арш., второй уступъ осмиугольный высоты 4 арш. и на немъ возвышается круглый столпъ въ 8 арш. (Кафтанниковъ); отсюда открывается все позорище развалинъ Булгара и богатая перспектива окрестности верстъ на 20. Палласъ говоритъ, что столпъ этотъ или минаретъ нѣсколько выше 12 сажень и ведущая на верхъ его лѣстница имѣетъ 72 ступени, покрытъ вновь сдѣланною деревянною крышею. Помянутая въ Выписи палата, служившая мизгитью, на сѣверозападномъ углѣ четырехугольника, къ которому примыкалъ минаретъ, по словамъ Палласа, было большое каменное зданіе съ толстыми углами, въ которомъ онъ, также предполагаетъ большую мечеть. Минаретъ преимущественно предъ прочими зданіями уцѣлѣлъ отъ того, что Петръ I-й, посѣтивъ развалины Булгара, приказалъ верхнюю часть его оковать желѣзными обручами, а Казанскій вице-губернаторъ Гурьевъ покрылъ досчатою кровлею (Свининъ). Подкапываемый крестьянами, ищущими клада подъ нимъ, около 1832 года онъ значительно наклонился къ церкви (Кафтанниковъ), а около 1837 года, не смотря на эту наклонность, Казанскими Татарами онъ былъ оштукатуренъ и покрытъ желѣзною кровлею (Второвъ); но въ 1841 году онъ палъ и теперь уже не существуетъ (Березинъ). Существованіе при этомъ минаретѣ въ четвероугольникѣ большой сборной или ханской мечети Кафтанниковъ, Второвъ и Березинъ выводятъ и изъ того, что приѣзжающіе къ развалинамъ Магометане, Казанскіе Татары, Башкирцы, Хивинцы и Бухарцы, на этомъ мѣстѣ совершаютъ свое обрядное поклоненіе.

№ 6. «Да подлѣ тѣхъ четырехъ полатъ пятая (а въ общемъ счетѣ 6-я) полата круглая, въ которой нынѣ назначена Николаевская церковь; а мѣрою та полата длинны и ширины по четыре сажени безъ полъаршина, вышины четырехъ сажень».

Болѣе обстоятельное описаніе дѣлаютъ Палласъ и другіе. Палласъ говоритъ (стр. 187): въ восточной сторонѣ отъ минарета (по Кафтан. въ 12 саж.) находится небольшая Татарская мечеть со сводами, которая очень крѣпко складена изъ разныхъ и неровныхъ камней. Нижняя часть оной четвероугольна, а верхняя осмиугольна и величиною простирается до пяти саженьъ квадратно. Вычинивъ мечеть, посвятили церковь Николаю Чудотворца и пр. У Лепехина см. подъ № 29, у Кафтанникова стр. 52, 53, у Второва стр. 185, 186, у Березина стр. 20. Видъ ея см. въ Иллюстраціи подъ заглавіемъ: палата обращенная въ церковь, а на планѣ 1869 г. подъ № 2-мъ. Кафтанниковъ и Второвъ замѣчаютъ, что входъ въ зданіе былъ прежде съ южной стороны чрезъ полукруглую дверь, которая впоследствии закладена и сдѣлано въ срединѣ окно потому, что въ палатѣ оконъ не было. При передѣлываніи ея въ церковь дверь сдѣлана съ западной стороны; въ стѣнахъ внутри четыре круглыя впадины или ядра. Березинъ основательно предполагаетъ, что это была первоначально магометанская надгробная молельня, а Свининъ стр. 10 замѣчаетъ, что церковь Николая Чудотворца, по построеніи въ 1734 году новаго каменнаго храма усердіемъ купца Вихляева, оставлена безъ всякаго употребленія.

№ 7. «Да посторонѣ тѣхъ полатъ еще полата четвероугольная, въ которой есть и каменья кладбищныя съ Татарскою подписью, длиною и шириною по четыре сажени съ аршиномъ».

Изъ описанія Кафтанникова, болѣе точнаго и обстоятельнаго, видно, что здѣсь разумѣется зданіе, въ бытность здѣсь монастыря обращенное въ погребъ. На планѣ 1869 г. см. оное подъ № 3-мъ. Кафтанниковъ говоритъ (стр. 52): отъ минарета къ сѣверу въ 16 саженьхъ находится палатка. Основаніе этого зданія четырехъ-угольное, въ поперечникѣ внутри четыре сажени одинъ съ четвертью аршинъ, высота до свода двѣ сажени, а къ верху снаружи имѣетъ осьмиугольный видъ; палатка эта, какъ замѣтно, была со сводомъ, который теперь уже обвалился, внутри ея круглыя (какъ у предыдущей палаты) ядра или впадины и также, какъ тамъ, входъ въ палатку съ юга чрезъ полукруглую дверь, и окошекъ нѣтъ, кромѣ фальшивыхъ внутри. Зданіе складено изъ дикаго камня значительной величины. Близъ дверей снаружи по обѣ стороны видны признаки бывшихъ галлерей. Во время существованія здѣсь монастыря палатка эта служила ему вмѣсто погреба. Тоже отчасти повторено у Второва стр. 186. У Палласа о семъ зданіи упомянуто стр. 188 также вслѣдъ за предыдущимъ, обращеннымъ въ Никольскую церковь, у Лепехина оно значится подъ № 35. Березинъ стр. 20, судя по сходству его съ предыдущимъ, полагаетъ, что и это зданіе было надгробной молельней. Такое предположеніе совершенно подтверждается извѣстіемъ нашей Выписи о надгробныхъ здѣсь камняхъ съ Татарскою подписью. Палласъ и другіе описатели умалчиваютъ о сихъ камняхъ, конечно, потому, что при обращеніи зданія въ погребъ, они были отсюда вынесены или, вѣроятнѣе, употреблены въ фундаментъ вышепомянутой новой церкви, такъ какъ для сего, по сказкѣ старожиловъ, собраны были сюда таковыя камни со всѣхъ развалинъ (см. Свинына стр. 12). Свинынъ (стр. 10) это, равно какъ и предыдущее зданіе Николаевской церкви, несправедливо считаетъ наугольными башнями четвероугольника.

№ 8—10. «Да противъ тѣхъ четырехъ полатъ отшедъ сажень съ десять три полаты большихъ, въ которыхъ былъ домъ прежнихъ царей».

Кажется, объ этихъ зданіяхъ вслѣдъ за монастырскимъ погребомъ говоритъ Палласъ с. 188: всѣ прочія старинныя строенія, изъ коихъ еще четыре стоятъ безъ поврежденія, находятся внутри вала со множествомъ развалившихся стѣнъ и съ основаніями жилыхъ домовъ. Но прямо существованіе здѣсь трехъ ханскихъ полатъ признаетъ Свинынъ. Онъ говоритъ стр. 11: можно полагать, что и прочія три башни (близъ четвероугольника) были подобнаго размѣра и вида,—и далѣе изъ огромности фундаментовъ выводитъ, что здѣсь былъ ханскій дворецъ.—Отъ этого ханскаго дворца нужно отличать такъ называемыя ханскія палаты надгробныя или мавзолеи, о которыхъ говорятъ Кафтанниковъ и Второвъ. Первый на стр. 55: на этомъ кладбищѣ (царскомъ или ханскомъ къ востоку отъ малаго минарета) одна изъ полатъ, выстроенная надъ прахомъ какого-то Болгарскаго хана, и до сихъ поръ называется ханскою. Второвъ на стр. 194 пишетъ: такъ называемыя ханскія палаты, лежація саженьхъ въ 200 отъ предыдущей палаты къ сѣверу (отстоящей въ 15 саженьхъ отъ малаго минарета, см. о немъ ниже) нынѣ совершенно уже разрушились. По грудамъ камней, которые теперь можно видѣть здѣсь, трудно рѣшить объ устройствѣ зданія.

№ 11. «Да за окопомъ въ большомъ окружномъ валу полата снизу четвероугольная, мѣрою всѣ стѣны по три сажени безъ полуаршина,—знатно была о дву жилъ».

яхъ, съ исподи входъ въ одни двери, въ верхнемъ жильѣ шестеры двери, вверхъ до сводовъ осмигранная; въ той полатѣ оконъ, въ нижнемъ ярусѣ четыре окна четверугольные, въ верхнемъ ярусѣ восемь оконъ круглыхъ, вверху свода окно круглое. Кругъ той полаты придѣлы безъ сводовъ, ветхіе: съ одной стороны съ приходу отъ монастыря на правой сторонѣ два придѣла длины по двѣ сажени, ширины по сажени, на лѣвой сторонѣ тойже полаты одинъ придѣлъ длины пять сажень съ аршиномъ, поперегъ сажень съ аршиномъ».

Изъ сличенія прочихъ описателей мѣстности видно, что здѣсь говорится о слышущей въ народѣ Черной или судебной палатѣ: зданіе великолѣпное, отстоящее по Второву (стр. 187) саженьяхъ въ 200 отъ большого минарета къ югу. Видъ этой палаты см. въ Иллюстраціи: Черная палата и внутренность ея, на планѣ 1869 г. № 6. Предварительно мы разрѣшимъ здѣсь нѣкоторыя кажущіяся несогласія Выписи съ поминутыми описаніями. Во 1-хъ, выраженіе «да за окопомъ въ большомъ окружномъ валу» отнюдь не означаетъ, чтобы сей окопъ былъ внѣ окружнаго вала. Онъ былъ нѣ чертъ сего же вала, но составлялъ особую въ немъ часть съ вышеописанными зданіями, особенной важности; всѣ нижеслѣдующія зданія находились внѣ этой части, въ чертъ лишь большаго окружнаго вала. Во 2-хъ, палата эта по Выписи снизу четверугольная, мѣрою всѣ стѣны по три сажени безъ полуаршина, тогда какъ Свининъ (с. 21) въ основаніи ея показываетъ около 4 сажень, Кафтанниковъ (с. 59) съ сѣверной и южной стороны по 4 сажени съ половиною, а съ восточной и западной по 4 саж. съ аршиномъ, что самое по Второву (с. 187) составляетъ 17 аршинъ въ діаметрѣ. Но надобно замѣтить, какъ мы сказали въ самомъ началѣ, мѣра дѣяка Михайлова вообще нѣсколько меньше нынѣшней, если и не брать во вниманіе разныхъ способовъ измѣренія (см. и ниже мѣру Бѣлой палаты). Далѣе Выпись говоритъ только о двухъ жильяхъ или этажахъ зданія, и притомъ лишь предположительно: *знатно* была о двухъ жильяхъ. Два эти жилья, очевидно, включаютъ въ себѣ всѣ четыре этажа, въ описаніяхъ допускаемые, именно нижнее жилье означаетъ 1 и 2-й этажъ, а верхнее 3 и 4-й.

Такимъ образомъ въ нижнемъ жильѣ Выпись указываетъ четыре окна четверугольные; по прочимъ описаніямъ это суть четыре полукруглыя (точнѣе арочныя) двери во второмъ этажѣ. Если описателямъ, между 1-мъ и 2-мъ этажами недопускавшимъ никакого сообщенія, для входа во второй естественно было предположить въ немъ двери (но къ чему такое множество дверей?): то дѣяку, составившему настоящій актъ, когда онъ два мнимые этажа совмѣщалъ въ одно жилье, естественно было тѣ же самыя отверстія назвать окнами,—и въ этомъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, правда была на его сторонѣ. Только эти окна называлъ дѣякъ четверугольными, а не арочными, не потому ли, что арки надъ окнами вѣроятно сдѣланы уже послѣ, когда вновь были пробиты здѣсь же два небольшихъ окна съ южной и западной стороны (см. о семъ ниже). Въ верхнемъ жильѣ восемь оконъ круглыхъ, очевидно, суть восемь оконъ въ осмерикѣ (на мнимомъ 4-мъ ярусѣ) съ овальными или острыми сводами, а находящіеся въ 3-мъ ярусѣ окна съ длинными и многогранными капителями дѣякъ принялъ за двери, какъ скоро допустилъ въ зданіи два жилья: только вмѣсто четырехъ оконъ откуда у него взялось шесть дверей, не понимаемъ. Что касается до пристроекъ или придѣловъ; то, когда, по словамъ дѣяка, съ приходу отъ монастыря

на правой сторонѣ два придѣла, а на лѣвой одинъ, полагая монастырь съ сѣверной стороны подѣ сею правою стороною зданія мы разумѣемъ С. западную, а подѣ лѣвою С. восточную. Въ семъ случаѣ Выпись ближе подходитъ къ словамъ Свиньина, показывающаго на восточной сторонѣ одну только пристройку, а на западной три, тогда какъ по Палласу, Кафтанникову и Второву выходитъ совсѣмъ на оборотъ.

Теперь мы приведемъ слова прочихъ описателей, служащія къ объясненію описываемаго зданія. Палласъ говоритъ, стр. 189, что оно находилось въ самой срединѣ бывшаго города Булгара и, по отмѣнной архитектурѣ его, при своемъ описаніи помѣщаетъ самый рисунокъ его на таблицѣ къ стр. 186 подѣ буквою С. Склоняясь къ молвѣ народной, что это была судебная палата, и предполагая въ зданіи нѣсколько отдѣленій или ярусовъ, Палласъ замѣчаетъ, что нижній ярусъ со вторымъ не имѣлъ никакого сообщенія. О пристройкахъ по Палласу сказано выше. Свиньинъ стр. 20 и слѣд. также склоняется признать зданіе верховнымъ судилищемъ и допускаетъ въ немъ 4 яруса, отдѣляющіеся между собою деревянными полами или накатами. Въ нижнемъ ярусѣ, по его словамъ, не имѣющемъ никакого сообщенія съ слѣдующимъ и ни одного окна къ освѣщенію своему, онъ предполагаетъ тюрьму, а пристройки около сего этажа считаетъ галлереею всего зданія. Во второмъ этажѣ, говоритъ, находится по полукруглой двери въ срединѣ каждой изъ четырехъ сторонъ, а съ южной и западной стороны еще по два окошечка по бокамъ; третій ярусъ освѣщенъ только четырьмя окошками, устроенными надъ дверьми втораго яруса и украшенными карнизомъ съ острыми углами или фронтономъ; четвертый ярусъ, представляя видъ осьмиугольника, имѣетъ столько же окошекъ, подобныхъ симъ послѣднимъ. Но, замѣтимъ мы, когда эта мысль о 4-хъ ярусахъ, якобы раздѣляющихся накатами, ничѣмъ не доказана и явно несообразна съ высотой самыхъ ярусовъ (см. ниже): то при этомъ само собою падаетъ и предположеніе отъюрмѣ въ нижнемъ этажѣ. Кафтанниковъ стр. 59, допуская въ зданіи 4 яруса, говоритъ однакоже, что они, кажется, не отдѣлялись между собою, кромѣ нижняго, надъ которымъ примѣтны гнѣзда для перекладинъ пола; единственный входъ въ нижній этажъ съ сѣверной стороны, во второмъ этажѣ надъ сѣвornoю дверью съ наружной стороны сдѣлана каменная доска, на которой, кажется, была надпись. Пристройки къ зданію (съ восточной стороны три, съ южной двѣ, съ западной одна) Кафтанниковъ считаетъ основаніями для галлерей. Второвъ, какъ и вообще, повторяетъ здѣсь (стр. 187, 188) слова Кафтанникова, но уже рѣшительно опровергая мнѣніе Свиньина объ отдѣленіи четырехъ этажей зданія одного отъ другаго деревяннымъ поломъ. Тщательнѣе всѣхъ и ближе къ истинѣ изслѣдовалъ и опредѣлилъ зданіе г. Березинъ стр. 15-18. Мнѣніе, что здѣсь было ханское судилище съ тюрьмами внизу, говоритъ онъ, во всѣхъ частяхъ своихъ совершенно ложно: Судная палата есть не что иное, какъ одна изъ лучшихъ Булгарскихъ мечетей. Расположеніе зданія переднею частію на юго-западъ (т. е. къ Меккѣ) указываетъ его назначеніе, а названіе Судной палаты принадлежитъ къ числу новѣйшихъ и притомъ ложныхъ толкованій. Единственный входъ былъ съ сѣверо-восточной стороны;—прямо противъ входа внутри зданія находился «михрабъ» —указаніе Меккской стороны съ разными украшеніями и ниши квадратныя или полукруглыя. Мечеть дѣлится на четыре яруса только разною фигурою кладки ихъ, но не на самомъ дѣлѣ, и напрасно нѣкоторые видятъ здѣсь даже слѣды половъ и потолковъ: дѣленіе на ярусы полами

и потолками нельзя допустить самымъ неопытнымъ глазомъ даже и потому, что въ этихъ ярусахъ приходилось бы не ходить прямо, а ползать на четверенькахъ,—такъ они оказались бы низки. Архитектура зданія и его отдѣлка, продолжаетъ Березинъ, совершенно слѣдуютъ правиламъ Арабскихъ архитекторовъ; но мечеть представляетъ и нѣкоторыя оригинальности—въ окнахъ съ ихъ овальными или острыми сводами, въ пилястрахъ съ длинными и многогранными капителями, въ большихъ звѣздахъ по богамъ оконъ третьяго этажа, въ фальшивыхъ аркахъ, въ переходѣ изъ четвероугольнаго зданія въ круглое съ куполомъ,—все это вполне соответствуетъ условіямъ Арабской архитектуры, притомъ Месопотамской, такъ какъ Болгары состояли преимущественно въ сношеніяхъ съ Багдадомъ. Освѣщеніе мечети достаточно отъ тѣхъ оконъ, которыя она имѣетъ. Небольшія четвероугольныя отверстія съ южной и западной стороны Березинъ объявляетъ вновь пробитыми, а въ самомъ началѣ небывшими, и наконецъ оригинальность постройки мечети находитъ еще въ дѣленіи ея на ярусы, хотя, говорить, подобное встрѣчается и у Арабскихъ мечетей, но не въ такомъ числѣ ярусовъ. Примыкавшія къ мечети постройки весьма правдоподобно Березинъ считаетъ помѣщеніями для служителей мечети и можетъ быть для духовнаго магометанскаго училища (медресѣ). Все это объясненіе г. Березина сколько сообразно съ устройствомъ Арабскихъ мечетей, столько же съ словами перваго описателя Булгарскихъ развалинъ дьяка Михайлова.

№ 12. «Полата крестообразная, мѣрою пяти сажень, въ той полатѣ въ глубину восемь ходовъ выложены каменемъ, а сколь тѣ ходы глубоки и какое тамъ строеніе, того осмотрѣть за утѣсненіемъ проходовъ не возможно; въ той же полатѣ въ стѣнахъ четыре окна круглыхъ, да вверху свода окно круглоежъ. Да въ углахъ той полаты четыре полаты, мѣрою длины и ширины по сажени съ аршиномъ, въ томъ числѣ въ дву полатахъ въ глубину ходъ; да во всѣхъ тѣхъ полатахъ вверху сводовъ по одному окну круглыхъ. Да съ дву сторонъ большой полаты двѣ полаты ветхи, длиною (1-я) по три сажени съ аршиномъ, шириною по сажени съ аршиномъ; у той же полаты въ сторонахъ двѣ полаты ветхи и своды обвалились; (2-я) полата четвероугольная, мѣрою длины и ширины по три сажени съ полуаршиномъ, ходъ въ одни двери, въ ней два окна четвероугольные, да вверху свода окна большое круглое».

Очевидно, здѣсь описано другое не менѣе предыдущаго замѣчательное по строенію своему зданіе, извѣстное въ народѣ подъ именемъ Бѣлой палаты, отстоящее отъ Черной по прямой линіи къ югу во 100 саженьхъ. У Палласа представленъ какъ видъ, такъ и планъ палаты съ масштабомъ на таблицѣ къ стр. 190 подъ 'буквами: D и E. Видъ ея см. въ Иллюстраціи: Бѣлая палата и средняя въ ней комната, на планѣ 1869 г. № 7-й. Описаніе ея въ настоящемъ актѣ отчасти представляетъ существенныя дополненія и объясненія позднѣйшимъ описаніямъ, по которымъ съ болѣею вѣроятностію можно заключать и о назначеніи зданія. Мѣра палатъ, т. е. главному квадрату безъ пристроекъ его, положена здѣсь во всѣ стороны 5-ти саженная, также, какъ выше, съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ противъ нынѣшняго; во глубинѣ или подъ поломъ ея имѣется восемь ходовъ, выложенныхъ камнемъ, которыхъ глубину и строеніе за тѣсною проходомъ не могъ осмотрѣть описатель—дьякъ: очевидно, здѣсь разумѣются открытые впоследствии профессоромъ Ердманомъ пять параллельныхъ каналовъ подъ поломъ крестообразной палаты отъ сѣвера къ югу и столько же отъ запада на

востокъ, такъ что они пересѣкаются прямыми углами, каждый изъ сихъ каналовъ, по мнѣнію профессора, имѣлъ не болѣе $1\frac{1}{2}$ фута шир. и $2\frac{1}{2}$ глубины. Въ стѣнахъ палаты по Выписи четыре окна круглыхъ, да вверху, обнимающаго ее свода окно круглое же: послѣднее Свиньинъ (стр. 25) и за нимъ прочіе точнѣе называютъ осьмиугольнымъ; а оконъ по сторонамъ у Свиньина показано только два, но у Кафтанникова (стр. 61) и Второва (с. 190), равно и у Березина (стр. 23) всѣ четыре, только послѣдній (стр. 24) напрасно сомнѣвается въ существованіи отверстія въ главномъ куполѣ. Двѣ угловыя палаты или точнѣе комнаты, изъ коихъ по Выписи былъ спускъ внизъ въ вышеозначенные каналы или каменные ходы, по словамъ Березина (тамже) были южныя, т. е. юговосточная и югозападная (тоже и Палласъ стр. 191 и друг.). Значущіяся по сторонамъ главной крестообразной палаты двѣ пристройки, первая, состоящая изъ трехъ комнатъ, по прочимъ описаніямъ должна быть съ южной стороны, вторая—четвероугольная—съ сѣверной стороны; о кругломъ окнѣ въ сводѣ ея говоритъ и Кафтанниковъ (стр. 61), но странно, что Выпись не упоминаетъ о слѣдующей за симъ продолговатой комнатѣ, изъ которой ходъ былъ въ главную крестообразную палату. Палласъ (стр. 190) въ дополненіе Выписи говоритъ, что сѣверная пристройка, содержащая четверугольную, т. е. квадратную переднюю и потомъ продолговатую комнаты, сдѣлана изъ кирпичей, а главное зданіе—изъ огромныхъ отесанныхъ камней, длиною почти въ аршинъ, шириною больше полуаршина, и толщиною въ пядень, что четыре угловыхъ комнаты въ главномъ зданіи, между которыми въ срединѣ остается просторный ходъ наврестъ, имѣютъ двери не въ боковыхъ своихъ стѣнахъ, но въ самомъ томъ углу, который выходитъ къ этому среднему ходу. Въ подземныхъ ходахъ или погребѣ, Палласъ думаетъ, хоронились тѣла умершихъ, а въ пристройкахъ были медресе или мусульманскія духовныя училища. Свиньинъ (стр. 24—30) замѣчаетъ, что кирпичная пристройка съ сѣверной стороны съ двумя означенными комнатами въ его время совершенно уже разрушилась и отъ нея остались только два отдѣльные столба или полуарки, а отъ южной пристройки только фундаментъ, равно какъ обрушилась и капитальная стѣна съ сей южной стороны,—и не знаетъ, за что принять все зданіе, за храмъ ли Греческій, судя по крестообразному его строенію, за магометанскую ли мечеть, какъ думалъ Палласъ, или за ханскую баню, которой довольно признаковъ открылъ Ердманъ. При этомъ Свиньинъ высказываетъ свое (впрочемъ странное) мнѣніе: что зданіе первоначально, когда Болгары исповѣдывали еще Браминскую вѣру (?), было не что иное, какъ Индійскій пагодъ, но потомъ по обстоятельствамъ изъ сего назначенія перешло въ другое, при чемъ и дѣланы были къ нему разныя пристройки и поправки. Кафтанниковъ (стр. 60—64) длину всего зданія съ пристройками отъ сѣвера къ югу опредѣляетъ 13 саж. и 2 арш.; въ обѣихъ комнатахъ пристройки съ сѣверной стороны, равно и въ главномъ зданіи въ угловой югозападной комнатѣ находятъ слѣды вставленной въ стѣны глиняной трубы, а въ юговосточной комнатѣ признаки бассейна: находящіеся подъ поломъ ходы, совершенно теперь разрушенные и заваленные мусоромъ, Кафтанниковъ разсмотрѣть не могъ, но изъ рассказовъ старожиловъ и собственныхъ вышеозначенныхъ открытій убѣдился, что здѣсь были водопроводы, и въ зданіи вслѣдъ за Ердманомъ призналъ ханскую баню, указывая сходныя съ нею и въ Крыму и въ Азовѣ. Второвъ (стр. 190—192) между прочимъ пишетъ, что въ главномъ зданіи четыре отдѣльные купола, бывшіе надъ угловыми комнатами, большею частію обруши-

лись, кромѣ югозападнаго, болѣе прочихъ уцѣлѣвшаго. Высота большому среднему куполу надъ крестомъ 3 сажени, а этимъ четыремъ надъ угловыми комнатами съ небольшимъ 2 саж. Въ назначеніи зданія Второвъ согласенъ съ предположеніемъ Ердмана, перечисляя всѣ сдѣланныя имъ въ подтвержденіе сего открытія. По словамъ Березина (с. 22—26) крестообразная архитектура Бѣлой палаты съ угловыми комнатами весьма употребительна на Востокѣ, что въ Персіи, Турціи и другихъ странахъ съ одной стороны такъ строятся увеселительныя загородныя дачи или пріемныя залы въ большихъ домахъ и дворцахъ, а съ другой мусульманскія бани. Самъ онъ рѣшительно склоняется въ Бѣлой палатѣ признать таковую баню, хотя и представляетъ нѣкоторыя на то возраженія, сѣверную и южную пристройки онъ оставляетъ за служителями въ банѣ.—Съ своей стороны, предположенію проф. Ердмана, основанному на ясныхъ, открытыхъ имъ признакахъ и такъ распространившемуся, мы думаемъ найти подтвержденіе въ Землеописаніи Абулфеда. Здѣсь въ 28 таблицѣ, описывая Булгаръ на Волгѣ, никакой другой замѣчательности въ немъ Абулфеда не поставляетъ на видъ, кромѣ трехъ банъ, которыми, видно, славился городъ. Именно онъ говоритъ: Боларъ, у Арабовъ называемый Болгаръ, городъ на крайнемъ обитаемомъ сѣверѣ, не далеко отъ берега Волги... находится на низменномъ мѣстѣ: три тамъ бани. Жители—мусульмане Ганефитскаго толка ⁽¹⁾; нѣтъ тамъ ни плодовъ садовыхъ, ни деревъ, производящихъ оныя, по чрезвычайной стужѣ, равнымъ образомъ вовсе нѣтъ тамъ винограда ⁽²⁾.

№ 13—15. «Всходный столпъ вышины семь сажень, кругомъ восемь сажень. У того столпа двѣ мечети четвероугольныя, безъ сводовъ, мѣрою тѣ мечети длины и ширины по три сажени, въ томъ числѣ у одной мечети трои двери, четыре окна четвероугольныхъ, у той же мечети придѣлокъ безъ свода длины и ширины по сажени, входъ въ одни двери безъ оконъ, у другой мечети три стѣны цѣлыхъ, на тѣхъ стѣнахъ по окну четвероугольныхъ, четвертой стѣны половина до свода вывалилось. Вышины тѣ полаты по двѣ сажени».

Всходный столпъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, по соображенію съ другими описателями, есть названный у нихъ малый минаретъ, съ прилежащими къ нему зданіями. Видъ сего минарета съ прилежащими къ нему палатами см. въ Иллюстраціи № 8 и 9, планъ минарета 1869 г. подъ № 5, а смежныхъ зданій подъ № 4-мъ. Малый минаретъ, по Второву, находился въ полуверстѣ отъ большаго минарета къ юговостоку, а двѣ мечети сажень въ 15 отъ малаго минарета къ сѣверо-западу.

Палласъ говоритъ стр. 188, что эта башня или минаретъ находилась въ полѣ (т. е. за селомъ) въ 50 саж. отъ монастыря (т. е. отъ ограды или черты монастырской) въ югозападной (ЮВ?) сторонѣ, что въ стѣнахъ она очень толста и вышиною (д. б. въ окружности, см. ниже у Второва) около 9 сажень. Не далеко отъ оной и нѣсколько ближе къ монастырю, продолжаетъ Палласъ, видно основаніе пространнаго строенія, на которомъ, можетъ быть, находилась принадлежащая къ сей башнѣ мечеть. По Делехину (стр. 267, № 5. 6.) минаретъ этотъ есть круглый каменный столпъ, въ окружности 8, а вышиною 7 сажень. При ономъ столпѣ стоятъ двѣ палаты, изъ коихъ одной длина и ширина по 3 сажени съ половиною, а другой ровно по 3 саж.:

(1) Tria ibi sunt balnea, incolae sunt Moslemi Hanefitici, см. Herbelot Orient. Bibl. II, 659 Hanifah.

(2) Büsching Magazin für die neue Historie und Geographie, Hamburg 1771, V, 365. Abilfedae Tabulae geographicae.

вышина обѣихъ въ двѣ сажени. Свиньинъ (стр. 19) башню или малый минаретъ называетъ подобною большому минарету и при ней, замѣчаетъ, — фундаментъ мечети или неправильнаго четверугольника въ $3\frac{1}{4}$ саж. длины, а съ юга и запада отъ нихъ, говоритъ, еще остатки двухъ небольшихъ палатъ, при коихъ, по преданію, похоронены мусульманскіе святыя. Но зданія болѣе обстоятельно описаны у Кафтанникова стр. 53. 54. и Второва стр. 192—194. Лѣстница, ведущая на высоту малаго минарета, говоритъ Кафтанниковъ, о 48 каменныхъ ступеняхъ. Зданіе, теперь въ большомъ упадкѣ и потому рѣшиться взойти на него трудно и опасно. Къ востоку отъ него въ 60-ти шагахъ (по Палласу, Второву и Березину къ сѣверо-западу) два четверугольныя зданія, которыя прежде были соединены между собою ⁽¹⁾; длина и ширина перваго около 4 саж., верхъ втораго яруса внутри осьмиугольный. Замѣтно, что зданіе имѣло сводъ, въ южной и западной сторонахъ небольшія полукруглыя двери. У восточной стороны снаружи примѣтно основаніе четырехъугольнаго зданія. ⁽²⁾ Второе зданіе, продолжаетъ Кафтанниковъ, отъ перваго въ разстояніи $2\frac{1}{2}$ саж., въ основаніи продолговато-четырехъугольное а къ верху осмипугольное; сѣверная и восточная стѣны совершенно разрушены. Второвъ говоритъ о маломъ минаретѣ: квадратное основаніе его, имѣющее около 9 саж. въ окружности и до 4-хъ арш. высоты, переходитъ потомъ въ осьмиугольный уступъ, вышиною въ 2 арш. На этомъ уступѣ возвышается круглый столбъ въ 4 сажени, оканчивающійся отступомъ вышиною въ сажень. За симъ говорится о недавномъ возобновленіи этого столба на пожертвованіи Татаръ и о развалинахъ палатъ близъ него. Саженьхъ въ 15 отъ малаго минарета къ сѣверо-западу (по Кафтанникову въ 60-ти шагахъ къ востоку) лежатъ развалины палаты, имѣющей квадратное основаніе до 4-хъ сажень въ діаметрѣ. Палата сія изъ квадрата переходитъ въ осмипугольникъ, а потомъ въ шестнадцатиугольникъ и, какъ замѣтно, оканчивалась круглымъ сводомъ, нынѣ совершенно обрушившимся. Вышина ея $2\frac{1}{2}$ саж., входы съ южной и западной сторонъ чрезъ полукруглыя двери. Палата освѣщается только двумя небольшими окнами, находящимися въ тѣхъ же стѣнахъ, гдѣ двери. Къ восточной и западной сторонамъ примыкали строенія, изъ коихъ около послѣдней еще уцѣлѣли двѣ стѣны. По предположеніямъ нѣкоторыхъ путешественниковъ это развалины мечети, вблизи которой находящаяся башня служила минаретомъ. Березинъ стр. 21 въ маломъ минаретѣ также даетъ замѣтить совершенное сходство съ большимъ. Зданіе, находящееся къ сѣверо-западу отъ малаго минарета также, говоритъ, есть не что иное, какъ сборная мечеть, въ которой моленіе совершалось, вѣроятно, въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ. Главное, оно же и среднее, отдѣленіе стоитъ донмиѣ, и направленіемъ къ юго-западу указываетъ свое назначеніе (т. е. мечети). Остатки зданія на западъ носятъ тотъ же характеръ. — Вообще эти зданія ни способомъ постройки, ни архитектурой не отличаются отъ тюרבѣ—надгробныхъ молельней, пристраиваемыхъ при мечетяхъ. Зданія сія, вѣроятно, состояли въ связи съ малымъ минаретомъ и, глядя на молящихся здѣсь Татаръ, обведшихъ особенною загородкою могилы своихъ шейховъ, я согласенъ

(1) Конечно посредствомъ придѣла между обоими зданіями, упоминаемаго и въ Выписи и значащагося на планѣ 1869 г. подъ № 4-мъ.

(2) Тоже замѣчалъ и Палласъ въ вышеприведенныхъ словахъ. Фундаментъ этого зданія показанъ и на планѣ 1869 г. ближайшимъ къ минарету подъ № 4 мѣ.

допустить на дворѣ этой мечети кладбище, на коемъ дѣйствительно, какъ утверждаетъ Татарское преданіе, были похоронены какіе нибудь Булгарскіе чтимые мужи.

№ 16. «Полата четверугольная безъ своду, мѣрою длины полсеми сажени (т. е. $6\frac{1}{2}$ саж.), ширины пять сажень съ аршиномъ, вышины полторы сажени; посреди съ тѣхъ двухъ сторонъ вывалилось до пошвы стѣнъ (sic)».

Ни у кого изъ прочихъ описателей нѣтъ ни описанія, ни даже упоминанія объ этой палатѣ. Только Лепехинъ подъ № 1, кажется, ее описываетъ слѣдующимъ образомъ: палата, стоящая въ околицѣ Болгарской слободы, длиною 6, шириною 5 сажень, а вышины показать не можно, потому что стѣны ея развалились.

№ 17. «Полата четверугольная съ одного угла до половины стѣны до своду цѣлы, мѣрою по пошвѣ длины и ширины по три сажени, входъ въ одни двери».

И объ этой палатѣ у прочихъ нѣтъ никакого извѣстія, исключая развѣ того же Лепехина, разумѣющаго ее подъ 2 или 3 №№ описываемыхъ имъ зданій. Подъ № 2 онъ говоритъ: въ той же околицѣ палата, разстояніемъ отъ первой въ 45 саж., въ длину и ширину по 3 сажени, а верхъ у оной, также какъ и у первой, развалился. Подъ № 3: разстояніемъ отъ второй палаты въ 16 саженьхъ видно одно только палаты основаніе, которое въ длину и ширину по три сажени.

№ 18. «Да за валомъ къ Волгѣ рѣкѣ полата четверугольная безъ сводовъ, мѣрою длины пять сажень съ аршиномъ, поперегъ полчетверты (т. е. $3\frac{1}{2}$) сажени, вышины сажень: входъ въ тое полату въ одни двери, — знатно, что та полата была напредъ сего церковію; потому что около ея многіе есть кладбищныя каменья съ подписями, а подписи походили на Армянскія письма. Отъ той полаты столпъ небольшой въ знакъ часовни, вышины полторы сажени, кругомъ три сажени».

Изображаемую здѣсь палату прочіе описатели называютъ *Греческою*, которая по Второву стр. 194 находилась около полуторы версты отъ большого минарета къ западу, въ лѣсу за валомъ. Паласа о ней говоритъ стр. 188: за валомъ есть въ западной сторонѣ остатки знатнаго строенія, которое *мужики, не знаю по какой причинѣ*, называютъ Греческою палатою. Лепехинъ, вѣроятно, это строеніе разумѣетъ подъ № 40: за валомъ отъ столба въ 79 саженьхъ (а столбъ самъ отстоялъ отъ вала въ 67 саж.) развалившейся палатѣ длина и ширина по 5 саж. Свининъ стр. 31 на то, что зданіе простолюдины называютъ Греческою палатою, замѣчаетъ, что нѣтъ никакого признака, по коему археологъ могъ бы угадать и подтвердить истину сего преданія: въ такомъ развалины его находятся разрушенія, и оно должно быть весьма давнее, ибо на самомъ фундаментѣ выросли толстыя березы. Второву (стр. 194) также неизвѣстно, почему палата, теперь почти совсѣмъ уже разрушившаяся, называется Греческою: стѣны ея, говоритъ онъ, возвышающіяся еще аршина на два, составляютъ четверугольникъ, имѣющій около 6 сажень въ длину и до 5 въ ширину. Березинъ говоритъ (стр. 26): въ предмѣстіи городскомъ сохранилось основаніе одного зданія, извѣстнаго подъ именемъ Греческой палаты (у Лепехина N 40). Направленіе зданія показываетъ, что это не была церковь: вѣроятно, здѣсь было складочное мѣсто для цѣнныхъ товаровъ, или жилище какого нибудь богатаго иностраннаго купца, — постоянного жителя Булгара. Г. Шмидтъ придаетъ этому зданію башни и валъ, но этого нынѣ не примѣтно. — Что касается до значащагося въ Выписи небольшого столба при палатѣ, принятаго дьякомъ за часовню, то о ней изъ означенныхъ описателей

ни у кого никакого слѣда нѣтъ. Относительно назначенія палаты съ своей стороны скажемъ, что объясненію Березина противорѣчатъ указываемые при ней дьякомъ кладбищные каменья съ подписями, показывающіе, что здѣсь былъ храмъ. И храмъ этотъ самъ дьякъ предполагаетъ не магометанскій, а христіанскій, когда называетъ его не мечетію, какъ выше, а церковію, и столпъ при ней не мизгитію, а часовней. Не принимая и не отвергая преданія, по сказанію простолюдиновъ, чтобъ это была Греческая церковь, мы можемъ указать на вещи, повидимому, подтверждающія оное: на найденный въ развалинахъ Булгара мѣдный, вызолоченный образъ древней Греческой работы и такой же работы мѣдный крестъ, о которыхъ говоритъ Свиньинъ (стр. 17—28) и Березинъ (стр. 68—71). Но, съ другой стороны, когда дьякъ надгробныя подписи находитъ Армянскими, и когда въ развалинахъ Булгара дѣйствительно открыты и при Петрѣ 1-мъ и въ недавнія времена епитафіи христіанскихъ Армянъ (Березина—Булгаръ на Волгѣ, стр. 64—66), а никакихъ Греческихъ не найдено: то это наводитъ на мысль, не былъ ли означенный храмъ Армянскій.

№ 19—21. «Да у другога конца тогожъ перепечника (?), за валомъ же, три палаты, двѣ стоятъ одна противъ другой, развалились до половины, а третья особо отъ нихъ, въ десяти саженьяхъ, развалилась вся».

Мѣсто это такъ неопредѣленно, что изъ сличенія съ прочими описателями (хотя и въ нихъ, сказать вообще не къ чести Русскаго пера, замѣчается подобная неопредѣленность) нельзя понять, что такое описывается. Кажется, что объ этихъ зданіяхъ говоритъ Лепехинъ подъ № № 36, 37 и 38.

Этимъ заключается у дьяка Михайлова описаніе развалинъ Булгарскихъ. При этомъ странно намъ кажется, что ни въ Выписи, ни у прочихъ описателей не видно того хорошо уцѣлѣвшаго и описаннаго Палласомъ на стр. 188 квадратнаго зданія, которое онъ принимаетъ за мечеть и на таблицѣ къ 188 листу прилагаетъ самый видъ его.—Далѣе въ Выписи слѣдуетъ длинное и утомительное описаніе межей и граней отведенной монастырю земли, что къ нашей статьѣ вовсе не относится. Замѣтимъ развѣ здѣсь для топографіи Болгарскаго городища два слѣдующія мѣста: въ первомъ изъ нихъ говорится, что грани стоятъ въ углу подлѣ увалу и рѣчки Меленки *по концъ стараго Татарскаго селища*, гдѣ напредъ сего бывалъ ихъ Татарскій Яга-Базаръ. Рѣчка Меленка протекаетъ отъ развалинъ Булгара на западъ въ Волгу. А помянутый Ага Базаръ, извѣстный и нынѣ, есть пристань, находящаяся въ 6 верстахъ отъ Булгара близъ Волги (какъ оказывается она и по Выписи) съ признаками и остатками бывшихъ зданій. Во второмъ мѣстѣ говорится, что монастырю сверхъ указнаго числа земли оставлено «длиннаго болота, скрозь которое течетъ вышесписанная рѣчка Меленка, на скотинный выпускъ 50 десятинъ для того, что та рѣчка и болото подъ самымъ Болгарскимъ городищемъ». Означеніе показаннаго селища Ага-Базаръ, рѣчки Меленки и этого болота въ настоящемъ актѣ, относительно древнемъ, имѣетъ вѣсъ и въ рѣшеніи вопроса, занимающаго многихъ, о первоначальномъ теченіи Волги мимо самаго Булгара (см. Свиньина стр. 6, Кафтанникова 50. 51, Второва 180 и Березина 7—9).

Южный городокъ и другія тамъ зданія не показаны въ Выписи: ибо дьякъ по дѣлу своему занимался только сѣвѣрною половиною развалинъ. Этому недостатку мы нѣсколько поможемъ выпискою изъ другаго акта XVII в. У Березина (стр. 26) гово-

рится, что въ этомъ южномъ городкѣ или цитадели находился якобы ханскій дворецъ съ помѣщеніемъ для войскъ и придворныхъ служителей, что дворецъ былъ обведенъ особымъ неглубокимъ рвомъ; у сѣвернаго входа его стояли двѣ башни, у южнаго одна,—всѣ четвероугольныя, что къ СВ. углу дворца примыкалъ небольшой четвероугольникъ, обведенный валомъ. Все это утверждается лишь по фундаментамъ зданій, и уже по аналогіи наводится, что башни и дворецъ былъ каменный. Сверхъ того Второвъ (стр. 195) говоритъ, что въ недалекомъ разстояніи отъ подошвы горы, на которой находятся развалины малаго городка, за болотомъ возвышается довольно большой бугоръ съ кучею камней, свидѣтельствующихъ, что и на этомъ мѣстѣ было зданіе,—по преданію тутъ стоялъ маякъ. Въ нижепомянутой памяти 1659 г. о патриаршей землѣ и угодьяхъ по рѣкамъ Майнѣ и Уткѣ⁽¹⁾ указываются эти ровъ и валъ и башни *каменные* и вышепомянутый маякъ такимъ образомъ: «а ѣдучи дорогою (отъ Балымскаго городища, т. е. съ юга) къ Болгарскому городищу да по каменной старой Татарской столбъ, а стоитъ тотъ столбъ возлѣ дороги на правой сторонѣ, а съ того каменнаго столба направо по старому Татарскому валу во рву береза, а съ той березы на старыя Татарскіе каменные на двѣ полаты, а на тѣхъ полатахъ выросли рябины, а передъ тѣми полатами стоитъ дубъ кудреватой въ долину, а передъ тѣмъ дубомъ стоитъ близко третья Татарская подата каменная».

2—5 Городища Маинское, Кокрышское, Балымерское и Уткинское

по рр. Уткѣ и Майнѣ, и нѣкоторыя другія.

Верстахъ въ 15-ти отъ Булгара на Волгѣ къ югу протекаютъ двѣ рѣки, Утка и Майна, параллельно одна другой идущія, но въ устьяхъ соединяющіяся и обѣ впадающія въ Волгу. На этихъ двухъ рѣкахъ было четыре городища или укрѣпленныхъ мѣста: 1) Маинское 2) Кокрышское, 3) Балымерское и 4) Уткинское. Всѣ они—Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда. Мы имѣемъ свидѣнія о нихъ изъ двухъ древнихъ актовъ: а) изъ памяти Макарію Кисловскому 167 (1659) года Марта 31 о бывшихъ по вышеозначеннымъ двумъ рѣкамъ Майнѣ и Уткѣ за Патриаршимъ Домомъ рыбныхъ ловляхъ, земли и покосахъ, которые теперь велѣно было отдавать въ оброкъ охочимъ людямъ⁽²⁾, и б) изъ отводныхъ книгъ Казанца Баракова и при немъ подъячево Чередѣева по наказу отъ Казанскихъ воеводъ въ апрѣлѣ 176 (1668) года объ измѣреніи и описаніи земли по рѣкамъ Майнѣ и Уткѣ, особенно же старыхъ городищъ, валовъ, осыпей и бывшихъ крѣпостей, съ тою цѣлію, чтобъ отдать сіи земли подъ поселеніе и въ надѣлъ плѣнной (послѣ Польской войны) Польской шляхтѣ полковнику Гаславскому съ прочими, а бывшія городища и всякія крѣпости обновить⁽³⁾. Въ памяти пишется: «межь рѣкъ Майны и Утки 1) *Маинское городище* въ длину сажень въ пятьдесятъ, поперекъ сажень съ сорокъ». По Подробной картѣ Рос-

(1) См. ниже о городищахъ 2—5 Маинскомъ и другихъ. Память эта находится въ Московскомъ Государственномъ архивѣ старыхъ дѣлъ между Казанскими актами № 80.

(2) Хранится въ Московскомъ архивѣ Министерства юстиціи въ I отдѣленіи—Государственныхъ старыхъ дѣлъ, въ числѣ жалованныхъ грамотъ и другихъ актовъ по Казани съ городами подъ № 80-мъ.

(3) Списокъ также въ III отдѣленіи въ Вотчинномъ архивѣ подъ № 410: Казанскія писцовыя книги Сем. Волынскаго 156 (1648) года, л. 594 об. и дал.

сійской Имперіи, сочиненной при собственномъ Его Императорскаго Величества депо картѣ, на картѣ XVIII здѣсь означенъ *Городокъ*, отъ Булгара на Волгѣ по прямому направленію верстахъ въ 20-ти на югъ; см. и его на приложенной при семъ картѣ городищъ. «Межъ Утки и Болгарскаго городища (Булгара на Волгѣ)—продолжаетъ память—пашенной земли на 4200 чети и вверхъ той пашенной земли стоитъ 2) Старое Татарское *городище*, близко Утки рѣки, слово *Кокрышское* (въ той же Подробной картѣ оно названо: Козмодемьянское, Кокрятское городище тожъ, верстахъ въ 8 отъ Майнскаго городища на СВ. См. карту городищъ), а нынѣ на томъ городищѣ варятъ селитру про государевъ обиходъ, а того Кокрышскаго городища по мѣрѣ въ длину на полверсты, поперекъ тожъ. А ѣдучи отъ того Селитренного городища къ Волгѣ рѣкѣ, по одной сторонѣ подлѣ Утки рѣки на низъ хоромной лѣсъ длины 3 версты, поперекъ полверсты, да въ отмѣрной пашенной землѣ два озера небольшихъ круглыхъ длиною по сту сажень. поперекъ по 70-ти сажень—а переѣдучи ту отмѣрную пашенную землю на высокой горѣ 3) Татарское *Балымерское городище* (въ вышеозначенной Подробной картѣ оно стоитъ подъ симъ же именемъ Балымеръ, см. на картѣ городищъ—отъ Котрятскаго городища верстахъ въ 15-ти на СЗ). въ длину того Балымерскаго городища на 300 сажень, поперекъ на 250 сажень. Отъ Волги версты съ двѣ, а отъ того Балымерскаго городища версты съ четыре, близко Утки рѣки другое 4) Татарское *городище* слово *Утинское* (чит. Уткинское, какъ въ другихъ мѣстахъ), а около того городища ровъ, глубиною въ сажень, а по мѣрѣ того селища (т. е. какъ изъ послѣдующаго видно, бывшаго тутъ села, Никольскаго-Полянки, см. на Подробной картѣ Рос. имперіи, и на нашей картѣ городищъ) въ длину на 70 сажень, поперекъ на 40 сажень. Отъ Болгарскаго городища и до Балымерскаго городища хоромнаго сосноваго лѣсу и съ бортными ухаюи на 12 верстъ, поперекъ 4 версты. Въ отводныхъ книгахъ Баракова говорится: (отведено сѣнныхъ покосовъ) «по Волгѣ рѣкѣ и за Майною рѣкою отъ *Вышняго городища* вверхъ по Майнѣ рѣкѣ (это—по предъидущему акту Майнское городище, въ отводныхъ книгахъ далѣе названное Высокимъ городищемъ, видно, по возвышенному своему положенію, около него пишется ровъ)... да подлѣ *Балымскаго городища* отъ Утки рѣки съ верху (т. е. съ самой сѣверной ея оконечности, подходящей къ Балымскому городищу) гдѣ прежь сего была патріаршая деревня Полянка. А Балымское городище описано на Великаго Государя. Ниже: «по другую сторону Утки рѣки *городище* (по предъидущему акту и нижеслѣдующимъ словамъ—*Уткинское*), а въ немъ осыпь, а кругъ осыпи три рва, а по обѣ стороны того городища селище, что прежь сего было патріаршее село... За тѣмъ болотомъ городище, и на немъ преже сего варена селитра, а кругъ того городища валъ да два рва, а отъ того *Селитренаго городища* ѣдучи вверхъ по Уткѣ рѣкѣ надъ Уткою рѣкою *городище*, слово *Кокря*» (Изъ предъидущаго акта, представляющаго селитренное производство въ Кокрышскомъ городищѣ, видно, что это Селитренное городище есть не что иное, какъ продолженіе того же Кокрышскаго). При всемъ стараніи и перепискѣ съ разными лицами мы не могли добиться свѣдѣній о настоящемъ положеніи всѣхъ сихъ городищъ.—Древній Татарскій городъ Балымеръ, о которомъ пишетъ въ своемъ Журналѣ капитанъ Рычковъ (см. ниже о городищѣ Билярскомъ) по всей вѣроятности надобно отличать отъ вышеозначеннаго Балымерскаго городища: онъ находился близъ пригорода Билярска.

Верстахъ въ 20-ти отъ устья Майны на югозападъ, внизъ по теченію Волги, въ 5 отъ нея верстахъ, находится старое село *Ботма*, *Архангельское* и *Рыбьевка* тожъ (нынѣ Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда. См. на картѣ городищъ). Священникъ этого села Валентинъ Умовъ очень обязательно сообщилъ намъ, что въ оградѣ ихъ церкви, за особою загородкою, есть старинный надгробный камень съ Татарскою подписью въ длину четвертей 9, въ ширину 3, толщины $5\frac{1}{2}$ верш., а за тѣмъ, по просьбѣ нашей, прислалъ на тонкой прозрачной бумагѣ и точную копию съ сей подписи. Копія эта для разсмотрѣнія и перевода препровождена въ С.-Петербургъ къ извѣстному ориенталисту и г. академику Влад. Влад. Вельяминову-Зернову. Но къ сожалѣнію, мы не имѣемъ еще ни перевода, ни частнѣйшихъ свѣдѣній о подписи; знаемъ только вообще, что она относится къ XV или XVI вѣку и такого же характера, какъ три надгробныя Булгарскія надписи, переводъ съ коихъ помѣщенъ въ Извѣстіяхъ Спб. Археологическаго Общества т. IV стр. 395. Во всякомъ случаѣ памятникъ показываетъ, что прежде здѣсь жили Татары, какъ это видно, по словамъ священника, и изъ Татарскаго названія рѣчки Бикулъ, при коей стоитъ село. За тѣмъ тотъ же священникъ писалъ, что около села Рыбьевки есть слѣды нѣсколькихъ кладбищъ съ костями человѣческими, думать надобно, Татарскихъ. Одно изъ нихъ въ верстѣ отъ Рыбьевки, другое въ трехъ верстахъ, третіе верстахъ въ семи, близъ приходской деревни Ерзовки, и верстахъ въ 13-ти на СЗ. близъ села Головкина; послѣднее кладбище у народа называется *мазарскимъ*, т. е. Татарскимъ ⁽¹⁾. Крестьяне не рѣдко изъ земли выпахиваютъ серебряныя вещи, наприм. запястья и мелкія съ Татарскою надписью серебряныя деньги. «Въ приходской нашей деревнѣ *Юрманкаль* (въ 10 верстахъ на востокъ, см. ее на картѣ городищъ), говоритъ онъ, тоже есть мѣсто съ костями человѣческими, а мѣстонаселеніе самой деревни, по моему мнѣнію, замѣчательно тѣмъ, что деревня эта стоитъ на мысу, съ двухъ сторонъ ея топкія болота, по третью сторону рѣка Урень, а съ четвертой, при вѣздѣ въ деревню—ровъ, который по отзывамъ стариковъ былъ весьма глубоокъ, онъ былъ, какъ говорятъ, наполненъ водою и чрезъ него былъ мостъ. Ровъ этотъ нынѣ не такъ уже великъ, но валъ очень порядочный. Предполагаютъ, что тутъ была крѣпостца во время населенія этой мѣстности невѣрными».

6—9 Городища Нандалинское, Чибашское, Камкинское и Билярское

по рр. Кандакъ и малому Черемшану, и нѣкоторые другія.

Всѣ эти городища болѣе или менѣе удовлетворительно описаны въ 1770 г. капитаномъ Рычковымъ въ его Журналѣ или Дневныхъ Запискахъ путешествія по Россіи стр. 3—24. Первое (Самарской губерніи, Ставропольскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) находится на высокой горѣ при рѣчкѣ Кандакъ, впадающей въ Майну, противъ самаго села Кандалы, стоящаго на другой сторонѣ рѣчки. Отъ Кокрякса-

(1) О Татарскомъ словѣ *мазарки*, коимъ обыкновенно называются Татарскія кладбища, см. въ статьѣ г. Артемьева «Древній Болгарскій городъ Жуковинъ», помѣщенной въ Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ, 1851 Января кн. 1, стр. 57 и слѣд. въ примѣчаніи.

го городища это будетъ верстахъ въ 15 на югъ. Городокъ укрѣпленъ или обнесенъ съ трехъ сторонъ двумя крутыми валами, отдѣленными одинъ отъ другаго довольно глубокимъ рвомъ, въ видѣ дуги или точнѣе скобы съ немного закругленными углами, такъ что оба конца его упираются въ крутизну горы, на которой онъ стоитъ. У Рычкова приложенъ и видъ его съ масштабомъ. Окружность городка, опредѣляемаго сими валами, составляетъ 300 сажень. По преданію туземцевъ это было Болгарское жилище. Далѣе по дорогѣ къ пригороду Билярску, верстахъ въ 15 отъ Кандалинскаго городища, при Татарской деревнѣ Старый Боранъ (Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) въ густомъ лѣсу такой же и въ ту же мѣру городокъ, укрѣпленный валами, а въ 4-хъ отъ него верстахъ еще третій, съ двойными валами, и недалеко отъ него четвертый. Въ 15 отъ нихъ верстахъ, а въ 3-хъ отъ Татарской деревни Чибашъ (того же уѣзда, см. на картѣ городищъ) такое точно, какъ Кандалинское въ видѣ дуги или скобы укрѣпленіе, обнесенное тремя высокими валами и тремя глубокими каналами. Концы ихъ обращены къ рѣчкѣ Чибашъ, за коей—мѣста болотистыя. Ширина городка 86 саж., а длина 91 саж., внутри—бугры изъ красного кирпича и бѣлаго дикаго камня, показывающіе, что тутъ были зданія. Эти признаки зданій находятся и внѣ укрѣпленія на большое пространство. Приложенъ видъ и этого городища. Верстахъ въ 15 отъ него по той же Билярской дорогѣ при Татарской деревнѣ Камкиной (того же Спасскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) на берегу малаго Черемшана на верху крутой горы, находится также городокъ, представленный на рисункѣ Рычкова. Своею дугообразною формою онъ совершенно похожъ на предъидущія, укрѣпленъ валами и рвами, въ окружности болѣе 300 сажень, а высоты валы, считая и съ глубиною рва, около 3 сажень, и сверхъ того хорошо защищенъ и укрѣпленъ самою природою; внутри его также довольно дикаго камня и кирпича. Въ 20 отсюда верстахъ—пригородъ Билярскъ (Казанской губ., Чистопольскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) близъ малаго Черемшана, стоящій на развалинахъ обширнаго Болгарскаго города, втораго по Булгарѣ на Волгѣ, отъ котораго онъ отстоитъ по прямой линіи на востокъ верстахъ въ 70. Городъ обнесенъ тремя высокими валами и тремя глубокими рвами, во время Рычкова хорошо еще сохранявшимися: первый валъ въ окружности болѣе 12 верстъ; потомъ на довольноное разстояніе, наполненное каменными развалинами, другой валъ; послѣдній валъ, болѣе прочихъ укрѣпленный, вѣроятно заключалъ замокъ или Кремль города,—и Рычковъ среди другихъ развалинъ въ центрѣ его видѣлъ большой каменный столпъ изъ красного кирпича и дикаго камня, не смотря на всегдашнія расхищенія ихъ, имѣвшій тогда высоты болѣе 5 аршинъ, толщины 7, а въ окружности 24 аршина.—Считаемъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь выписку изъ Шерефъ едина, Булгарскаго лѣтописца XVI в., о проповѣдникахъ магометанства въ въ Билярскѣ: «въ Билярскѣ на вершинѣ одной горы находятся могилы трехъ великихъ шейховъ (святыхъ): первый Ходжа Асгаръ, иначе Малюмъ Ходжа; второй Абдулла Ходжа Чубаръ, извѣстный подъ именемъ Абдуллы, третій шейхъ Мухаммедъ. Изъ аула Баганъ Чакганъ-бай, сынъ Тирака, учившійся въ Багдадѣ, пришелъ въ Билярскъ и здѣсь наставлялъ людей» (1). Рычковъ принимаетъ Билярскъ за упоминаемый въ одномъ актѣ XVII в. городъ Булымеръ (2). Мѣсто это читается такъ: «въ прошломъ

(1) Березина Булгаръ на Волгѣ, стр. 89.

(2) Выпись, отпечатанная Мельниковымъ въ Актахъ Историческихъ и Юридическихъ по Казанской губерніи, Казань 1859, стр. 179.

185 (1677) году били челомъ Великому Государю мурзы и служилые и ясажные Татара всего Казанскаго уѣзда: въ прошлыхъ годѣхъ до Казанскаго взятія изстари построены были бусурманской городъ Балымерской за Камою рѣкою, а въ немъ былъ царь Балынъ-Гозя, и онъ-де, Балынъ-Гозя, умеръ; да въ тожь-де время былъ царь Татарской Сафаралѣй, и того-де Балымерскаго царя похоронилъ и построилъ надъ нимъ полату каменную». Эту палату Рычковъ палагаетъ въ трехъ верстахъ отъ Билярска къ сѣверу на Татарскомъ кладбищѣ, называемомъ Балынъ-Гусь и особенно чествуемомъ магометанами, гдѣ кромѣ надгробныхъ камней есть остатки каменныхъ зданій. Палата (уже несомнѣнно) оказывается здѣсь и по дальнѣйшему содержанію акта. За этимъ кладбищемъ находятся также глубокіе рвы и крутые валы, защищающіе оное. Означенный царь Балынъ-Гозя, очевидно, жилъ въ концѣ XV или началѣ XVI в., когда по дальнѣйшимъ словамъ акта одинъ изъ приставленныхъ Сафаралѣемъ къ палаткѣ его сторожей татаринъ Барамгоска умеръ уже по взятіи Казани; самый этотъ похоронившій его Татарскій царь Сафаралѣй долженъ быть Сафа-Гирей, царствовавшій въ Казани отъ 1524 до 1549 г. (1) А потому Балынъ-Гозя XV—XVI в. не могъ быть строителемъ или основателемъ города Балымерскаго, чего не требуетъ и актъ, а былъ только однимъ изъ позднихъ царей этого города. На этомъ основаніи Билярску, судя по развалинамъ, очень древнему городу, и можно усвоить другое наименованіе—Балымерскаго города. Въ противномъ случаѣ съ большою натяжкою надобно предположить, что Балынъ-Гозя изъ другаго царственнаго града своего Балымерскаго, примѣрно изъ вышепомянутаго городища Балымерскаго, по смерти перенесенъ на Билярское кладбище, гдѣ могъ лежать родъ его.

Соображая изложенныя городища 2—9 мы видимъ, что столица Булгарскаго царства обведена была полуциркульною линіею укрѣпленій по рѣкамъ Уткѣ, Майнѣ и малому Черемшану, начиная отъ Балымерскаго городища и кончая Билярскимъ. Скажемъ еще болѣе. Далѣе за Билярскомъ прямо на сѣверъ къ Камѣ доселѣ видны еще три городища: первое на рѣкѣ Изгарѣ, впадающей въ малый Черемшанъ, село *Никитинское Городище*, *Изгарь тожь*, отъ Билярска по прямому направленію 25 верстъ, второе прямо противъ этого городища на сѣверъ, въ 10 верстахъ отъ него деревня *Городище*, *Студеный Ключъ тожь* (равно и сосѣдственная деревня *Ромашкина*), третье на Камѣ близъ Чистополя *Жукотинское городище* и *Змѣво Жукотинское тожь* (2). О всѣхъ этихъ городищахъ говоритъ осматривавшій ихъ г. Артемьевъ въ статьѣ своей: Древній городъ Жукотинъ (3). Никитинское городище по нему окружено было тройнымъ валомъ, какъ и Жукотинское, о коемъ и сами мы скажемъ ниже. Такимъ образомъ помянутая укрѣпленная линія городищъ идетъ отъ Булгара полукругомъ, простираясь до самой Камы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ городъ Чистополь. — Такъ точно по Изслѣдованію городищъ оказывается, что въ половинѣ XII вѣка южную границу Руси съ кочевыми племенами составляла рѣка Донецъ и впадающія въ нее Уда и Можга, — и по берегамъ сихъ рѣкъ шла оборонительная линія укрѣпленій или городищъ. Именно на правой сторонѣ Донца городище Бѣлгородъ, потомъ Сал-

(1) См. Карамзина Ист. Госуд. Рос. VII. 81. VIII. 73.

(2) См. всѣ эти селенія на Подробной картѣ Россійской имперіи, изд. при Императорскомъ депо, и на приложенной здѣсь картѣ городищъ.

(3) Помѣщена въ Журналѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ за 1851 г. Январь, кн. 1, стр. 57.

тановское, ниже его Колковское, еще ниже Гумнинье, за нимъ Чугуево городище, еще далѣе Мохначево, на устьѣ Уды Баново или Каганово, вверхъ по Удѣ Хорошово и выше его Донецъ-Городокъ, при вершинахъ Мерёфы огромное городище Кукулевскаго. Всѣ эти древнія укрѣпленія, какъ и окружающія Булгаръ на Волгѣ, расположены одно отъ другаго верстъ на 10, на 20 и рѣдко далѣе (¹).

10. Городище близъ Тетюшъ.

Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Семена Волынскаго 7156 (1648) года (²) л. 343 об. послѣ города Тетюшъ (нынѣ Казанской губ.) пишется «Государево дворцовое село Оедоровское, Новый Усадъ тожъ, на рѣкѣ Улемѣ (къ сѣверу отъ Тетюшъ верстахъ въ 7-ми, см. на картѣ городищъ село Оедоровку). Того села полянка подлѣ рѣки Машновки, да за нею полянка подлѣ чернаго лѣса и по рѣчкѣ Городищѣ и вверхъ до пустоши *Городища Татарскаго* 125 десятины». И затѣмъ о самомъ этомъ городищѣ: «тогожъ села пустошь Городище, что бывалъ городокъ Татарской на рѣчкѣ Городищѣ» (см. оное на картѣ городищъ). Въ переписныхъ книгахъ Казани съ городами 125 (1617) года (³) на л. 1375 въ дозорныхъ книгахъ помѣстнымъ и порожнимъ землямъ около Тетюшъ 127 (1619) года между прочимъ пишется: «сказали старожильцы Тетюшскіе: Государева дворцоваго села Оедоровскаго, что подлѣ Тетюшами, крестьяне владѣютъ сѣнными покосы на дикомъ полѣ до рѣки до Брусянки, а отъ Брусянки до Татарскаго старое городище, безъ дачи, на 15 верстъ и большіе въ длину; тогожъ села Оедоровскаго Мордва владѣютъ сѣнными покосы, безъ дачи, на дикомъ полѣ по Татарскому старому городищу и за городищемъ будетъ на столько же (?), что владѣютъ крестьяне села Оедоровскаго».

Въ дѣльной статьѣ о городѣ Тетюшахъ (⁴) неизвѣстный авторъ, исторически показавъ, что построеніе Тетюшъ Русскими по взятіи Казани для утвержденія Русскаго тамъ владычества надобно относить къ 1565—1575 годамъ, замѣчаетъ: «впрочемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что на мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Тетюши, и въ самыя древнѣйшія времена находилось какое нибудь поселеніе. Дѣйствительно, есть преданіе, что на мѣстѣ Тетюшъ находился какой-то *Болгарскій городъ*, и въ немъ, также какъ и въ самой Болгарской столицѣ (развалины которой лежатъ въ 18-ти верстахъ отъ Тетюшъ), былъ выстроенъ высокій столпъ или башня, служившія телеграфами между столицею и этимъ городомъ. На сѣверной сторонѣ за Тетюшами указываютъ даже неясные признаки когда-то существовавшихъ укрѣпленій». Затѣмъ авторъ, излагая разсказъ лѣтописи о нападеніи въ 1181 году Вел. Князя Всеволода Юрьевича на столицу Болгарскую и о скороподанной ей помощи отъ *Болгаръ Тимтюзей*, этихъ Тимтюзей хочетъ отождествить съ Тетюшами, и отсюда вывести, что городъ Тетюши былъ Болгарскій городъ. На это мы замѣтимъ: а) что указанные авторомъ на

(1) См. въ Русскомъ Историческомъ сборникѣ, изд. Погодинымъ, т. 3, Москва 1838, статью: Курганы и городища Харьковскаго, Валковскаго и Полтавскаго уѣздовъ, стр. 216: 217.

(2) Хранищихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи отдѣленіе III Вотчинное подлѣ № 413.

(3) Хранищихся тамъ же подлѣ № 410.

(4) Помѣщена въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1847 г. часть неофициальная № 21 и слѣд.

сѣверной сторонѣ признаки укрѣпленій суть именно вышеизложенное нами старое Татарское Городище; б) въ Булгарской лѣтописи Шерефъ-едина, XVI в., въ главѣ о проповѣдникахъ магометанства въ этой странѣ, между прочимъ говорится, что въ *ауль Тетюшъ* былъ (проповѣдникомъ и погребенъ) Бадамъ сынъ шахъ Селимовъ ⁽¹⁾. Это ли именно мѣсто Тетюши, гдѣ нынѣ городъ сего имени, разумѣется здѣсь, или другое какое,—во всякомъ случаѣ отсюда видно, что слово, а потому и мѣсто Тетюши, гдѣ нынѣ городъ, Булгарскаго или точнѣе Татарскаго происхожденія. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же лѣтописецъ Булгарскій, рассказывая объ основаніи разбѣжавшимися изъ Булгара, когда онъ взятъ былъ Тимуромъ, многими знатными лицами разныхъ городовъ, прямо говорить о построеніи Тетюшъ ⁽²⁾: «старикъ Тетюшъ съ поколѣніемъ своимъ пришелъ къ оврагу Булги (Волги)—и стало селеніе Тетюшъ». Этимъ свидѣтельствомъ о позднемъ построеніи Тетюшъ XIV—XV в. опровергается производство Булгаровъ Тимтюзей отъ Тетюшъ.—Это же, вѣроятно, городище значится и въ актѣ у Мельникова 1636 г. въ межахъ Татарской деревни Чирковъ «старое городище близко Свѣяги рѣки» ⁽³⁾.

11. Ундорскія городища.

Симбирской губерніи и уѣзда Симбирскаго, въ 35 верстахъ отъ Симбирска, находится въ 2 верстахъ отъ Волги старое село Ундоры, принадлежащее нынѣ А. П. Языкову (см. на приложенной при семъ картѣ городищъ). По преданію Ундоры первоначально было селеніе Татарское, и у нѣкоторыхъ крестіянъ его доселѣ сохраняются Татарскія фамиліи или прозвища. Мѣсто это посѣтилъ въ 1636 г. и въ своихъ запискахъ передалъ отъ Русскихъ конечно слышанное для насъ важное извѣстіе о немъ знаменитый Олеарій, плывшій отъ насъ въ Персію рѣкою Волгою. 19 августа былъ онъ у острова Старицы (на Волгѣ повыше Ундоръ) и противъ него на правомъ берегу Волги набралъ нѣсколько круглыхъ камней (коиими берегъ былъ усыпанъ) въ разломѣ съ звѣздообразными фигурами серебристаго и золотистаго цвѣта, содержащихъ сѣру и селитру. «Затѣмъ, говорить, мы достигли до зеленой, прекрасной площадки, на которой нѣкогда находился *Татарскій городъ* Унеровска гора (Unerofska gora); здѣсь погребенъ одинъ знатный Татаринъ, котораго Татары считаютъ за святаго и къ гробу его и теперь еще ходятъ на поклоненіе окрестъ живущіе Татары. Мѣсто это отъ Тетюшъ лежитъ въ 65-ти верстахъ». Очевидно, что Unerofska gora или самъ Олеарій при перепискѣ своихъ записокъ или въ типографіи при изданіи ихъ ошибкою поставили вмѣсто Undorofska gora—Ундоровска гора, и что здѣсь именно разумѣется вышеозначенное село Ундоры, стоящее на горахъ, именуемыхъ Ундорскими. Въ дачахъ села Ундоръ и доселѣ обилуетъ горючій сланецъ и сѣрный колчеданъ серебристаго и золотистаго видовъ ⁽⁴⁾. Отсюда до города Тетюшъ дѣйствительно 65 верстъ, а ниже находится островъ Ботемскій, при которомъ

(1) См. Березина Булгаръ на Волгѣ стр. 84, и въ Запискахъ Археологическаго Общества, т. XIII (Спб. 1859 г.) г. Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи, стр. 272.

(2) См. Казанскія Губернскія Вѣдомости 1852 г. № 43.

(3) Мельникова Акты истор. и юрид. по Казанской губерніи, стр. 17.

(4) Матеріалы для исторіи и статистики Симбирской губерніи, выпускъ IV, Симбирскъ 1867, стр. 29. 38. 39.

впадаетъ рѣчка Ботма: на немъ Олеарій былъ въ слѣдующій день 20 августа ⁽¹⁾. На мѣстѣ нынѣшнихъ Ундоръ Unerofska goga показана Олеаріемъ на картѣ и въ Нѣмецкомъ подлинникѣ его путешествія ⁽²⁾. Значеніе бывшаго здѣсь прежде немагаго города можетъ подтверждаться тремя указываемыми въ древнихъ актахъ Ундовскими городищами. Именно въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Сем. Волинскаго 7156 (1648) г. ⁽³⁾ на л. 362 пишется: «за Казанцомъ Иваномъ Елизаровымъ сыномъ Юрьева, да за сыномъ его Михайломъ село *Новое Воскресенское* близко рѣки Волги на Укоровскихъ (чит. Ундовскихъ) горахъ, на большомъ врагѣ, что было *городище Ундовское (sic) Середнее*, на дикомъ полѣ, по одной сторонѣ врага на ключѣ... За нимъ же на рѣкѣ Волгѣ на берегу *Старое Укоровское* (чит. Ундовское) *городище Середнее* (Нижнее?) съ поляною, мѣрою 13 длинниковъ, 6 поперечниковъ... Государевы порожіе земли, что владѣли Иванъ Юрьевъ и сынъ его Михайло и осталось за ихъ дачами и за гранями посторонъ полѣ въ *Верхнее Укоровское* (чит. Ундовское) *городище*, пашни и дикова поля по мѣрѣ 24 длинника и 69 поперечниковъ».

И такъ здѣсь различаются три городища: Середнее Ундовское, гдѣ теперь село, Старое Середнее (чит. Нижнее) и Верхнее Ундовское городище. По распоряженію владѣльца села Ундоръ Александра Петровича Языкова доставлено намъ отъ г. Русина свѣдѣніе о нынѣшнемъ состояніи упоминаемыхъ здѣсь трехъ городищъ съ планомъ ихъ, при семъ отлитографированнымъ. «Позади села Ундоръ, къ сѣверу, пишеть г. Русинъ, за крестьянскими гумнами въ околицѣ такъ называемой части села Красной слободы находится валъ, безъ рва, длины 170 сажень, шириною 6 саж., высоты 2 саж., состоящій изъ трехъ ломаныхъ линій». (См. оный на планѣ подѣ буквою А). Надобно замѣтить, что въ этомъ мѣстѣ идутъ на подобіе вилъ два отрога или двѣ вершины большаго Черталинскаго оврага, при которомъ стоитъ село, и одинъ отрогъ длиною въ половину меньше другаго, съ ключемъ того же имени: отъ него-то въ параллель полному отрогу, упирающемуся въ лѣсъ, и сдѣланъ означенный валъ къ тому же лѣсу. Такимъ образомъ здѣсь и образовался съ трехъ сторонъ укрѣпленный городокъ, имѣющій съ четвертой стороны лѣсъ. Онъ въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ названъ Городищемъ Середнимъ что стало потомъ село Ундоры, на большомъ врагѣ, у коего съ одной стороны ключъ. Въ двухъ верстахъ отъ села Ундоръ и прямо противъ него на востокъ, надъ Волгою, на горѣ по г. Русину—другое укрѣпленіе: въ углу, образуемомъ здѣсь съ одной стороны Черталинскимъ оврагомъ и ключемъ, идущими въ Волгу, или точнѣе Воложку, а съ другой крутымъ берегомъ этой Воложки, проведенъ по прямой между ними линіи валъ и ровъ, длиною на 130 сажень, ширины 2½ саж., высоты 3 арш. Такимъ образомъ и здѣсь мы находимъ городокъ, въ видѣ треугольника, съ одной стороны обезопасенный крутизною Черталинскаго оврага, съ другой такою же крутизною къ Волгѣ, а съ третьей укрѣпленный рвомъ и валомъ. (См. на планѣ подѣ буквою В). Этотъ городокъ въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ по отношенію къ нижеслѣдующему описанному тамъ прежде его, какъ замѣчаетъ и г. Русинъ, на-

(1) См. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію, составленное Ад. Олеаріемъ, перев. съ Нѣмецкаго Барсовъ, Москва 1870, стр. 422 423.

(2) Adami Olearii Ausführliche Beschreibung d. kundbaren Reise nach Muskow und Persien, Schleswig 1671, на картѣ ad pag. 340 Delinatio fluminis Wolgae.

(3) Хранища въ Моск. архивѣ Министерства Юстиціи отдѣленіе III Вотчинное подѣ № 413.

званъ Верхнимъ Ундоровскимъ Городищемъ. Въ двухъ верстахъ отсюда внизъ по Волгѣ, въ Ундоровскихъ же дачахъ, близко берега на горѣ въ полянѣ, между двумя крутыми оврагами, Пустыннымъ и Писцовымъ, сходящимися у берега почти угломъ, проведены два вала съ двумя же рвами (по 6 сажень ширины, 2 саж. высоты). Эти валы идутъ не прямо, но косвенными линиями отъ того и другого оврага, по одной 95 сажень, по другой 108 сажень, такъ что въ срединѣ ихъ соприкосновеніи выходитъ уголъ. Въ этомъ городкѣ поляны 5 десятинъ, а кругомъ лѣсу 4 десятины. (На планѣ см. оный подъ буквою С). Далѣе за означеннымъ Писцовымъ оврагомъ, гдѣ нынѣ деревня Городищи, впереди ея по горѣ опять идетъ отъ этого самаго оврага валъ и ровъ (ширины 6 сажень, высоты 3 саж.), поворачивая круто въ утесистый берегъ Волги. Здѣсь опять выходитъ городокъ, почти квадратный, величиною почти равняющійся предыдущему и съ двухъ сторонъ обезопасенный крутизнами. (См. на планѣ подъ буквою D). Позади той же деревни Городищи въ 450 сажень отъ предыдущаго передоваго городка, также по горѣ, опять проведенъ валъ и ровъ прямо съ востока на западъ отъ крутизны берега Волги въ кручу того же Писцоваго оврага, на протяженіи 470 сажень. (См. на планѣ букву Е). Площадь между сими двумя укрѣпленіями деревни Городищъ, составляющая трапецію, распаханая, и крестьяне, по извѣстію г. Русина, выпахивали здѣсь желѣзные бердыши, топорники, молотки, наконечники стрѣлъ, мѣдныя бляхи (?) отъ конской сбруи и проч. Сверхъ сего отъ этой же деревни Городищъ идетъ валъ къ лѣсу, т. е. на югозападъ къ Мордовской деревнѣ Вышкѣ, и отъ нея черезъ Тетюшскую дорогу лѣсомъ же, потомъ пашнею и наконецъ по низкому мѣсту лугомъ къ деревнѣ Ростоку и къ рѣкѣ Свіягѣ, при которой стоитъ деревня, разстояніемъ отъ деревни Городищъ верстъ на пять: валъ шириною 4, а высоты 2 сажени, глубина рва 1½ саж. (дер. Ростокъ см. на картѣ городищъ). О деревнѣ Городищи и укрѣпленіяхъ ея и за ней пишутъ въ своихъ запискахъ Палласъ и Лепехинъ. Первый говоритъ (1): «при сѣверной сторонѣ (оконечности) горѣ, называемыхъ Городищенскими, быстротекущая весенняя вода сдѣлала на обѣихъ сторонахъ мысъ, верхняя лощина котораго (разум. Пустынный оврагъ) укрѣплена поперекъ проведеннымъ къ нижней лощинѣ (разум. Писцовый оврагъ) валомъ и рвомъ. Сказываютъ, что сіе укрѣпленіе сдѣлалъ прежде славный разбойникъ Ерасимъ, также какъ приписываютъ ему и другіе малые окопы, которые въ лѣсистой странѣ близъ сосѣдственной деревни (чит. села), Ундоры называемой, и понынѣ еще видны (2). На вершинѣ укрѣпленной горы построена нынѣ господская деревня, которая по оному укрѣпленію Городищи называется». О валѣ отъ сей деревни Палласъ говоритъ ниже (стр. 183): «внизу горы, почти въ двухъ (?) верстахъ отъ деревни Городищи проведена съ крутаго подмытаго берега Волги прямая линія къ западу сквозь небольшой лѣсъ, которая, прошедъ мимо отстоящей въ шести (въ трехъ) верстахъ деревни Вышки, кончится при текущей въ девяти (пяти) верстахъ отъ Волги рѣкѣ Свіягѣ, на берегу которой построена тамъ деревня Ростокъ. Но можно ли—справедливо замѣчаетъ теперь Палласъ—и сію линію приписать вышепомянутому разбойнику, или кто

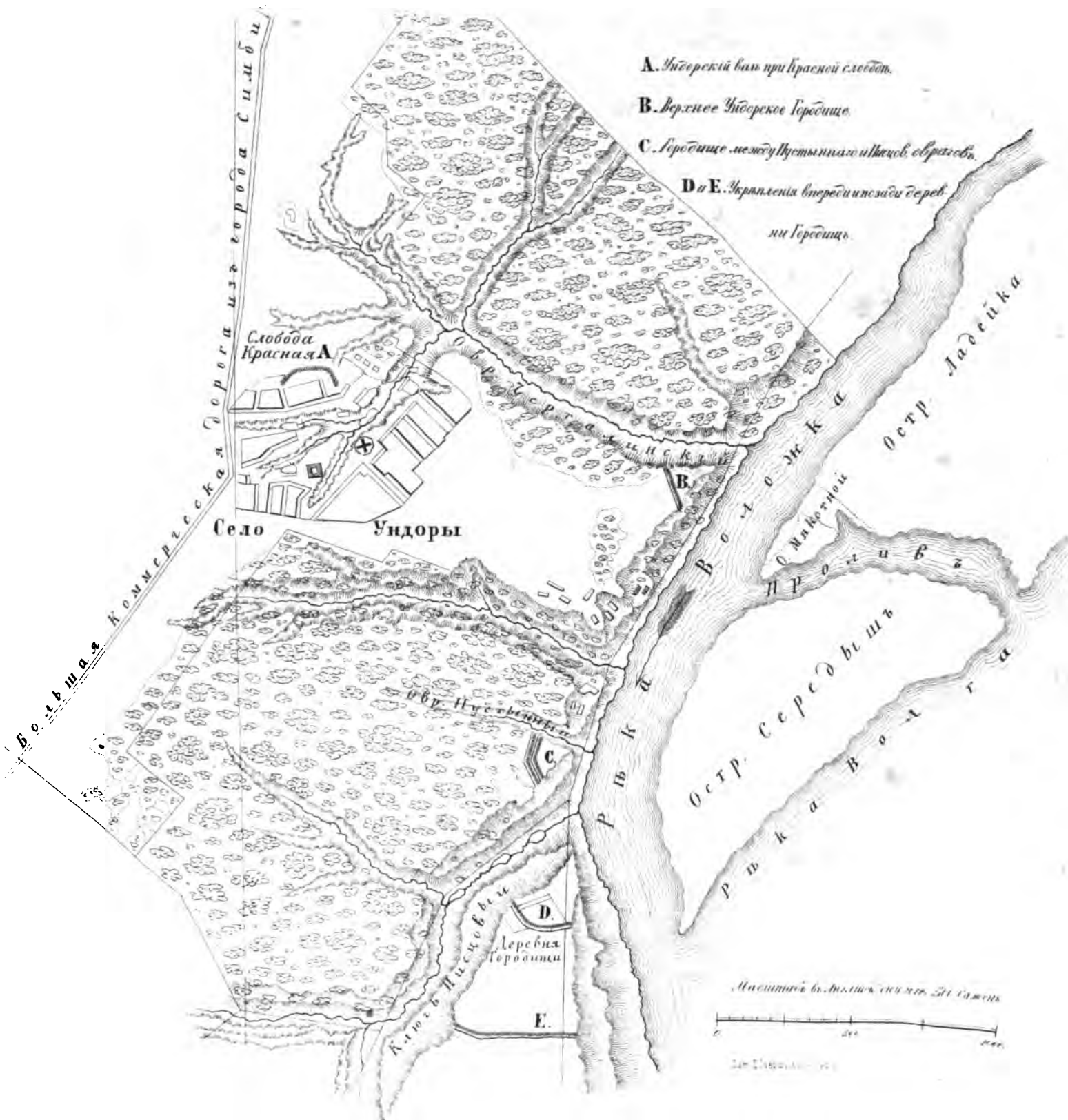
(1) Палласа Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи, ч. I. Спб. 1773, стр. 181.

(2) Преданіе, слышанное, конечно, отъ туземныхъ стариковъ, совершенно ложно. Разбойникъ Герасимъ, какъ мы имѣли случай находить въ старыхъ бумагахъ Симбирскихъ, жилъ при импер. Аннѣ и Елисаветѣ, и можетъ быть здѣсь только укрывался—въ готовыхъ окопахъ.

П Л А Н Ъ

къ стр 548.

Ундорской мѣстности съ городищами.

нибудь другой оную сдѣлалъ, о томъ я ничего заподлинно сказать не могу». Лепехинъ пишетъ ⁽¹⁾: «на другой день (28 апрѣля 1769 г.) на разсвѣтѣ мы пріѣхали къ Ундорскимъ горамъ, которыхъ конецъ составляютъ Городищенскія горы, названныя отъ Городища или землянымъ валомъ укрѣпленнаго мѣста, въ окружности около 200 сажень составляющаго; а когда, къмъ и для какой причины сдѣлано сіе укрѣпленіе, неизвѣстно». — Изъ всего вышеписаннаго видно, что деревня Городищи. съ укрѣпленіемъ по ту сторону Писцоваго оврага, какъ видно впослѣдствіи случайно образовавшагося, должно быть значащееся въ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго Старое Ундоровское городище съ поляною. Это, конечно, та самая зеленая прекрасная площадка, на которой по Олеарію находился Татарскій городъ Ундоровскій.

Что касается до проведеннаго отъ деревни Городищъ черезъ Тетюшскую дорогу къ Свіягъ вала, о коемъ пишетъ Палласъ и подтверждаетъ теперь Русинъ: то оный можно относить также къ *Татарскимъ укрѣпленіямъ*. Потому что въ тѣхъ же Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго 1648 г. (л. 363 об.) здѣсь при Свіягъ, гдѣ нынѣ деревня Ростока, указывается «*деревня новая, Завороткова тожъ*, ставшая на рѣкѣ Свіягъ, *подлѣ Уланова городка*; подъ самымъ городищемъ Улановымъ считается пашни и дикова поля 170 десятинъ, дубровы 42 десятины въ полѣ, а въ дву потомужъ». Городище это, по вторичному нынѣ осмотру, дѣйствительно оказалось близъ деревни Ростокъ: позади ея параллельно съ валомъ въ 40 отъ него саженьяхъ тянется къ верху къ деревнѣ Вышкѣ на одну версту крутой оврагъ, въ концѣ круто поворотившій и впадшій въ ровъ вала. Названіе: Уланово городище—чисто Татарское: въ Русской исторіи извѣстенъ Татарскій вельможа царевичъ Уланъ ⁽²⁾, и близъ Казани есть село Карамышъ, Уланово тожъ. Впослѣдствіи этотъ валъ и городище вошли въ составъ новой Тетюшской засѣки (о которой сейчасъ скажемъ).

Въ древнихъ актахъ нерѣдко упоминается *старая Тетюшская засѣка*, т. е. оборонительная линія, состоящая изъ валовъ, заваловъ, сторожей и городковъ. Валъ этотъ, какъ видно, шелъ отъ Тетюшъ къ Свіягъ и отсюда на западъ по теченію рѣки Карлы, верстахъ въ двухъ и трехъ отъ нея, такъ что верховья рѣки Улемы и рѣки Кильны въ актахъ изъ Казани пишутся за сею старою Тетюшскою засѣкою ⁽³⁾. Иногда эта засѣка называлась старою Карлинскою засѣкою или валомъ ⁽⁴⁾. О нынѣшнихъ остаткахъ этой засѣки говорится въ Описаніи Симбирской губерніи, сост. полковникомъ Липинскимъ (въ Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи, Сиб. 1868; ч. 1 стр. 12) и въ Сборникѣ историч. и статист. матеріаловъ о Симбирской губерніи (изд. Симб. Статистическимъ Комитетомъ, Симбирскъ 1858, с. 112). Тетюшская засѣка или черта эта проведена уже Русскими при Θεодорѣ Ивановичѣ или

(1) Дневныя Записки путешествія Лепехина по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, Спб. 1771, стр. 307.

(2) Исторія Гос. Рос. Карамзина (изд. Эйнерлинга) V. 75. 150.

(3) Въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи Отдѣленіе III Вотчинное № 618 отводныя и другія книги по Казани съ городами л. 264. 309—о дикомъ полѣ Алексина на р. Улемѣ, л. 354—о дикомъ полѣ на р. Кертеги, близъ деревни Жуковой, л. 391—о помѣстьѣ Жукова на р. Кильнѣ; тамъ же № 410 переписныя книги по Казани съ городами л. 1375 дозорныя книги земель около Тетюшъ 127 г.—о сѣнныхъ покосахъ Кулунчуской Морды.

(4) Въ архивѣ Симбирской Гражданской Палаты Грамоты Симбирскія, связка 12 № 602: «во 192 (1684) г. промѣнена земля подлѣ Свіяжской засѣки и подлѣ старого Карлинскаго валу», № 603 о томъ же: «на рѣкѣ на Карлѣ къ старой засѣкѣ, къ валу», № 623: «на глухую башню, которая у Карлинскаго валу».

Борисъ Годуновъ ⁽¹⁾. Впослѣдствіи южнѣе ея проведена *новая Тетюшская засѣка*, началомъ которой (отъ Волги до Свіаги) служилъ прежній валъ, можетъ быть теперь поновленный, отъ деревни Городищъ до деревни Ростоки, потомъ верстахъ въ пяти отсюда къ ней относилось Мошково городище, гдѣ нынѣ село Алекино, а отсюда за Свіагою черта шла на югозападъ. Городище Мошково на означенномъ мѣстѣ при Свіагѣ значится въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго 1648 г. ⁽²⁾; въ 183 (1675) году оно отдано со смежною порожнею землею Григорью да Маркеллу Васильевымъ дѣтямъ Алекина, и здѣсь впослѣдствіи явилось нынѣшнее село Алекино, въ актахъ пишущееся селомъ Рождественскимъ, Алекинымъ, Мошково городище тожъ ⁽³⁾. Въ ввозной грамотѣ 157 (1649) г. Мордвину Безсонову Сатушу, построившему деревню Безсонову (по Подробной картѣ Россійской имперіи верстахъ въ 10-ти отъ села Ундоръ къ сѣверу, см. на картѣ городищъ), мѣсто сей деревни (Безсоновой) означено такъ: «а отъ старой Тетюшской засѣки то мѣсто по старой Самарской (нынѣ Тетюшская) дорогѣ 15 верстъ, а отъ новыя засѣки 10 верстъ» ⁽⁴⁾. Село Алекино по этой дорогѣ именно отстоитъ отъ дер. Безсоновой въ 10 верстахъ. По этому городища на той и другой засѣкѣ, помянутое Мошково, Куларово близъ дер. Пилюгиной на сухомъ Бирючѣ, городище близъ села Кезмина и нѣкоторыя другія, какъ уже позднія Русскія укрѣпленія, не входятъ въ настоящее наше обозрѣніе.

12. Симбирское городище.

Симбирское городище находилось не на правой сторонѣ Волги, гдѣ нынѣ Симбирскъ, а на лѣвой, верстъ 13 ниже нынѣшняго города Симбирска, въ Самарской губерніи, между селами Краснымъ Ярмъ и Кайбелою. Въ писцовыхъ книгахъ Казанскаго уѣзда Ивана Болтина 7111 (1603) года, хранящихся въ Московской Межевой канцеляріи подъ № 332, на л. 55 об. такъ описывается одинъ Татарскій бортовой ухажей, данный еще въ 1597 г.: «за князь Яковомъ (новокрещеннымъ) по выписи съ Казанской дачи 105 (1597) года, что было за отцемъ его бортовой ухажей и бобровые гоны и рыбные ловли за рѣкою Камою, и по рѣкѣ Волгѣ на Нагайской сторонѣ по Самарской дорогѣ ниже Тетюшъ, по Майнѣ рѣкѣ Алтыбаевскій лугъ по рѣкѣ Уреню по вершинѣ да къ малому бору, а отъ малаго бору по верхней боръ и дубровникъ и по Волгу рѣку, а по Волгѣ рѣкѣ на низъ отъ Майнскаго устья нижняя межа по Красной Ярѣ, повыше Симбирскаго городища». Слѣдовательно самое городище было нѣсколько ниже Краснаго Яра. Дѣти этого новокрещенаго князя Якова Асанова, Казанцы князь Степанъ и князь Якимъ Асановы въ 7189 (1681) году продали Казанцу же Федору Зеленому эту «родовую свою вотчину отъ Майнскаго устья по Красной Ярѣ и по Симбирское городище, рыбные ловли и бобровые гоны и пр., — и Зеленый, очищая ее отъ постороннихъ вступщиковъ, просилъ изъ Казани выписи

(1) О стереженіи на этой засѣкѣ см. Мельникова Акты истор. и юрид. по Казанской губ. стр. 22.

(2) См. въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 413 л. 364 об.

(3) См. Симбирской Гражданской Палаты дѣла апелляціонныя по столу Винокурова связка 1 № 1—4 дѣло спорной у Карпова съ Ивашевою и Наумовою землѣ по селу Алекину 1826—1836 г., л. 148, 171, 183.

(4) См. эту грамоту въ архивѣ Симбирскаго Уѣзднаго Суда въ дѣлахъ уголовныхъ по описи № 370 л. 9.

на нее изъ писцовыхъ книгъ, каковая и дана ему изъ Казани съ означенныхъ писцовыхъ книгъ Болтина въ тѣхъ самыхъ словахъ о Симбирскомъ городищѣ, которыя мы привели выше (¹). Олеарій, ученый Голштинецъ, путешествовавшій по Россіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича 1636 г. и тщательно описавшій видѣнныя имъ мѣстности, плылъ отъ насъ въ Персію Волгою. Въ описаніи сего пути онъ говоритъ, что лежащая на правой сторонѣ Волги Симбирская гора (Simberska gora) получила свое имя отъ преждебывшаго города, разореннаго Тамерланомъ, но на картѣ самую эту гору (Simberska) полагаетъ не на правой, а на лѣвой сторонѣ Волги ниже Ботмы рѣки, въ томъ именно мѣстѣ, гдѣ по писцовымъ книгамъ Болтина значится Симбирское городище. У Олеарія при этомъ слѣдующимъ образомъ очерченъ, можетъ быть, видъ оставшихся еще здѣсь зданій крѣпости (²). Замѣчательно
еще, что плывъ черезъ 30 послѣ Олеарія, именно въ 1668 г. путешествовавшій по Волгѣ Голландецъ Стрейсъ эту Син- бирскую гору прямо указываетъ на лѣвой сторонѣ Волги. Онъ говоритъ: изъ Казани продолжая плаваніе внизъ, прошли мы 23 іюля мимо развалинъ городовъ, разоренныхъ Тамерланомъ, Симбирской горы, лежащей на лѣвомъ берегу Волги, и Арбухима, стоявшаго нѣкогда на горѣ сего имени, 29 прибыли къ горѣ, у которой жители занимались добываніемъ соли (³). Такимъ образомъ подъ именемъ Симбирской горы здѣсь разумѣется лежащая за селомъ Крестовое городище утесистая гора, упирающаяся въ Волгу, о которой говоритъ Палласъ, что на ней было городище—Симбирское (см. ниже); Арбухимъ городъ находился въ такъ называемой отъ него впоследствии Арбугинской волости, близъ города Сингиля (о чемъ см. ниже въ главѣ объ Арбухимскомъ городищѣ). Лежащая за тѣмъ гора, жители коей занимались добываніемъ соли, есть известное нынѣ на правой сторонѣ Волги село Усолъе. Въ слѣдъ за Симбирскимъ городищемъ упоминалъ и Олеарій о бывшемъ городѣ Арбухимѣ на горѣ сего имени на правомъ берегу Волги (⁴). На картѣ Витзена, конца XVII в., но составленной по древнимъ картамъ (*Imperii Rossici s. Moscoviae status generalis etc.*), какъ Симбирская гора, такъ и городъ показаны на лѣвой сторонѣ Волги, а ранѣе сего у Клювера (*Phil. Cluveri Introductio in universam Geographiam*) и Витта (*Tabulae Russiae vulgo Moscoviae*) вмѣсто этого здѣсь или вблизи показана *Sepultura celeberrima*—знаменитѣйшая могила (⁵).

Симбирскъ, основанный по Татарской лѣтописи, какъ мы слышали, однимъ знатымъ Булгарскимъ княземъ, отъ коего и получилъ свое имя, въ древнія времена былъ важный городъ Волжскихъ Болгаръ, главный въ особенной области этого царства, по нему названной Симбирскою. Шерефъ-единъ, Булгарскій писатель, жившій въ первой половинѣ XVI в. и написавшій краткую Булгарскую лѣтопись, вотъ что между прочимъ говоритъ въ ней о распространеніи магометанства въ Булгарскомъ царствѣ: «въ аулѣ Терберды-Чалли былъ изъ Булгаръ Идрисъ сынъ Зуль-Мугамме-

(¹) См. ниже приложенную къ сему отписку изъ архива Симбирской Гражданской Палаты Грамоты Симбирскія № 1002.

(²) *Viel vermehrte Moscovitische und Persianische Reisebeschreibung von Adam Olearius, Hamburg 1696, S. 180 vgl. zur S. 180 Accurata delineatio flum. Wolgae.*

(³) Сѣверный Архивъ 1824 г., Мартъ № 5 Путешествіе Яна Янсена Стрейса по Россіи въ 1668 г.

(⁴) *Ibid.* p. 185 см. и карту zur S. 180.

(⁵) См. о сихъ картахъ Миллера: Ежегодныя сочиненія 1761 стр. 413. 416.

довъ. Онъ отправился въ Яркендъ ⁽¹⁾, поступивъ послушникомъ къ шейху Гидаетъ Уллѣ, и 15 лѣтъ учился тамъ магометанскимъ уставамъ и созерцанію ⁽²⁾. Потомъ, послѣ кончины суфія ⁽³⁾ Ишъ-Мугаммеда, Идрисъ сей былъ посланъ на мѣсто его въ городъ Булгаръ, Тубулгу и въ области Уфимскую, Казанскую и Симбирскую (по Татарски Синбирь), чтобы учить созерцанію. Время этого Идриса-пропагандиста опредѣляется тѣмъ, что учитель его Гидаетъ Улла, какъ говорится выше, самъ былъ послушникъ Ходжи Ахмета Есевича, жившаго по Татарскимъ сказаніямъ во второй половинѣ XIV в. и слывущаго въ средней Азіи однимъ изъ величайшихъ святыхъ, надъ которымъ каменную мечеть въ городѣ Туркестанѣ построилъ самъ Темиръ Аксакъ или извѣстный Тамерланъ. Съ другой стороны, какъ говорится ниже, ученикъ Идриса шейхъ Касимъ, сынъ Ибрагимовъ, былъ изъ *новой* уже Казани и сдѣлался его на-мѣстникомъ. А новая Казань, какъ извѣстно, образовалась около 1445 г., вмѣсто прежняго города старой Казани ⁽⁴⁾. По симъ соображеніямъ проповѣдь Идриса въ Симбирской области надобно относить къ началу XV столѣтія. Наши ориенталисты, замѣтимъ мимоходомъ, Сенковскій и Григорьевъ, смѣшиваютъ Симбирскъ съ другимъ знатнымъ городомъ Булгарскимъ Сиваръ, въ коемъ били и монету ⁽⁵⁾. Объ этомъ Сиварѣ говоритъ Якутъ, что онъ въ отношеніи къ городу Буртасу, лежавшему къ сѣверу отъ земли Хазарской, находился на западѣ и имѣлъ двѣ мечети, простую и соборную ⁽⁶⁾. Городъ Буртасъ, по сему свидѣтельству Якута, надобно положить въ нынѣшней Саратовской губерніи по правую сторону Волги (въ чемъ согласенъ и г. Сенковскій, *ibid.*) и Сиваръ прямо противъ него—на западѣ въ той же или Тамбовской, Воронежской губерніяхъ, между тѣмъ Симбирскъ находится совсѣмъ въ другой—сѣверной сторонѣ, что чувствовалъ и самъ Сенковскій. Съ другой стороны, смѣшивать Сиваръ съ Симбирскомъ, допуская, что такъ собственно назывался Симбирскъ, не позволяетъ прямое названіе его у Шерефъ-едина Симбирскомъ, а не какимъ нибудь Сиваромъ.

Что древній Булгарскій или Казанскій Симбирскъ существовалъ ниже нынѣшняго Симбирска верстъ 13 на лѣвой сторонѣ Волги близъ селъ Крестоваго городища и Кайбелы, на это есть и другія доказательства. И Симбирскъ и Кайбела—имена Татарскія ⁽⁷⁾. Въ одной изъ грамотъ Симбирской провинціи, хранящихся въ архивѣ Симбирской Гражданской Палаты, связка 5 № 218, данной въ сентябрѣ 190 (1681) года, между прочимъ пишется: «а есть-де въ Синбирскомъ уѣздѣ на луговой сторонѣ ниже Краснаго Яру на рѣчкѣ на Кайбулѣ городище, по обѣ стороны Кайбулы рѣчки до

(1) Городъ въ Бухаріи, откуда исходили проповѣдники магометанства.

(2) Религіозному, аскетическому.

(3) Мудреца, монаха мусульманскаго. См. Herbelot Orientalische Bibliothek, Halle 1790, 4 Band S. 272. Sofi.

(4) См. въ Запискахъ Импер. Археолог. Общества т. XIII, Спб. 1859, статью Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи стр. 277; о новой Казани его же: Исследование о Касимовскихъ царяхъ, Спб. 1861, ч. 1. стр. 3—13.

(5) Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара, т. 7. стр. 420: Буртасы, слич. 304, Библиотека для чтенія т. 19 отд. 3, стр. 20: Волжскіе Булгары, о монетахъ—Описаніе Кунычскихъ монетъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи, Григорьева, Спб. 1841, стр. 48. № 39—бить диргеми въ Суварѣ 338 (949 по Р. Хр.) года.

(6) Энциклопедич. Лексиконъ тамъ же.

(7) О названіи Симбирска отъ основателя своего—Болгарскаго или Казанскаго князя уже сказано. Кайбела, точнѣе Кайбула, также есть собственное имя лица, какъ видно изъ Казанскихъ писцовыхъ книгъ Ив. Болтина 7111 г. «деревня Исенгиля, въ ней татаряиъ Кайбула».

Волги рѣки». Въ 1767 году П. Рычковъ въ своей Казанской исторіи писалъ: сверхъ другихъ городищъ недалеко отъ Синбирска на луговой сторонѣ Волги близъ села, называемаго Крестовымъ городищемъ, по увѣренію г. генерала-маіора Брахфельта есть знаки бывшихъ тутъ многихъ каменныхъ строеній, земляной валъ и рвы понынѣ еще видимы ⁽¹⁾. Въ слѣдъ за Рычковымъ Палласъ въ своемъ Путешествіи по Россіи говорить: къ Красному Яру продолжали мы путь свой нѣкося по Волгѣ, но какъ по чрезвычайной вышины лѣваго берега въ семь мѣстъ подняться на оный невозможно было, то ѣхали (т. е. плыли) мы еще 5 верстъ далѣе до стоящей на низкомъ мѣстѣ деревни Крестовое городище, проименованной по старинному окопу, который въ южной сторонѣ отъ деревни находится на простирающейся вдоль рѣки, а къ сѣверу и востоку утесистой горѣ ⁽²⁾. Городище названо Крестовымъ уже впоследствии Русскими, какъ говорятъ старожилы, отъ крестообразнаго взаимнаго пересѣченія здѣсь двухъ истоковъ Волги. Сіе видно и изъ отводныхъ книгъ Арбугинскимъ крестьянамъ въ 1670 году: «отъ Бѣльскаго озера по мірскіе Сибирскіе воды, по прорву и по вышку и по озера и волошки, Застѣнная и Кайбелина, и озера, что подъ Краснымъ Яромъ, и истокъ, что подъ Крестовымъ городищемъ, и тѣ воды имъ отведены» ⁽³⁾. Къ югу за селомъ Крестовое городище доселѣ видѣнъ валъ, и другой отъ востока къ западу, упирающійся обоими концами въ крутояры. Въ 1851 г. не подалеку отъ этого мѣста при селѣ Кайбелѣ рыбаки нашли въ Волгѣ весьма древнюю, хорошей работы, золотую цѣпь съ бляхою, которая, какъ мы достоверно знаемъ отъ Симбирскихъ очевидцевъ, украшена была мусією, зернами и двумя золотыми подвѣсками. Она представлена была покойному Государю Императору Николаю Павловичу, — и Его Величество, наградивъ поднесшаго деньгами и золотыми часами, приказалъ самую цѣпь хранить въ Московской Оружейной Палатѣ, гдѣ она подъ именемъ Булгарской гривны заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между рѣдкостями Палаты. Въ описи Оружейной Палаты, заведенной въ 1836 г., эта цѣпь на л. 115 подъ № 439 записана такъ: «Декабря 31 (1851) Гривна золотая, состоящая изъ четырехъгранной витой въ видѣ жгута цѣпи, украшенной крупными и мелкими бусами въ видѣ городковъ ⁽⁴⁾. По ободу у ней (т. е. бляхи) сквозной узоръ (филогранная работа), каковой находится также и съ обѣихъ сторонъ (бляхи, т. е. лицевой и оборотной) въ видѣ полумѣсяца; половина одного ушка (коими бляха прикрѣплялась къ цѣпи) отломлена. Вѣсу въ ней съ цѣпью 1 ф. 10 золотн. Куплена Государемъ Императоромъ у Московскаго купца Дементія Пискарева и по Высочайшему повелѣнію поступила въ Палату 1851 г.». Такъ какъ гривна своимъ достоинствомъ и древностію обратила на себя особенное вниманіе: то нашедшіе ее впоследствии доставили къ ней одну изъ привѣсокъ, совсѣмъ утративъ другую. Эта привѣска въ той же описи на л. 133 записана такъ: «1853 апрѣля 7—Золотая вещица въ видѣ привѣски отъ древней золотой гривны, найденной близъ Кайбелы, Самарской губерніи. Поднесена Государю Императору крестьяниномъ Алексѣемъ Комаровымъ». Такая находка, если принадлежала

(1) Опытъ Казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ П. Рычкова, Спб. 1767, стр. 22.

(2) П. Палласа Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской имперіи, часть 1. Спб. 1773, стр. 213. 214.

(3) Симбирскія Губернскія Вѣдомости 1855 № 40.

(4) Перекупившіе у рыбаковъ эту гривну, думая, что мусія можетъ унижить достоинство золота, къ сожалѣнію, всю ее сколупали. Потому она въ описи и не значится.

близъ находящемуся Симбирскому городищу, также свидѣтельствовала о богатствѣ и важности этого мѣста ⁽¹⁾.

Что касается до правой стороны Волги, гдѣ нынѣ существуетъ Симбирскъ: то до царствованія Алексія Михайловича мѣсто сіе было покрыто лѣсомъ и составляло Мордовскій бортный ухжей (пчеловодное мѣсто) и бобровые гоны. Въ 1686 г. по сказкѣ деревни Татаровы Кирдяева тожъ (Карсунскаго уѣзда) посопной Мордвы Москати Туушева съ товарищами «вотчина у нихъ была за валомъ, за рѣкою Свѣгою, верховой бортной Сингильской ухжей и бобровые гоны, и рыбные ловли были по Волгѣ и по Чувичинскому острову и по рѣкѣ Свѣгѣ (Чувичинскій на Волгѣ островъ находится противъ самаго Симбирска, а городъ расположенъ между рѣкѣ Волги и Свѣги). И какъ построенъ городъ Синбирскъ и отѣзжія слободы, продолжаетъ сказка—и та вотчина запустѣла, дѣльные деревья вырублены и выжжены и ничего дѣльныхъ деревьевъ и бобровыхъ гононь нѣтъ и рыбные ловли розданы въ раздачу градскимъ и уѣзднымъ людямъ» ⁽²⁾. Мордва и другіе рыбаки, имѣя на Волгѣ противъ нынѣшняго Симбирска всегда удачный рыбный ловъ, ставили на берегу шалаши, рыбные дворы и хижины, и такимъ образомъ здѣсь подъ горою основалась рыбная слобода. Но на горѣ собственно городъ Симбирскъ началомъ своимъ одолженъ мысли Правительства провести черту или военную укрѣпленную линію отъ Волги до Суры и далѣе къ прежде устроенной Тамбовской чертѣ для обереженія Русскихъ границъ отъ набѣговъ Крымскихъ и Нагайскихъ Татаръ. Первымъ укрѣпленнымъ городомъ и исходнымъ пунктомъ этой черты долженствовалъ быть Симбирскъ, при Волгѣ на высокой и крутой горѣ, Симбирскъ вновь теперь построенный и такъ названный отъ древняго знаменитаго, на другой сторонѣ бывшаго, Синбирскаго городища. Такія переведенія древнихъ разоренныхъ городовъ, смотря по современнымъ обстоятельствамъ и большимъ удобствамъ, на новыя мѣста нерѣдки въ нашей Русской исторіи: вспомнимъ о старой и новой Рязани, о старой и новой Казани и т. д. Городъ Симбирскъ строилъ теперь довольно извѣстный въ XVII в. стольникъ, въ послѣдствіи оружейничій и бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово и преемники его въ 1648 и слѣдующихъ годахъ. По чертѣ построены были городки или остроги, обведенные валами: Юшанскъ, Тагай, Уренскъ, городъ Корсунъ, малый Карсунъ или Погорѣлый, Аргащъ, Сурскій острогъ. Но эти собственно Русскія и не древнія укрѣпленія не входятъ въ настоящее обозрѣніе городищъ.

Въ удостовѣреніе сказаннаго нами о мѣстоположеніи Симбирскаго городища, за симъ мы вполнѣ помѣщаемъ вышеозначенную Казанскую отписку о купленной вотчинѣ Феодора Зеленаго.

Отписка Казанскаго воеводы Урусова Симбирскому воеводѣ Головину о вотчинѣ Феодора Зеленова, съ выписью о ней изъ Казанскихъ писцовыхъ книгъ.

Господину Матвѣю Алексѣевичу, да дьяку Алексѣю Григорьевичу Петръ Урусовъ съ товарищи челомъ бьютъ. Въ нынѣшнемъ 195 году декабря въ 10 день билъ че-

(1) Вообще Татарское населеніе этого и смежныхъ мѣстъ видно и изъ того, что по репорту священника села Кайбелъ въ 1836 г. въ 10-ти верстахъ отъ сего села при рѣкѣ Колмаюръ примѣтны древнія никому незапамятныя Татарскія кладбища, гдѣ между прочимъ тогда былъ (неизвѣстно, сохранился ли доселѣ) надгробный камень съ Татарскою надписью, такой точно величины (9 четвертей длины и 3 ширины), какъ вышепомянутый Татарскій камень въ оградѣ церкви села Архангельскаго Рашевка тожъ.

(2) Въ архивѣ Симбир. Гражд. палаты Карсунскія писцовыя книги стольника Ив. Вельяминова 7194 г. л. 444.

ломъ Великимъ Государемъ Ѳедоръ Зеленой: въ прошлыхъ-де годѣхъ купилъ онъ у Казанцовъ у князь Степана да у князь Якима Асановыхъ родовую ихъ вотчину отъ Маинскова устья по Красной Ярѣ и по Сибирское городище рыбные ловли и бобровые гоны и бортной ухжей и сѣнные покосы со всѣми угодами, и завладѣлъ тою вотчиною Артамонъ Максимовъ сынъ Рѣпьевъ, а называется то ево вотчину Сибирского уѣзду, а не Казанскаго. А въ писцовыхъ-де книгахъ во многихъ та вотчина написана за родственники ихъ въ Казанскомъ уѣздѣ, а не въ Сибирскомъ, и Великіе Государи пожаловали бы ево, велѣли послать въ Сибирскъ къ вамъ для вѣдома съ писцовыхъ книгъ отписку, что та вотчина Казанскаго уѣзду. А въ писцовыхъ книгахъ Ивана Болтина прошлаго 111 (1603) году написано: въ Казанскомъ уѣздѣ за князь Яковомъ Асановымъ по выписи съ Казанскія дачи 105 (1597) году, что было за отцемъ ево бортной ухжей и бобровые гоны и рыбные ловли за рѣкою за Камою по рѣкѣ по Волгѣ и на Нагайской сторонѣ по Самарской дорогѣ ниже Тетюшѣ, по Майнѣ рѣкѣ Аттабаевской лугъ по рѣчкѣ по Уреню по вершину да къ малому бору, а отъ малаго бору по верхній боръ и по дубровникъ и по Волгу рѣку, а по Волгѣ рѣкѣ на низъ отъ Маинскаго устья нижняя межа по Красной Ярѣ повыше Сибирскаго городища, а верхняя межа по Майнѣ рѣкѣ по нижнюю (т. е. по лѣвую) сторону вверхъ, и по тѣмъ урочищамъ бобровые гоны и рыбными ловлями и сѣнными покосами владѣетъ самъ князь Яковъ, рыбу ловятъ и бобры гоняютъ на него его князь Яковлевы люди. А въ писцовыхъ книгахъ Семена Волинскаго съ товарищи прошлыхъ 156 и 157 и 158 и 159 и 160 и 161 годовъ та вотчина написана за князь Иваномъ да за князь Степаномъ Яковлевыми дѣтьми Асанова въ Казанскомъ же уѣздѣ. А въ купчей, какову дали Ѳедору Зеленому князь Степанъ да князь Якимъ Асановы въ прошломъ 189 году написано: продали они въ Казани Ѳедору Зеленому свою родовую вотчину рыбные ловли и бобровые гоны и бортной ухжей и съ сѣнными покосы и со всѣми угодами противъ жалованой грамоты, какова дана прадедамъ и дѣдамъ и отцамъ ихъ, и та-де ихъ вотчина по Волгѣ рѣкѣ на луговой сторонѣ верхняя межа Маинское устье, а нижняя межа Красной Ярѣ, что ниже Сибирска (*) по Волгу рѣку и по Самарскую большую дорогу съ Ботмою и съ Уренемъ рѣчками съ верхней и съ нижней межъ, съ истоки и съ протоки и съ озера, которые въ тѣхъ межахъ, которая вотчина вопче съ дядею ихъ съ князь Степаномъ и съ сыномъ ево князь Петромъ, да съ братьями съ князь Григорьемъ Микитинымъ сыномъ да князь Яковомъ Павловымъ сыномъ Асановыми. И вамъ бы о той вотчинѣ противъ челобитья Ѳедора Зеленова учинить по указу Великихъ Государей.

(Изъ архива Симбирской Гражданской палаты, Грамоты Симбирскія № 1002).

13. Арбухимское и другія городища.

На слѣдующій день, какъ Олеарій проплылъ мимо Симбирскаго городища (Simberka goga), 22 августа, пишетъ онъ, «мы переплыли черезъ три мели, одну передъ горою, а двѣ другія позади горы Арбухимъ (Arbushim), лежащей на правомъ берегу

(*) т. е. нынѣшняго города на правой сторонѣ Волги.

(Волги). Гора эта удержала имя свое отъ города, который когда-то находился на ней». Это было писано въ 1636 году. Тоже писалъ въ 1668 г. другой путешественникъ Голландецъ Стрейсъ: «изъ Казани продолжая плаваніе внизъ (по Волгѣ) прошли мы 23 іюня мимо развалинъ городовъ, разоренныхъ Тамерланомъ, — Симбирской горы (см. выше), и Арбухима, стоявшаго нѣкогда на горѣ сего имени» ⁽¹⁾. Переводчикъ послѣдняго путешествія напрасно считаетъ Арбухимъ за упоминаемый въ нашихъ лѣтописяхъ Брахимовъ. Онъ находился въ извѣстной по актамъ XVII в. Арбугинской волости, лежавшей по Волгѣ ниже нынѣшняго Симбирска на правой ея сторонѣ и состоявшей изъ селъ Панскаго, Кріуши, Шиловки, Тушны и Ключищъ (см. приложенную при семъ карту городищъ). Арбугины горы значатся уже въ одной грамотѣ 1631 года ⁽²⁾, данной Тетюшскому Покровскому монастырю «на монастырскія воды—на озеро Бѣлое по конецъ Арбугинныхъ горъ на луговой сторонѣ (Волги) противъ Косломскаго яру, да на горахъ озеро Торопово, озеро Подгорное, озеро Княинка... да двѣ волюшки Щучья и Кріуша» ⁽³⁾. Эти Арбугинскія горы, безъ сомнѣнія, суть выдающіяся по берегу Волги массы Тушинскихъ и Шиловскихъ горъ. Высшая точка ихъ, такъ называемая Шиловская Шишка, выдвигается высокимъ конусомъ, имѣя надъ Волгою до 85 сажень высоты ⁽⁴⁾. Въ 7173 (1665) году по указу царя Алексія Михайловича заведена здѣсь, на Арбугинскихъ поляхъ, десятинная пашня и построены на тѣхъ пашенныхъ поляхъ дворцовые волостные бѣглые крестьяне ⁽⁵⁾. Въ переписныхъ книгахъ Семена Нестерова 7186 (1678) г. эту Арбугинскую волость, имѣвшую свое особенное управление, составляли вышепом. пять слободъ: Кременская, Шиловская и др., въ коихъ оказалось 333 двора крестьянскихъ и 266 бобыльскихъ; они пахали на Великаго Государя по 130 десятинъ въ полѣ, а вдву потому ⁽⁶⁾. Соображая теперь слова Олеарія о городѣ Арбухимѣ, стоявшемъ на горѣ сего имени, мы должны принять, что онъ стоялъ на мѣстѣ городища близъ села Кріушъ, въ 30 верстахъ отъ Симбирска и въ 20 отъ Сингиля, на берегу Волги ⁽⁷⁾. Вотъ что благосклонно писалъ намъ объ этомъ городищѣ о. благочинный и протоіерей гор. Сингиля К. С. Базилевскій въ прошломъ 1870 г.: «близъ Кріушъ на высокомъ утесѣ, по извѣстію ко мнѣ священника сего села, еще и теперь видны развалины городка, на берегу рѣки Арбужки, впадающей въ Тушонку. Крестьяне рассказывали ему (священнику), что на этомъ городкѣ находили прежде много металлическихъ вещей, относящихся къ оружію, украшенію женщинъ и лошадей, а также вырывали и выпаживали на этомъ мѣстѣ много глиняныхъ вещей, но ничего этого не сохранено по ихъ невѣжеству. Въ этомъ городкѣ недавно найдены и древнія, мѣдныя и серебряныя монеты, круглыя съ Татарскою надписью и *треугольныя*, нѣсколько изъ нихъ отправлено въ Моск. Археологическое Общество. Если тамъ покопать, при-

(1) См. въ Сѣверномъ архивѣ 1824 года, Мартъ № 5. Путешествіе Яна Янсена Стрейса по Россіи въ 1668 году.

(2) Въ Моск. архивѣ Министерства Юстиціи Отдѣленіе I старыхъ дѣлъ въ грамотахъ по Казани съ городами № 49.

(3) Слич. Мельникова Акты истор. и юрид. по Казанской губ. стр. 96.

(4) См. Описаніе Симбирской губерніи полковника Липинскаго ч. I. стр. 68.

(5) См. въ архивѣ Симб. уѣзднаго суда по описи дѣлъ уголовныхъ N 25 стр. 116 грамоту о неотдаваніи Арбугинскихъ крестьянъ прежнимъ ихъ помѣщикамъ 7199 г.

(6) См. въ архивѣ Симб. Гражданской палаты отказныя книги Симбирскія 186 г. № 1070.

(7) Слич. Липинскаго I, 101: болѣе мелкія мѣста по фарватеру Волги встрѣчаются ниже Симбирска отъ Кріушъ до Бехтяшки, гдѣ при различныхъ переходахъ глубина бываетъ отъ 8 до 20 саженъ.

бавляетъ уже отъ себя о. протоіерей, то можетъ быть и теперь что нибудь найдется. Помянутыя серебряныя монеты дѣйствительно получены предсѣдателемъ Моск. Археологическаго Общества гр. А. С. Уваровымъ и оказались Татарскими. На мѣстѣ нынѣшней Кріуши показанъ Арбухимъ у самого Олеарія въ Нѣмецкомъ изданіи (Schleswig 1671 p. 340 Delineatio fluminis Wolgae). Къ сожалѣнію дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ городищѣ мы не могли приобрѣсти ⁽¹⁾. Въ слѣдъ за приведенными словами о гор. Арбухимѣ Олеарій сообщаетъ слѣд. куріозное, но и загадочное извѣстіе: здѣсь съ рѣки (Волги) видѣнъ выдающійся на берегу, между двухъ холмовъ, большой камень, длиною въ 10 локтей, а вышиною нѣсколько ниже. На одной сторонѣ этого камня высѣчена слѣдующая подпись (Олеарій приводитъ ее сперва по Славянски и Славянскими буквами, а потомъ то же самое Латинскими, и къ этому приставляетъ свой Нѣмецкій переводъ):

Бѹдѣ ти ма добро тобѣ бѹдет.
Budesch ti mae dobro tobae budet.
Niebstu mich auff, so wird dirs gut seyn.

т. е. *поднимешь ты мя, добро тебѣ будетъ*. Переводъ этотъ, совершенно идущій къ дѣлу, показываетъ, что въ приведенной Олеаріемъ по Славянски подписи первое слово: *подъялъ* или тому подобное пропущено, или вмѣсто Бѹдѣ нужно читать *по́нимѣ*. Однажды Русскій стругъ, продолжаетъ Олеарій, долженъ былъ стать на этомъ мѣстѣ на якорь, по причинѣ противнаго вѣтра, — и 50 человекъ, прочитавши надпись на камнѣ, и думая найти подъ нимъ большія сокровища, съ великими усиліями подкопали и перевернули камень, но ничего не нашли, кромѣ слѣдующей надписи, высѣченной на другой сторонѣ камня:

Чѣсто ищѣе нечебо положѣ.
Tsto isches netzebo polosschen.
Was suchestu? ist doch nichts hingelegt.

т. е. *что ищешь ты? ничего не положено*. — По сказанію Геродота ⁽²⁾ Семирамида, Ассирійская царица, на своей гробницѣ приказала высѣчь слѣдующую надпись: «если кто изъ царей Вавилонскихъ нуждается въ деньгахъ: то, открывши гробницу сію, получить тамъ то, чего желаетъ». Прочитавъ эту надпись, Дарій Истаспъ Персидскій открылъ гробницу, но вмѣсто денегъ нашелъ тамъ другую подпись: «если бы ты не былъ ненасытно жаднымъ до денегъ и гнуснымъ корыстолюбцемъ: то не раскрывалъ бы гробницы мертвыхъ». Русскіе въ XVII в. или ранѣе могли знать это сказаніе изъ хронографовъ, такъ называемой книги Пчелы или другихъ сборниковъ, и потому означенная шутка была подражаніемъ сего, хотя не удивительно принять ее и за оригинальную выдумку Русскую. Шутка эта указываетъ на то, что на этомъ мѣстѣ дѣйствительно было городище, привлекавшее кладоискателей.

Вообще въ этой мѣстности, т. е. въ означенной Арбугинской волости, около Сингиля, замѣчаетъ Олеарій (стр. 425), тамъ и сямъ видѣются признаки и слѣды бывшихъ когда-то тутъ городовъ и селъ, которые всѣ были разрушены и опустошены

(1) Во время печатанія сей статьи полученное дополненіе см. въ концѣ, въ прибавленіи къ ней.

(2) Hist. lib. 1 cap. 34.

нашествіемъ Тамерлана. Дѣйствительно, преданіе и остатки указываютъ здѣсь и другія еще городища, сколько мы могли узнать.

Верстахъ въ 10 отъ Кріушинскаго городища на юговостокъ и верстахъ въ 7 отъ города Сингиля на западъ между рѣчекъ Тушнинки и Сингилейки также есть слышущій въ народѣ *Городокъ* (см. оный на картѣ городищъ). Онъ, какъ древній, значится и въ актахъ XVII в. Въ 1679 г. станичные казаки Сингилеевской слободы (нынѣ городъ Сингилей) въ челобитной своей писали: въ прошломъ 174 (1666) году дана имъ изъ Казани земля и сѣнные покосы противъ Бѣлаго Яра (нынѣ пригородъ Ставропольскаго уѣзда, Самарской губ.) на нагорной сторонѣ (Волги), по рѣчкѣ Сингилейкѣ съ вершинъ (ея) до Волги рѣки, и на той-де землѣ были они небольшое время. И какъ былъ въ Сибирску воеводою князь Иванъ Дашковъ (1665—1669 г.), съ той земли перевелъ ихъ отъ Башкирскаго разоренія жить на порозжую землю для крѣпости (ближе) къ Волгѣ рѣкѣ на *городище промежъ Тушны и Сингилейки* (1). Ясно, что это укрѣпленіе, названное въ актѣ городищемъ, существовало задолго до перевода на оное станичныхъ казаковъ и, по всей вѣроятности, было построено Татарами, а не Русскими. Преданіе, доселѣ живое, представляетъ оное жилищемъ какого-то князя Кудеяра. Кудеяръ или Кудояръ—имя Татарское, и у насъ въ дѣлахъ Крымскихъ довольно извѣстенъ мурза и князь Кудеяръ (2). Съ другой стороны и названіе Сингилей также звучитъ по-татарски. И объ этомъ городищѣ, въ какомъ оно теперь положеніи, мы имѣемъ лишь скудныя свѣдѣнія. Г. Масленицкій, въ 1783 г. составившій Топографическое описаніе Сибирской губерніи (3), въ статьѣ о городѣ Сингилей (№ 21), гдѣ прежде жили для наблюденія и охраненія края станичные казаки, говоритъ о нашемъ городищѣ: «знаки старинныхъ крѣпостныхъ строеній и деревянная дубовая башня видны еще и понынѣ въ 6 верстахъ отъ Сингиля на возвышенномъ мѣстѣ, окруженномъ стремниною, называемою Широкий оврагъ». О. протоіерей К. С. Базилевскій, общавшись впослѣдствіи лично осмотрѣть и описать это городище, на первый разъ писалъ мнѣ: «въ лѣсныхъ дачахъ верстахъ въ 8 отъ Сингиля есть мѣстность, именуемая Городки, гдѣ и самъ я бывалъ еще въ отроческомъ возрастѣ и смутно помню, что это мѣсто представляло какъ бы развалины древнихъ жилищъ и укрѣпленій, а въ народѣ есть легенда, что здѣсь жили давно Татары и существовалъ ихъ городъ. Рассказываютъ, будто на этомъ мѣстѣ есть подземные ходы, и въ нихъ когда-то видѣли бочки, висящія на цѣпяхъ. Князя этого города звали Кудеяромъ». Священникъ села Тушны Ив. Остроумовъ въ письмѣ стороною замѣтилъ объ этомъ городищѣ, что въ немъ кромѣ окоповъ хорошо и теперь замѣтны остатки каменныхъ строеній, въ самыхъ окопахъ выросъ большой величины лѣсъ,—и за тѣмъ о висящихъ съ деньгами бочкахъ, привлекающихъ кладоискателей, и о князѣ Кудеярѣ то же, что и выше. Городище со стороны Волги ограждено двумя валами и рвами (длиною каждый верстъ на 15-ть) между тѣми же рѣчками Сингилейкой и Тушонкой, у Сингиля впадающими въ Волгу. Валу эти теперь большею частію распаханы; по большой дорогѣ изъ Сингиля въ

(1) Въ архивѣ Сибирской Гражданской палаты Грамоты Сибирскія № 721 и отводныя книги № 1082 и № 355 стр. 76. Актъ отпечатанъ, но съ ошибками, въ Матеріалахъ для исторіи и статистики Сибирской губерніи, изд. Сиб. Статистическимъ Комитетомъ, Вып. 2, Сибирскъ 1866, стр. 24.

(2) Карамз. Ист. Гос. Рос. VII, 18, 19, прим. 105. 141. 143. 178.

(3) Отпечатано въ Сибирскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г. № 5 и слѣд.

Симбирскъ ихъ нужно переѣзжать. По замѣчанію полк. Липинскаго (въ Описаніи Симбирской губ. 2, 736) вообще по берегу Волги между Симбирскомъ и Сингилеемъ и внутри страны въ дачахъ села Шиловки, при послѣднемъ измѣреніи лѣсовъ удѣльныхъ имѣній, найдено нѣсколько городковъ.

Въ этихъ же мѣстахъ, въ горахъ, изъ коихъ беретъ свое начало рѣчка Тушонка, между нынѣшнихъ селъ Солдатской и Ясашной Тапшы (см. карту городищъ) Та-тищевъ ⁽¹⁾ по дошедшему до него извѣстію указываетъ развалины, какъ онъ полагаетъ, города Тапшы, о которомъ будто бы упоминають лѣтописи. Но мы не имѣемъ свѣдѣній, есть ли тутъ какія развалины.

На югъ отъ Сингилея къ селенію Елауръ (см. карту городищъ), по письму того же о. прот. Базилевскаго, находятся три кургана: первый на 6-й верстѣ въ лѣсу, близъ дороги въ 200 саженьхъ въ правой рукѣ съ дороги къ западу, второй на 8-й верстѣ, близъ дороги, третій на 16-й верстѣ на правой рукѣ. Эти и нѣкоторые другіе смежные курганы подъ туземнымъ именемъ *маровъ* значатся въ Межевыхъ книгахъ земель кн. Менщикова 1710 г. ⁽²⁾ л. 175, далѣе на л. 185 объяснено, что Чуваши и Татары маромъ называютъ большіе бугры, и именно одинъ изъ нихъ былъ длиною 27 сажень, а шириною 8 саж., на л. 118 маръ между селомъ Бехтяшккой и (Татарской) деревней Тукшумомъ названъ курганомъ. Въ прошедшемъ 1870 году на этихъ мѣстахъ, въ 14 верстахъ отъ Сингилея, близъ деревни Елауръ пахавшимъ землю крестьяниномъ найденъ стальной кругъ, съ одной стороны гладкій и хорошо отполированный, а съ другой имѣющій изображенія рыбъ и какихъ-то химерическихъ животныхъ. Часть этого круга, изломаннаго и обезображеннаго еще на мѣстѣ, препровождена о. прот. К. С. Базилевскимъ въ Московское Археологическое Общество, — и по ней кругъ, очевидно, составлялъ употребляемое на Востокѣ и у здѣшнихъ Болгаровъ и Казанскихъ Татаръ зеркало и въ діаметрѣ имѣлъ вершка 2½, или меньше. Въ нашемъ собственнo владѣніи есть зеркало изъ такого точно стального кружка (только поменьше) съ одной стороны гладкаго, а съ другой съ изображеніями рыбъ. Найдено на противоположной сторонѣ за Волгою близъ Черемшана, гдѣ процвѣтало какъ Булгарское, такъ и Казанское царство.

14—15 Городища на рр. Бушуйкѣ и Черемшанѣ,

съ нѣкоторыми другими.

Прямо противъ города Сингилея на другой, лѣвой сторонѣ Волги лежитъ пригородъ Бѣлый Яръ (Самарской губ., Ставропольскаго уѣзда); внизъ по Волгѣ въ семи отъ него верстахъ впадаетъ въ эту рѣку небольшая рѣчка Бушуйка, а за нею (въ десяти верстахъ отъ Бѣлаго Яра) рѣка большой Черемшанъ. По теченію той и другой рѣки были Татарскія городища.

(1) История Россійская, Москва 1768, кн. 1 стр. 351 и кн. 3 стр. 515 прим. 606.

(2) Хранятся въ Московскомъ Вѣчинномъ архивѣ подъ № 405 и въ архивѣ Симбирской Гражданской палаты подъ № 6. Въ слѣдующей и дальнѣйшихъ выпискахъ мы будемъ цитовать по первому списку.

Въ помянутыхъ Межевыхъ книгахъ Ив. Лосева вотчинамъ бывшаго князя Меншикова въ Казанскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ 1710 г. ⁽¹⁾ л. 194 пишется: (межа начинается) «отъ рѣки Волги отъ устья рѣчки Бушуйки вверхъ по ней 900 сажень, отъ рѣчки вправо подлѣ угору, по заливъ вѣшней воды, до граннаго дуба 300 саж., (рѣчка Бушуйка отъ него въ правой сторонѣ, а озеро Чертаны впереди въ лѣвой сторонѣ въ 39 саж.), отъ того дуба подлѣ тогожъ угору до другаго дуба (что на угоркѣ противъ озера съ лѣвой стороны въ 22 саж.) 674 саж., отсюда прямо по томужъ угору и увалу до осокори (что отъ Камышева озера въ 10 саж.) 324 саж., отъ осокори по томужъ увалу прямо подлѣ Камышова озера до осокорижъ 195 саж., отсѣлѣ прямо по томужъ увалу 217 саж. поставленъ столбъ съ гранью, а отъ того столба прямо по томужъ увалу до Татарскаго городища (что отъ межника въ лѣвой сторонѣ въ 18 саженьхъ) 265 сажень, да по томужъ увалу прямо мимо того Татарскаго городища до граннаго дуба и ямъ межеванья стольника Петра Бестужева-Рюмина, который написанъ у друнова Татарскаго городища у валу во рву, 258 саж., на валу отъ дуба немного влѣво старая яма подновлена, а то городище на берегу рѣки старой Бушуйки въ лѣвой сторонѣ, а отъ того дуба и ямъ черезъ валы того городища подлѣ рѣчки Бушуйки до Бѣлоярской дороги въ степь 130 сажень»... Мы съ намѣреніемъ буквально выписали все это мѣсто, дабы дать возможность найти по признакамъ эти два (или одно и тоже) Татарскія городища, потому что сами, при всѣхъ стараніяхъ, добиться таковыхъ свѣдѣній не могли, и только приблизительно поставили это городище на нашей картѣ городищъ. Далѣе въ тѣхъ же переписныхъ книгахъ л. 215 и слѣд. пишется, что въ 1706 году по указу Великаго Государя изъ Казанской Губернской канцеляріи въ Черемшанской волости (т. е. на рѣкѣ большомъ Черемшанѣ) поселены села Никольское Черемшанъ тожъ на р. Черемшанѣ, Богородское Грязнуха тожъ, на рѣкѣ Грязнухѣ, *Архангельское Городище тожъ* на рѣкѣ Черемшанѣ и рѣкѣ Городищѣ и еще нѣкоторыя другія. Изъ нихъ село Архангельское (верстахъ въ 25 отъ Бѣлояра на СВ. за р. Черемшаномъ, Самар. губ. Ставроп. уѣзда; см. на картѣ городищъ) названо Городищемъ по остаткамъ бывшаго здѣсь, конечно, Татарскаго городища. «Въ семи верстахъ отъ деревни Бирля, говорить объ этомъ мѣстѣ Лепехинъ ⁽²⁾, находится село Городище, котораго наименованіе происходитъ отъ остатковъ землянымъ валомъ обведеннаго не большаго пространства, на подобіе крѣпостцы; а кѣмъ и для какой причины сдѣлано сіе укрѣпленіе, спровѣдать не могли». Тоже пишетъ и Палласъ ⁽³⁾: «на южной сторонѣ (отъ села Никольскаго на Черемшанѣ), находится деревня Городище называемая, при которой видны еще нарочито высокіе остатки крѣпкаго и какъ то сказываютъ Татарскаго шанца на самомъ берегу Черемшана находившагося; и такъ думать должно, что она деревня по немъ проименована».

Въ 1652 г. сдѣлана такъ называемая Закамская черта или оборонительная линія съ городами, острогами и всякими засѣчными, земляными и деревянными крѣпостями отъ рѣки Волги до р. Ика и до Камы, въ которую впадаетъ Икъ. По этой чертѣ, опредѣляющей самое ея направленіе (см. карту городищъ), построены были

(1) Въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405 и въ архивѣ Симб. Гражд. палаты № 6.

(2) Дневныя Записки, Спб. 1771, стр. 241.

(3) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Росс. имперіи, Спб. 1773, ч. I. стр. 179.

тогда при Волгѣ городъ (нынѣ пригородъ) вышепомянутый Бѣлой Ярѣ, Ярыклинской и потомъ Тиинской остроги (нынѣ оба пригорода Самарской губ.), Новошешминской и Кечевской остроги и городъ Заинскъ (всѣ три Казанской губ.), наконецъ Мензелинскій острогъ на р. Икѣ (нынѣ городъ Уфимской губ.) (1). Черта эта съ ея укрѣпленіями къ нашему дѣлу не относится. Но для насъ важно слѣдующее мѣсто изъ строильныхъ книгъ ея: «а отъ тое валежные засѣки (по прямому направленію изъ Тиинскаго острога къ Новошешминскому въ 43 верстахъ отъ малаго Черемшана и верстахъ въ 20 отъ пригорода Билярска къ ЮВ.) дѣланъ валъ на верстѣ и 848 саженьхъ, въ вышину и съ обамы двѣ сажени, поперегъ тожъ, и въ томъ числѣ на 500 саженьхъ рублены тарасы въ вышину и съ обамы по полуторѣ сажени, для того, что дѣланы по старому Татарскому валу. Въ этомъ мѣстѣ на рѣчкѣ Шербень стоитъ деревня Шербень (2). Г. Артемьевъ дѣйствительно указываетъ здѣсь доселѣ видное древнее городище (3). Около этихъ же мѣстъ въ вершинахъ рѣчки Мурасы въ Актахъ у Мельникова указывается старое (Татарское) городище (4).

16—20. Городища на Самарской Луцѣ близъ селеній Усоля, Валовъ и Шелехмети, между Переволокой и Печерскимъ и Костычевское.

Самарская Лука въ юговосточной оконечности Симб. губерніи, состоящая изъ кряжа горъ, омываемыхъ Волгою, есть замѣчательнѣйшая мѣстность въ Россійскомъ государствѣ. (См. карту городищъ). Доселѣ Волга стремительно текла съ сѣвера на югъ, но здѣсь встрѣтила она выступившій поперегъ ей громаднѣйшій оплотъ горъ, должна была уступить исполину, обогнула его на востокъ, давъ крюку верстѣ на 200 (тогда какъ по прямому направленію чрезъ эти горы въ иныхъ мѣстахъ считается отъ 25 до 30 верстѣ), и за тѣмъ потекла опять прямо на югъ до Каспійскаго моря. По этой самой излучинѣ Волги, въ вершинѣ коей стоитъ городъ Самара, вся мѣстность называется Самарскою Лукою. Мѣстность эта сколько поражаетъ своею возвышенностію, столько же дикостію и живописностію своихъ видовъ, и напоминаетъ собою и нашъ Крымъ и Кавказъ и Швейцарію Запада (5). Весьма она замѣчательна и въ геологическомъ отношеніи, и потому издавна привлекала къ себѣ ученыхъ и естествоиспытателей какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ. Горы съ сѣверной и восточной стороны почти обрывомъ или стѣною, поросшею однако лѣсомъ или кустарникомъ, упираются въ Волгу, и голые верхи ихъ, конусообразные, часто увѣнчанные дикими скалами, возвышаются надъ уровнемъ Волги—Усольская Вышка до 100 сажень, Дѣвичій Курганъ и Два Брата до 110 сажень, Лысая Гора до 120 сажень. Южная сторона вообще имѣетъ отлогости къ Волгѣ, исключая Печерскихъ и Костычевскихъ горъ, однако не столь высокихъ и крутыхъ, какъ сѣверныя. Центръ или

(1) См. строильныя книги этой черты въ Моск. Вѣдѣніи архивѣ подъ № 410 въ писцовыхъ книгахъ Сем. Волынскаго л. 521 об. и слѣд.

(2) См. ее на Подробной картѣ Росс. имперіи, изд. при Импер. депо, и на нашей картѣ городищъ.

(3) См. въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ 1851 г., Январь, кн. I. стр. 57. статью его: Древній Болгарскій городъ Жукотинъ.

(4) Мельникова Акты ист. и юрид. по Казанской губ., стр. 97.

(5) Спутники Олеарія въ стихахъ изливали къ ней восторженныя свои чувства.

площадь горъ отличается холмами и многими глубокими оврагами, ложинами и буераками, идущими въ Волгу; сѣверная половина ея покрыта лѣсами ⁽¹⁾. Таковая мѣстность представляла много удобствъ для безопасности, огражденія и укрѣпленія жилищъ, а съ другой стороны привлекала всякую вольницу, бѣглыхъ и голытьбу, которые и безопасно могли здѣсь укрываться; и въ тоже время наблюдать и грабить идущія по Волгѣ суда.

Сколько намъ извѣстно изъ указаній въ актахъ, преданія и памятниковъ, первоначально здѣсь жили и имѣли укрѣпленія или городки Татары Ногайскіе или вѣрнѣе Казанскаго царства. Памятниковъ Татарскаго владычества довольно встрѣчается на Самарской Луцѣ, и оное показываютъ также доселѣ сохранившіеся названія урочищъ Ногайскаго Брода на рѣкѣ Усѣ выше селенія Шитонъ, и Ногайскаго Ключа въ дачахъ села Куськина, и впадающая въ Усу рѣка Иштерекъ (такъ по древнимъ актамъ, Русскими впоследствии передѣланная въ Тишерекъ)—отъ Татарскаго собственнаго имени. Урочища сіи пишутся на означенныхъ мѣстахъ и въ межевыхъ книгахъ земель кн. Меншикова ⁽²⁾. Во владѣной выписи, данной 1690 г. Мордвѣ деревни Бахиловки на бортные ухажья противъ деревни Марквашъ, значилась жалованная ей на нихъ грамота Казанскаго хана Сафая 6858 (1350) года и царя Бориса Годунова 7108 (1600) г. ⁽³⁾. Хотя въ показаніи года или имени хана могла быть ошибка, однако эта грамота въ всякомъ случаѣ показываетъ бывшую зависимость Самарской Луки отъ Казанскихъ владѣтелей ⁽⁴⁾. Соображенія по лѣтописямъ, что Казанское царство простиралось до Самары, см. въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества кн. VI Спб. 1852 г.: Географическія свѣдѣнія на Руси въ IX—XII столѣтіяхъ стр. 231—232. Русскіе появились и укрѣпились здѣсь, по всей вѣроятности, во второй половинѣ XVI в., когда покорено было царство Астраханское,—и первое Русское поселеніе, заведенное здѣсь для соленыхъ промысловъ именитыми людьми Строгановыми, было нынѣшнее Усолъе—въ началѣ Самарской Луки (см. на картѣ городищъ Надѣино Усолъе). Это былъ укрѣпленный городокъ сперва внизу при Волгѣ, а потомъ перенесенный на нынѣшнее мѣсто на горѣ. Олеарій говоритъ о немъ ⁽⁵⁾: «25 августа прибыли мы къ одной соленой горѣ (Salzberge), гдѣ находятся хижины Русскихъ, въ которыхъ они варятъ соль, добываемую ими изъ лежащихъ вокругъ соляныхъ копей. Соль эту, обращенную дѣйствіемъ солнечной теплоты въ куски и высушиваемую, Русскіе отправляютъ по Волгѣ вверхъ и въ Москву въ громадномъ количествѣ ⁽⁶⁾». Съ покореніемъ Казани и Астрахани и водвореніемъ Русскихъ на Самар. Луцѣ, жив-

(1) См. Липинскаго Описаніе Симбирской губерніи ч. I, стр. 68—74.

(2) См. въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405 л. 9 и слѣд. Самыя селенія и рѣку см. на картѣ городищъ.

(3) См. вышепом. межевыя книги Ив. Лосева 1710 г. землямъ князя Меншикова въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405 л. 339 и слѣд.

(4) Если не въ подтвержденіе грамоты, то хотя въ поясненіе замѣтить, что по Казанской исторіи начало Казани относится еще къ XIII в., какъ представляетъ и Житіе Теодора Ярослав., а лѣтописи упоминаютъ о ней съ 1376 г. (Карамз. Истор. Госуд. Росс. изд. Эйнерлинга т. IV, 70. V, 25).

(5) Въ Рус. переводѣ Барсова, стр. 426.

(6) Въ извѣстіяхъ объ этомъ Усолѣ и нѣкоторыхъ другихъ мы слѣдуемъ рукописной и отчасти изданной въ Симб. Губ. Вѣдомостяхъ 1856 № 1—5 Исторіи Усолъя, тщательно составленной по документамъ, преданіямъ и памятникамъ мѣстнымъ о протоіереевѣ Сергіемъ Мих. Преображенскимъ. Означенное Усолъе производитъ онъ отъ именитыхъ людей Строгановыхъ, кромѣ преданія, на основаніи словъ Строгановской лѣтописи, приведенныхъ у Карамзина Ист. Гос. Рос. т. IX, прим. 704 «государь за ихъ (Строгановыхъ) службу и радѣнье пожаловалъ города Солюю Большою, иже есть на Волгѣ, и Солюю Малою».

пие грабешемъ и набѣгами Татары должны были оставить ее и перейти въ степи за Волгу и другія мѣста, такъ что нынѣ здѣсь не осталось ни одного Татарскаго селенія. Съ того же XVI в. это мѣсто является притономъ всякой вольности и разбойниковъ. Здѣсь, по преданію, имѣлъ свое пребываніе славный разбойничій атаманъ, впоследствии покоритель Сибири Ермакъ Тимофеевичъ съ своею шайкою, — и это подтверждается названнымъ по имени его селеніемъ въ южной части Луи Ермачихой ⁽¹⁾. Олеарій пишетъ о разбойничавшихъ въ то время на Самарской Лукѣ казакахъ ⁽²⁾, а преданіе указываетъ и на известнаго въ XVII в. казацкаго атамана Стеньку Разина. Но этимъ разбойничимъ шайкамъ, ни Правительству въ огражденіе отъ нихъ, конечно, нельзя приписать тѣхъ значительныхъ укрѣпленій, валовъ и городковъ, какія встрѣчаются на Самарской Лукѣ, а нужно относить ихъ къ осѣдло жившимъ здѣсь прежде Татарамъ ⁽³⁾.

Усольскій о. прот. Преображенскій, по просьбѣ нашей, сообщилъ намъ краткую, но вѣрную Записку объ остаткахъ городищъ въ Самарской Лукѣ, о чемъ мы имѣемъ еще нѣкоторые другія извѣстія.

1. Въ Усольскихъ дачахъ, пишетъ о. протоіерей, есть много кургановъ или на ровныхъ мѣстахъ насыпей круглыхъ и возвышенныхъ, доселѣ не уничтоженныхъ землепашествомъ. Одну такую насыпь, по приказанію управляющаго, недавно разрыли и вынули изъ нея множество камня дикаго, неотесаннаго, какой и теперь есть при подошвѣ Усольскихъ горъ. Внутри этихъ камней найденъ черепъ человѣческой головы и нѣкоторыя кости большаго размѣра, крупнаго возраста, нѣкоторыя металлическія вещи на подобіе браслетъ на рукахъ, по видимому мѣдныя. Болѣе не найдено ничего. Значитъ, всѣ эти курганы не что иное, какъ могилы знаменитыхъ людей своего времени и мѣстности, согласно съ общимъ мнѣніемъ и преданіемъ. Величина кургановъ въ окружности сажень 8—10, а въ вышину не болѣе или даже менѣе одной сажени, въ настоящемъ видѣ. Мы съ своей стороны къ этому прибавимъ свое мнѣніе о значительной древности сихъ кургановъ, и желаніе, чтобы и прочіе нетронутые курганы были раскрыты и описаны — по правиламъ науки.

2. Между селами Жегулихой и Валами, ближе къ послѣднему, влѣво отъ большой Самарской дороги (верстахъ въ 18 отъ Усоля, см. карту городищъ) есть валы, ряда въ два. Они начинаются изъ оврага Яблоннаго возлѣ самыхъ Жегулевскихъ горъ и, продол-

(1) По рукописной исторіи Усоля о. прот. Преображенскаго. Въ этой исторіи указывается еще на другую осѣдственную деревню Кольцовку, такъ названную якобы по имени Ермакова есаула Ивана Кольцо. Но это несправедливо: такъ названа она по помѣщику своему Кольцову. Въ переписныхъ книгахъ земельн. кн. Менцикова 1710 года № Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405) л. 364 пишется: крестьяне Александра Никитича Кольцова деревни Кольцовой (на Самарской Лукѣ, той самой, что нынѣ Кольцовка) сказали....

(2) Въ Русскомъ переводѣ Барсова, стр. 427 слѣд. 431.

(3) Въ этомъ отношеніи полковникъ Липинскій, въ Описаніи Симбирской губерніи ч. 1 стр. 19, не зная актовъ, совершенно несправедливо писалъ, будто Пальчиковъ и Соковнинъ при Михаилѣ Феодоровичѣ построили городки на Самарской Лукѣ по случаю сильныхъ грабежей — для преслѣдованія разбойниковъ и охраненія отъ нихъ тамошняго края. Дѣло было совсѣмъ иное. Въ 1614 г. по случаю возмущенія Заруцкаго, заключившагося въ Астрахани, для наблюденія по Волгѣ за соумышленниками его и защиты отъ нихъ означеннымъ Пальчикову и Соковнину велѣно было построить (временные) городки на устьѣ р. Усы и у Переволоки (См. Акты Историческіе т. 3 № 252. 259). И первый хотя дѣйствительно построилъ здѣсь городокъ (тамъ же № 261), но отъ него теперь никакихъ слѣдовъ не осталось, а о второмъ сомнительно, чтобы онъ сдѣлалъ что нибудь: ниже показанные близъ Переволоки и Шелехмети городки — не его строеніе, развѣ воспользовался онъ здѣсь готовыми укрѣпленіями (См. ниже о Костычевскомъ городищѣ).

жаясь кругобразно версты болѣе трехъ, оканчиваются въ томъ же оврагѣ. Площадь внутри этихъ валовъ по склону къ оврагу представляетъ удобное мѣсто для обширнаго поселенія или городка. Внѣшніе рвы у этихъ валовъ широки и глубины болѣе сажени, высота же валовъ почти уничтожена землепашествомъ. Преданіе говоритъ, что здѣсь жила *Орда*. Въ параллель этому извѣстію о. протоіерея мы приведемъ описаніе сего же городища за столѣтъ ранѣе у акад. Лепехина ⁽¹⁾. «Село Валы наименованіе свое имѣетъ отъ древняго укрѣпленнаго мѣста. Оно находится верстахъ въ трехъ между онымъ селомъ и селомъ Жегулихою. Съ сѣверовосточной стороны противоположны ему Яблонныя Волжскія горы, съ которыми параллельно идетъ глубокій буеракъ. Отъ сѣверозападной стороны другой находится буеракъ, глубиною сажени въ три, а индѣи болѣе. Съ сѣверозападнымъ буеракомъ параллельно лежитъ третій буеракъ, въ разстояніи отъ него около 200 сажень. Оба сіи противолежащіе буераки пересѣкаютъ параллельный буеракъ съ Яблонными горами (т. е. упираются въ нихъ). Отъ концовъ противолежащихъ буераковъ начинаются три нарочито высокіе вала съ принадлежащими каналами (т. е. со рвами при нихъ), изъ которыхъ средній всѣхъ ниже, а задній или внутренній выше. Они ведены на подобіе полукружія такъ, что если избрать среднее мѣсто въ укрѣпленіи, то середина валовъ будетъ соответствовать южнозападной сторонѣ. Рытвины, съ которыми соединяются валы, продолжаются къ Яблоннымъ горамъ даже до Волги версты на 10, на которыхъ есть другое укрѣпленіе. Дуга валовъ въ своей окружности составитъ около четырехъ сотъ сажень. Самое пространство, валами и рытвинами окруженное, перерыто самородными прокопами, и тѣмъ мѣсто дѣлается болѣе укрѣпленнымъ. — Кѣмъ укрѣплено сіе мѣсто, заподлинно сказать не можно. Старожилы изъ преданія объявляютъ, что тутъ до взятія Казани обитали Татары, а по взятіи оныя мѣсто сіе оставили. Впрочемъ не видно тутъ никакихъ другихъ остатковъ древности, какъ-то: развалинъ, каменныхъ зданій и сему подобнаго, но единственно на пацнѣ, которою все сіе пространство занято, выпахиваютъ иногда черепицу и другіе глиняные обломки. Какъ по валамъ, такъ и въ окрестности оныхъ не къ малой пользѣ жителей довольно растетъ дикихъ яблоней, которыя, безъ сумнѣнія прежними сего мѣста насаждены были обитателями. Да и на Яблонныхъ горахъ по видимому въ старину были сады оныхъ; ибо и тамъ много яблоней находится, отъ чего и наименованіе дано горамъ» ⁽²⁾. Тоже о семъ городищѣ пишетъ и Палласъ ⁽³⁾: «деревня Валовка проименована по находящемуся за двѣ версты на дорогѣ къ Жигулихѣ позади Яблоннаго буерака обширному, и какъ то сказываютъ Татарскому шанцу, состоящему изъ трехъ валовъ со рвами, и имѣющему нѣсколько верстъ въ окружности. Въ семъ шанцѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ строенія; однако во время паханія попадаются иногда *Татарскіе кирпичи*, и то можетъ быть отъ находящихся въ землѣ могилъ».

(1) Дневныя Записки путешествія Лепехина, Спб. 1771, стр. 336. 337.

(2) Лѣтъ за полтораста до Лепехина также писалъ о Яблонномъ оврагѣ Олеарій (въ Рус. переводѣ Барсова стр. 427): въ концѣ горы (Дѣвичій Курганъ) поднимается новый горный хребетъ, который и тянется внизъ, выѣстъ съ рѣкою, на нѣсколько миль. Долина, лежащая между этими двумя горами, называется Яблонный квасъ (Iablonen kwas), потому что тамъ падаетъ множество дико растущихъ яблокъ, изъ которыхъ дѣлается извѣстный напитокъ—квасъ.

(3) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Рос. имперіи ч. 1 стр. 243.

3. По Запискѣ о. прот. Преображенскаго «за означеннымъ селомъ Валами (т. е. если ѣхать отъ Усоля) есть еще валы, идущіе поперегъ Самарской Луки съ сѣвера на югъ и поросшіе по мѣстамъ небольшимъ лѣсомъ. Съ сѣверной стороны они начинаются изъ того же оврага Яблоннаго, выходящаго въ Волгу среди Жигулевскихъ горъ пониже города Ставрополя и простираются на югъ въ другой оврагъ, впадающій также въ оврагъ Сухую Брусьяну, а имъ въ Волгу въ южной половинѣ Луки. Такимъ образомъ поперечникъ между обѣими Волгами (т. е. сѣверною и южною) составлялъ нѣкогда препятствіе въ сообщеніи—естественное означенными оврагами и искусственное—валами между тѣми оврагами. Валы эти вышиною сажени полторы со рвомъ, въ сажень глубины, а длиною болѣе настоящей версты».

4. На южной сторонѣ Сам. Луки ближе къ Сызрану при Волгѣ стоятъ два села Переволока и Печерское (см. карту городищъ). Первое (въ 40 верстахъ отъ Сызрана) такъ названо, говоря словами древняго акта (1), отъ того, что здѣсь «переволочатся съ Волги въ Усу рѣку» (раздѣляемую отъ нея перешейкомъ версты на три) и Усою внизъ плывутъ въ Волгу, а Печерское (въ 30 верстахъ отъ Сызрана) названо отъ многихъ пещеръ или печоръ, вымываемыхъ въ здѣшнихъ берегахъ Волгою. Между этими селами верстахъ въ четырехъ отъ Переволоки къ Печерскому, на лѣвой сторонѣ дороги также было нѣкогда укрѣпленное мѣсто. Съ восточной и западной стороны здѣсь идутъ параллельно одинъ другому два большихъ оврага, упирающіеся въ Волгу, съ южной стороны—берега этой рѣки очень круты и высоки. Это естественное укрѣпленіе съ сѣверной стороны довершено искусственнымъ проведеніемъ валовъ отъ одного изъ вышепомннутыхъ овраговъ до другаго. Посреди валовъ сдѣланъ въѣздъ въ городокъ или ворота, а противъ въѣзда на южной сторонѣ крутой спускъ на Волгу, на верху котораго и на углахъ съ этой стороны у обоихъ овраговъ были нѣкогда каменные кирпичныя укрѣпленія, можетъ быть, башни. Валы идутъ менѣе полверсты и съ одной стороны между ними и берегомъ Волги, а съ другой между означенными оврагами выходитъ квадратная площадь, простирающаяся отъ валовъ до берега сажень на 200 и болѣе. Такъ пишетъ о. прот. Преображенскій. По другому сообщенію отъ Сызранскаго о. протоіерея Арс. Петр. Успенскаго здѣсь—съ южной стороны отъ Волги отвѣсная гора и также (какъ на сѣверѣ) небольшой валъ, внутренность городка—съ четверть версты, а внутри его почти четверть же обнесена еще особымъ валомъ; валъ въ вышину аршина два, въ ширину аршина три. Въ настоящее время крестьяне пашутъ въ городкѣ и будто бы (съ сомнѣніемъ пишетъ самъ о. протоіерей) находили иногда оружіе и монеты; по его же словамъ въ самомъ селѣ Переволокѣ никакихъ признаковъ города нѣтъ. По третьему сообщенію отъ одного воспитанника Симбирской Семинаріи—съ сѣверной стороны канава или ровъ былъ вырытъ не по прямому направленію, а подъ различными углами зигзаговою линіею, которая концами своими примыкала къ отвѣснымъ берегамъ буераковъ, но нынѣ только по мѣстамъ сохранилась и то не во всей цѣлости, по преданію городокъ устроенъ и былъ занимаемъ Татарами, жившими въ давнее время; вещей никакихъ въ немъ не находятъ. Сверхъ сего, по этому же сообщенію, верстами двумя выше села Переволоки на перешейкѣ между Волгою и Усою, въ три версты по прямому направленію съ юга на сѣверъ, отъ Волги къ Усѣ также проведенъ былъ валъ со рвомъ, но остатки

(1) Акты Истор. т. № 259—наказъ 1614 г.

отъ нихъ сохранились только кое-гдѣ. Это извѣстіе, нигдѣ и ни отъ кого нами не встрѣчаемое, кажется основательнымъ: помянутый валъ былъ очень умѣстенъ для описываемаго городка, защищая и въ дальнѣйшей территоріи входъ въ него съ восточной стороны, съ сѣвера и юга обезопасенный Волгою и Усою.

За симъ вполне приведемъ гораздо полнѣйшее описаніе сего городища у Лепехина (1), подтверждающее и пополняющее современные извѣстія. «Между селомъ Переволокою и Печерскимъ, разстояніемъ отъ перваго верстахъ въ четырехъ, наѣхали мы еще на остатки древняго жилища. Оно отъ проѣзжей (въ Сызранѣ) дороги въ лѣвую сторону лежитъ сажень на сто. Съ восточной стороны, то есть отъ села Переволоки, обросло частикомъ и для (по причинѣ) чрезмѣрной рытвины, простирающейся до самой Волги, неприступно. Съ полудня защищается крутизною Волжскаго берега; съ западной стороны возпыхаетъ всякій доступъ подобная прежней рытвина. Концы сихъ рытвинъ на сѣверъ соединены двойнымъ изогнутымъ валомъ, по срединѣ которыхъ находится проѣздъ или остатки бывшихъ воротъ. Впрочемъ сіе укрѣпленіе гораздо меньше прежняго (вышеписаннаго подъ числомъ 2-мъ, описаннаго у Лепехина на стр. 336, 337). Въ немъ длиннику только 650, а поперечнику 360 шаговъ. Внутри не видно никакихъ остатковъ, кромѣ многихъ маровъ или холмиковъ, разрытыхъ отъ лакомыхъ кладонскателей. Между валами къ сѣверу обыскали мы глубокую яму, которая отверстіе завалено огромнымъ четвероугольнымъ камнемъ. Силъ нашихъ не достало, отворить себѣ входъ далѣе; но камень, будучи ударяемъ обухомъ, отдавалъ звукъ пустаго погреба». За тѣмъ г. Лепехинъ справедливо дѣлаетъ общее замѣчаніе о подобныхъ древнихъ укрѣпленіяхъ: «изъ описанія сихъ малыхъ остатковъ древности видно благоразуміе древнихъ Волжскихъ жителей, которые избирали для укрѣпленія, такія мѣста, чтобы они болѣе неприступны были своимъ положеніемъ, нежели укрѣпленіемъ искусства». Палласъ (стр. 245) только въ трехъ строкахъ упоминаетъ объ окопахъ между Переволокой и Печерской слободою.

Объ этомъ городищѣ, какъ о древнемъ Татарскомъ, есть свидѣтельства и въ древнихъ встрѣчавшихся намъ актахъ. Въ переписныхъ и межевыхъ книгахъ по Самарскому уѣзду 180 (1672) года (2) говорится: «и у Волги рѣки, у Переволоки, промежъ дву буераковъ бывало городище, а межъ городищевъ (раз. буераковъ?) сажень съ 60 отъ степной стороны были три рва, а отъ Волжской стороны на томъ городищѣ бывали большія каменья и заросли». Въ отказныхъ книгахъ на землю казакамъ новопостроеннаго города Сызрана Саввиѣ Богомолу съ товарищи 192 (1684) года (3) ободная межа сей земли означена такъ: отведено въ Сибирскомъ уѣздѣ изъ порожней земли въ урочищахъ отъ новопостроеннаго города Сызрана по Самарской дорогѣ отъ первой рѣчки до Печерскихъ горъ до осми избъ, и вверхъ по Волгѣ рѣкѣ до Татарскаго городища и до рѣки Усы, и вверхъ по Усѣ рѣкѣ и до рѣки Киширена и до первой рѣчки, что отъ новопостроеннаго города Сызрана. И далѣе: а межа той земли отъ Печерскіе горы и отъ буераку, что выше Татарскаго городища, черезъ Волгу рѣку на луговую сторону противъ нижней изголовки Васильчиковой волости.

(1) Дневныя Записки стр. 338.

(2) Хранятся въ Моск. архивѣ Министерства Юстиціи, отдѣл. I-е старыхъ дѣлъ, въ грамотахъ и дѣлахъ Коллегіи Экономіи по Самарскому уѣзду подъ № 12.

(3) Прописаны въ вышепомянутыхъ межевыхъ книгахъ землямъ князя Менщикова въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405 л. 39 и дал.

5. Въ помянутомъ третьемъ сообщеніи воспитанника Семинаріи (въ 1857 г.) представляется на видъ и описывается еще особенное городище на южной половинѣ Луки близъ Мордовской деревни Шелехмети—первой станціи отъ Самары въ Симбирскъ верстахъ въ 13-ти отъ Волжскаго берега (см. карту городищъ). «По сѣверовосточную сторону деревни Шелехмети тянется кряжъ горъ, составляющихъ продолженіе хребта Жегулевскаго. Ниже этой деревни (въ полторѣ верстѣ) кряжъ горъ прерывается глубокимъ и широкимъ оврагомъ, который идетъ съ сѣверовостока позади горъ, почти въ параллель съ ними, и потомъ поварачиваетъ на югъ прямо къ Волгѣ. Близъ него на горѣ, составляющей окончаніе помянутаго кряжа, видны слѣды древняго городища, построеннаго здѣсь, по всей вѣроятности, во время Татарскаго ига надъ Россією. Гора, на которой устроена была крѣпость, очень удобна для этого назначенія: съ трехъ сторонъ—сѣверной, южной и западной она неприступна по причинѣ крутизны своей, только съ восточной стороны можно восходить на нее, и то съ небольшимъ удобствомъ. Потому въ крѣпости, занимающей площадь горы и съ трехъ означенныхъ сторонъ по природѣ неприступной, сдѣлано искусственное укрѣпленіе только съ четвертой, восточной стороны. Сажень съ полтора отъ окончанія горы, на которой находилась крѣпость, весь кряжъ горъ прорытъ поперегъ глубокою канавою, идущею по прямому направленію съ юга на сѣверъ, а позади канавы внутри крѣпости насыпанъ былъ земляной валъ. Глубина помянутой канавы въ настоящее время не вездѣ одинакова: по мѣстамъ она завалена или гнилымъ лѣсомъ, или землею, снесенною дождевою водою съ вала; ширина ея по мѣстамъ простирается и до 3 сажень; высота вала тоже различна, а именно отъ 1½ до 4 сажень, толщина 3 — 5 сажень, длина на 80 сажень. Какъ канавы, такъ и самый валъ проросли не только травою, но и толстыми и очень высокими деревьями, свидѣтельствующими своимъ возрастомъ о древности вала и канавы. По срединѣ вала и канавы на самой высотѣ нагорной площади видны слѣды воротъ, которыя вели во внутренность крѣпости, именно пространство на 2 сажени не прорыто канавою и во внутренности крѣпости нѣтъ земляной насыпи, составляющей валъ. Одинъ изъ старожиловъ дер. Шелехмети рассказывалъ, что отецъ его, бывши еще въ малолѣтствѣ, видѣлъ столпы, стоявшіе по сторонамъ входа. Какіе это столпы—деревянные или каменные, неизвѣстно, и слѣдовъ отъ нихъ никакихъ не сохранилось. Правда, нынѣ при одной сторонѣ входа лежитъ огромный кругообразный камень, въ толщину четверть аршина; но онъ не показываетъ изъ себя остатка отъ столпа, а болѣе ничего нѣтъ. Кромѣ сего на глубинѣ канавы и во внутренности крѣпости лежитъ много огромныхъ камней, поросшихъ мхомъ; ни на одномъ изъ нихъ не замѣчено никакихъ слѣдовъ надписи, кромѣ грубой отдѣлки ихъ. Близъ вала во внутренности крѣпости находятся слѣды рововъ; два изъ нихъ по сторонамъ входа еще очень замѣтны, они овальны,—большій ихъ діаметръ три сажени. Осмотрѣть хорошо всю площадь, которую занимала крѣпость, различныя ея возвышенности и углубленія нѣтъ возможности по причинѣ густоты лѣса, покрывающаго въ настоящее время весь кряжъ горъ и мѣстность, окружающую ихъ; только южная скалистая сторона горы обнажена отъ лѣса. Самая площадь, которую занимала крѣпость, имѣетъ форму не совсѣмъ правильнаго овала, усѣченнаго съ восточной стороны прямою линією, по которой идетъ канавы. Гора эта жителями деревни Шелехмети на ихъ Мордовскомъ языкѣ называется ошъ-панда, что въ переводѣ на Русскій языкъ значить гора города или городская гора».

«Разсказываютъ жители деревни Шелехмети, что въ недавнее время по сѣверному и южному склонамъ горы и въ ложбинѣ оврага, прерывающаго весь хребетъ и идущаго въ параллель ему съ сѣверной стороны, находили различныя вещи изъ домашняго быта: горшки цѣльные и разбитые, котлы, ножи, цѣпи и др., нѣкоторыя изъ вещей, составляющихъ женскій уборъ Татарокъ, Чувашокъ и Мордовокъ—серги, браслеты, кольца и перстни и янтарныя бусы, также оружіе и части вещей, составляющихъ наѣздническіе доспѣхи—ружья, пистолеты, желѣзныя стрѣлы, кинжалы, стремена, арчаки въ мѣдной оправѣ; находили также и монеты мѣдныя и серебряныя; въ оврагѣ попадаются въ настоящее время остатки доменныхъ печей, кузнечныхъ горновъ съ множествомъ шлака, также черепки отъ горшковъ и кости человѣческія и конскія въ могилахъ. Черепки и другіе остатки домашнихъ вещей показываютъ, что вещи эти въ отдѣлкѣ были гораздо грубѣе нынѣшнихъ,—черепки эти толстые и шероховатые. Всѣ эти остатки обыкновенно попадались вмѣсто искомымъ сокровищъ кладокопателямъ. Въ одной изъ ямъ, вырытыхъ ими по склону горы и на верху ея, они вынули ружье большого калибра».

«Преданіе о строителяхъ крѣпости и прежнихъ ея обитателяхъ различно. Одни говорятъ, что крѣпость устроена Татарами въ давнія времена; другіе утверждаютъ, что Ермакъ стоялъ въ этой крѣпости и подтверждаютъ это въ 15 верстахъ отъ Шелехмети находящеюся деревнею Ермаковою и въ 10 отъ нея Кольцовою, такъ названными по имени Ермака и его товарища; иные устроеніе крѣпости усвояютъ Стенькѣ Разину—и въ доказательство представляютъ три яблони на южной сторонѣ горы, посаженныя въ рядъ будто бы руками самого Разина».—Доселѣ корреспондентъ.

Что касается до насъ: то по сообщеннымъ отъ него извѣстіямъ мы полагаемъ, что это городище было древнее, Татарское, но впоследствии занято было Русскими, казаками, охранявшими край или разбойничавшими, и состояло подъ какимъ нибудь заводомъ или кузницами. Потому вмѣстѣ съ огромными камнями и съ древними вещами Татарскаго употребленія здѣсь встрѣчаются и ружья и признаки доменныхъ печей и кузнечнаго производства.

6. Въ 24 верстахъ отъ Переволоки и 16 отъ уѣзднаго города Сызрана при подошвѣ Костычевскихъ горъ и при Пустыльскомъ буеракѣ находится село, съ древнимъ укрѣпленіемъ, Городище-Костычи (см. карту городищъ). По названію «Костычи» можно подумать, что это укрѣпленіе собственно Русское. На это скажемъ, что, тогда какъ укрѣпленіе было издревле, земля, занимаемая имъ, и вся окрестность до конца XVII вѣка состояла пустопорожною, и только теперь, въ концѣ XVII вѣка, появилось на ней Русское селеніе—Костычи. Въ 7200 (1692) году игуменіи Московскаго Вознесенскаго монастыря Варсонофіи Бутурлиной Симбирянами Вас. Аверкіевымъ и Дав. Ильинымъ было вымѣнено и потомъ отмежевано «изъ дикихъ полъ остаточной земли за дачами Сызранскихъ солдатъ отъ рѣки Волги и отъ Печерскихъ горъ, и за рѣкою Волгою, и по рѣкѣ Иштереку (нынѣ Тишереку) пашни и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодій по 50 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣнныхъ покосовъ по 500 копенъ» (1). На этой землѣ уже въ 1700 г. является населен-

(1) См. Симбирской Казенной палаты по 23 описи № 933 копіи съ крѣпостей и грамотъ Московскаго Вознесенскаго монастыря; находятся и въ мірской коробкѣ или въ архивѣ села Рачейки, Сызранскаго уѣзда, бывшей вотчины сего же монастыря.

ное монастырскими крестьянами село Вознесенское, Городищи тожъ ⁽¹⁾, въ 1710 и слѣд. годахъ 1721. 1724. 1729, называемое также Городецкою слободою или селомъ Городищемъ Костычи тожъ, или селомъ Вознесенскимъ Костычи тожъ ⁽²⁾. Костычами, какъ передаютъ старожилы, селеніе названо отъ того, что прежде жители долгое время промышляли распродажею костычей (крестьянскаго простаго платья — понитокъ).

Если эта монастырская вотчина въ вышепоказанныхъ актахъ съ самаго начала называется Городищемъ: то значить, она была построена на мѣстѣ бывшаго городища (новое монастырское построение нельзя было назвать городищемъ), — и изъ послѣдующаго мы видимъ, что это было городище Татарское.

Городище сіе описали видѣвшіе еще каменные развалины его академики Лепехинъ и Палласъ въ 1769 г. Первый говоритъ ⁽³⁾: «село Кастычи (sic) весьма пространно и живутъ въ немъ государственные крестьяна; а въ старину сіе мѣсто принадлежало Волжскимъ нагорнымъ Татарамъ. Татарскаго обиталища видны еще и по сіе время остатки, которые состоятъ изъ каменныхъ развалившихся стѣнъ. Числомъ ихъ три; а съ полуденную сторону защитою служить крутой Волжскій берегъ. Они складены были изъ известковаго камня, братаго съ Волги, что просѣдающія жилки горной смолы свидѣлствуютъ. Обширность сего мѣста средняя между укрѣпленіями при селахъ Валы и за селомъ Переволокой находящимися ⁽⁴⁾. Въ нутри также не видно никакихъ древнихъ развалинъ, но только нынѣ служитъ оградою сельскому погосту, и находящейся въ нутри деревянной церквѣ. Пожилой старикъ въ селѣ Кастычахъ намъ сказывалъ, что отцы ихъ, поселившіеся на семъ мѣстѣ за 120 лѣтъ, (слѣдов. въ 1650 г., но это въ отношеніи къ самому мѣсту Костычамъ слишкомъ преувеличено), нашли сей городокъ уже обвалившійся, и для защиты отъ набѣговъ дикихъ народовъ, кочующихъ по луговому берегу рѣки Волги, построена была на сихъ развалинахъ деревянная крѣпостца; однако оныя нынѣ никакихъ не видно признаковъ ⁽⁵⁾. Палласъ пишетъ о селѣ и городищѣ Костычахъ ⁽⁶⁾: «за двѣ версты отъ большой слободы Костычей предъ вѣздомъ на гору, на которой стоитъ она слобода, вѣзять по мосту чрезъ глубокой между горами издалека простирающейся буеракъ. Онъ называется Пустыльскій оврагъ, а небольшой лѣсъ, въ которомъ онъ начинается, — Пустыльскій лѣсъ. Сіа слобода, прежде сего къ монастырскимъ деревнямъ принадлежавшая, состоитъ изъ 300 домовъ, построенныхъ улицею, которая въ длину почти до трехъ верстъ простирается. Два глубокіе буерака раздѣлили сію слободу на три неравныя части. Верхній или при восточномъ концѣ деревни находящійся называется банный взвозъ, а другой почти въ срединѣ слободы проходящій именуется монастырской. При семъ буеракѣ посреди слободы на высокой части берега остатки старой

(1) Въ архивѣ Симбирской Гражданской палаты Симбирскія отказныя книги № 1272 стр. 19.

(2) Симб. Казенной палаты по 7 описи № 74 дѣло 1710 г. л. 36 и слѣд., по 7 описи № 154 дѣло 1721 г. л. 5 и слѣд. переписныя книги землямъ князя Меншикова 1710 г. въ Моск. Вотчинномъ архивѣ № 405 л. 362. 364, Симбирской Гражд. палаты перечневая книга крѣпостныхъ записей за 1724 годъ № 48 л. 51, крѣпостная книга 1729 г. № 76 л. 262.

(3) Дневныя Записки. стр. 340.

(4) Выше Лепехинъ окружность перваго городища опредѣлилъ въ 400 сажень, а во второмъ показалъ длину 650, поперечнику 360 шаговъ.

(5) Не эту ли деревянную крѣпостцу въ 1614 г. построилъ вышепомянутый Соковнинъ?

(6) Путешествіе по разнымъ провинціямъ Рос. государства 1, 247.

крѣпости, состоявшей изъ толстой каменной стѣны, основаніе которой еще и нынѣ видно. Она построена была полукружіемъ до 500 шаговъ и простиралась отъ заключающагося между помянутымъ буеракомъ и Волгою угла до крутаго ея берега. Внутри сей разореной крѣпости находится нынѣ нѣсколько крестьянскихъ (д. б. церковнаго причта) хижинъ и слободская деревянная церковь.

Въ 1857 г. вышепомянутый воспитанникъ Симбирской Семинаріи (пожелавшій скрыть свое имя) писалъ о Костычевскомъ городищѣ: среди села Старыхъ Костычей на площади, гдѣ нынѣ стоитъ церковь, видны слѣды бывшаго здѣсь нѣкогда укрѣпленія. Въ старину оно окружено было канавою, за которою во внутрь крѣпости шла каменная стѣна; нынѣ замѣтна только небольшая возвышенность или фундаментъ каменной стѣны, устланный кое-гдѣ твердымъ плитнякомъ. Лѣтъ 70 или 80 назадъ стѣна, говорятъ, имѣла еще по мѣстамъ высоты 3 четверти аршина, но изъ нея жители села Костычей на свои постройки постоянно выбирали твердый и крупный плитнякъ и такимъ образомъ довели ее до настоящаго едва замѣтнаго состоянія. Укрѣпленіе это сдѣлано было съ востока и сѣвера въ видѣ правильнаго полукруга, который однимъ концомъ (восточнымъ) примыкалъ къ глубокому, имѣющему отвѣсныя стороны, оврагу, а на западѣ къ другому его концу шла отъ берега рѣки Волги по прямой линіи каменная же стѣна; южную сторону крѣпости составлялъ берегъ Волги, который въ этомъ мѣстѣ имѣетъ семь саженъ отвѣсной высоты ⁽¹⁾. На площади, которую занимала крѣпость, нынѣ кромѣ церкви построены удѣльные приказъ и училище и дома священноцерковнослужительскіе, она занимала пространство около 6000 квадратныхъ саженъ. Преданіе объ этомъ укрѣпленіи говоритъ, что оно было устроено Татарами во дни ихъ владычества на Волгѣ. Въ двухъ верстахъ отъ Костычей на одномъ курганѣ было Татарское кладбище, на которомъ и нынѣ находятъ остовы человѣческіе, похороненные въ сидячемъ положеніи, и мелкую серебряную Ордынскую монету. Лѣтъ семь назадъ одинъ крестьянинъ села Костычей въ окрестностяхъ его нашелъ кольчугу, а въ настоящемъ году въ колѣхъ (рощицѣ, въ лѣску—мѣстное слово), недалеко отстоящемъ отъ села Костычей, найденъ въ землѣ жерновой камень.

Наконецъ въ прошломъ 1869 г. мѣстный священникъ села Костычей Арс. Забѣлинъ объ этомъ городищѣ сообщилъ: въ этомъ селѣ до населенія Русскими жили Татары, у которыхъ здѣсь былъ небольшой городокъ, обнесенный каменною стѣною съ глубокимъ рвомъ съ наружной стороны. Признаки этой стѣны сохранились до нынѣ,—доселѣ уцѣлѣли остатки каменнаго фундамента стѣны, судя по которымъ стѣна начиналась отъ берега Волги саженяхъ въ 30 отъ церкви (нынѣшней) и, полукругомъ обходя церковную площадь, другимъ концомъ опиралась въ берегъ рѣки за домами священноцерковниковъ. И если посему эта крѣпость надежна была съ сѣверной стороны: то съ южной при обрывистомъ берегѣ Волги была неприступна. Когда и чья рука разрушила стѣну—неизвѣстно, но ровъ сравненъ съ землей въ недавнее время, по распоряженію удѣльнаго начальства.—Татары имѣли свое кладбище на бугрѣ, называемомъ Пустыльнымъ бугромъ, что около Пустыльнаго оврага (слич. вышеприведенныя о немъ слова Палласа). На бугрѣ этомъ нерѣдко находили крестьяне черепа и другія человѣческія кости. Это мѣсто долгое время привлекало

(1) Тоже и Палласъ, стр. 248.

охотниковъ до кладовъ. Въ разное время пытались отыскивать здѣсь клады; нѣкоторые изъ нихъ, какъ говорятъ, дѣйствительно находили старинныя Татарскія серебряныя монеты, съ которыми, вѣроятно, Татары хоронили своихъ покойниковъ. Сказывали также, что назадъ тому не болѣе 15 лѣтъ прѣзжалъ сюда чиновникъ, назвавшійся чиновникомъ Департамента удѣловъ, и на этомъ бугрѣ, въ указанномъ имъ мѣстѣ, заставлялъ крестьянъ рыть землю. Бывшій участникомъ при рытьѣ рассказывалъ мнѣ, что на саженой глубинѣ найденъ ими человѣческій скелетъ женого пола въ сидячемъ положеніи. Этотъ скелетъ и былъ, какъ открылось послѣ, предметомъ исканій. Чиновникъ взялъ съ собою головной черепъ и украшенія, которыя были на скелетѣ. Сказываютъ, на шеѣ былъ крупный жемчугъ, на рукахъ блестящія наручни, но—какія, объяснить не могутъ. Говорятъ также, что вблизи Пустыльнаго оврага доселѣ сохранился когда-то и вѣкъ-то устроенный подземный ходъ на разстояніи двухъ верстъ, который, начинаясь отъ берега Волги, оканчивается въ Пустыльномъ оврагѣ подъ Чернымъ мостомъ. Многоразличные толки объ этомъ ходѣ приводятъ къ мысли, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ есть ходъ. Рассказываютъ, будто бы нѣкоторые изъ крестьянъ не такъ давно пытались тутъ совершить подземное путешествіе, но по удушливости воздуха отказались отъ своего предпріятія.

II. ГОРОДИЩА ПО РАМЪ И ВПАДАЮЩИМЪ ВЪ НЕЕ РѢКАМЪ.

21. Городище Чаллыное.

Въ дозорныхъ книгахъ Чаллынской пустоши, что близъ Чаллынскаго городища, 127 (1619) года ⁽¹⁾ пишется, что «по указу ѣздилъ изъ Казани Григ. Кузминскій по Зюрейской дорогѣ на пустошь, что бывало Чаллыное городище, близко деревни Чалловъ. Для того во 126 (1618) году били челомъ Государю Казанскіе служилые Татары Ишей Хозяшевъ и другіе, чтобы Государь въ ихъ помѣстьѣ пожаловалъ ихъ по Зюрейской дорогѣ, что было изстари городище Чаллыное на рѣчкѣ Чаллынской вверхъ Мамы рѣчки, по обѣ стороны, а та-де пустошь Татарская изстари отъ Казансково взятыя лежитъ впустѣ. А въ ясапныхъ хлѣбныхъ книгахъ написано: прошлаго 121 (1613) года дана грамота Зюрейской дороги деревни Чалловъ Чувашенину Сатышу, велѣно ему жить по Зюрейской дорогѣ на пустоши, что по конецъ деревни Чалловъ. И Григорій, прѣхавъ на пустошь, взялъ съ собою тутошнихъ и стороннихъ людей деревень Шихазды, Пимеръ, Мослякъ, Біюртъ (чит. Скіюртъ), верхнихъ Чалловъ новыхъ, и нижнихъ Чалловъ, и тѣми людьми дозналъ про тое пустошь, что бывало изстари Татарское городище и отъ Казансково взятыя лежитъ впустѣ. По смѣтѣ на томъ городищѣ пашни паханыя 20 чети, да перелогъ на 200 чети». Зюрейская дорога, такъ названная въ Казанскихъ писцовыхъ, переписныхъ и другихъ книгахъ по селу Зюрямъ, на востокъ отъ Казани (см. карту городищъ), шла въ эту восточную сторону, направляясь къ нынѣшнему городу Мамадышъ. Въ Ка-

(1) См. въ Московскомъ Вотчинномъ архивѣ переписныя и другія книги по Казани съ городами, переписаны въ 4 д. подъ № 410, на л. 1343.

занских писцовых книгах Сем. Волынского 156 (1648) года ⁽¹⁾ л. 153 об. вышепоказанная деревня и селцо Чаллы по Зюрейской дорогѣ описываются такъ: «деревня Чаллы на рѣкѣ Сулѣ за служилыми новокрещены Аѳанасіемъ Бурнаковымъ съ товарищи... Селцо Чаллы на рѣкѣ Сулѣ, по обѣ стороны, за Кадрейкомъ мурзою князь Камаевымъ сыномъ Смиленева». Затѣмъ пишется деревня новая Мамла—выставокъ (выселокъ) изъ ясашной старой деревни Мамлы на р. Мешлякѣ. Она указываетъ въ предъидущемъ актѣ на Маму рѣку. Выше, л. 123 об., по этой же Зюрейской дорогѣ и на той же рѣкѣ Сулѣ пишутся селцо Шигалѣво, и выставка изъ него—починокъ Шигалѣвской, село Большая Шихазда и выставка изъ него—Малая Шихазда, л. 134 селцо Карамышъ-Уланово; подлѣ нихъ, хотя уже не на Сулѣ, л. 122,—селцо Новопаревское, л. 123 селцо Шемелка, л. 133 село Петрицы. Всѣ эти селенія, начиная съ Шигалѣва, въ Подробной картѣ Россійской имперіи, изданной при Императорскомъ депо (1805 г.), дѣйствительно показаны на востокъ отъ Казани на одной безимянной рѣкѣ, впадающей въ Мешу, по Зюрейской дорогѣ въ 20 верстахъ отъ Казани. (См. ихъ на картѣ городищъ). Тамъ же находится и помянутая въ дозорныхъ книгахъ 127. г. дер. Пимеръ или Бимеръ. Село Большая Шихазда значится на р. Сулѣ и въ другихъ древнихъ актахъ—въ отводныхъ книгахъ 157 (1649) года ⁽²⁾. И такъ здѣсь, на вышеозначенной рѣкѣ, впадающей въ Мешу, надобно полагать Чаллыинское городище, о мѣстоположеніи и настоящемъ состояніи котораго, хотя мы и сносились, но не получили никакого свѣдѣнія. А на нынѣшней рѣкѣ Сулѣ, на сѣверной сторонѣ отъ Казани впадающей въ рѣку Казанку, какъ она показана въ нѣкоторыхъ картахъ, искать его не слѣдуетъ.

Когда по взятіи Казани луговая Черемиса и другіе инородцы взбунтовались противъ Русскаго владычества и война длилась не одинъ годъ: весною 1556 года посланный противъ нихъ бояринъ Морозовъ съ казаками, стрѣльцами и новокрещенными инородцами выступилъ къ «Чаллыинскому городку» и сжегъ его, повоевавши и побивши затѣмъ многихъ людей, которые встрѣтили его на Мешѣ ⁽³⁾. По всему видно, что этотъ Чаллыинскій городокъ былъ вышепоказанное нами Чаллыинское городище. Съ другой стороны можно допустить, что это было то самое мѣсто Чалли или Терберды-Чалли, довольно важное въ Булгаро-казанскомъ магометанствѣ, о которомъ пишетъ въ своей Исторіи этого царства Шерефъ-единъ (XVI в). Въ главѣ о знаменитыхъ шейхахъ—проповѣдникахъ магометанства въ Булгарѣ ⁽⁴⁾—онъ говоритъ: изъ Булгарскаго племени изъ аула Тербери-Чалли ⁽⁵⁾ (происходилъ) Идрисъ сынъ Зулъ Мугаммеда,—и сказавъ, какое важное занималъ онъ мѣсто и какія оказалъ услуги магометанской пропагандѣ, замѣчаетъ: онъ скончался (въ томъ же) Терберди-Чалли. Потомъ говоритъ о двухъ другихъ проповѣдникахъ магометанства: близъ Чалли (родился) въ аулѣ Казанскомъ Ахундъ Шемъ бенъ Иштерекъ, учился въ Багдадѣ

(1) Хранятся въ Моск. Вотчинномъ архивѣ подъ № 413.

(2) См. въ Москов. Вотчинномъ архивѣ собраніе таковыхъ книгъ подъ № 618 л. 348.

(3) Карамзина Исторія Гос. Рос., изд. Эйнерлинга, т. VIII прим. 396, слич. Соловьева Исторію Россіи т. VI Москва 1856, стр. 121.

(4) См. Березина Булгаръ на Волгѣ стр. 88. 89 и въ Запискахъ Импер. Археологическаго Общества т. XIII статью Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи, стр. 277. 278.

(5) Березинъ при этомъ замѣчаетъ, что въ одной изъ бывшихъ у него рукописей онъ называется то Тербери-Чалли, то Терберди-Чалли, а въ другой вездѣ называется просто Чалли.

и проч.—могила его находится въ Тербери-Чалли у казаковъ (¹). Близъ Чалли-Терберди въ аулѣ Бердибекъ хана находится могила намѣстника ходжи Хабибъ-Улы изъ Бухары.

22. Городище Ташъ-Кирменское.

Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Семена Волинскаго 156 (1648) года (²) л. 47 пишется: «въ ясашной деревнѣ Ташъ-Кирменѣ, на рѣкѣ Мешѣ, что у Татарскаго старого городища, за служивыми новокреплены за Елизаркомъ Ивановымъ сыномъ Пареенова и другими 77 десятинъ». Въ жалованной грамотѣ Казанскому Преображенскому монастырю на рыбныя ловли въ Чертыкѣ (большомъ рукавѣ Волги, ниже устья Камы) 1639 г. (³) въ межахъ сихъ ловель значатся сѣнные покосы деревни Епанчины, да деревни Ташъ-Кирменъ Татаръ. Деревня Епанчина стоитъ на большой луговой дорогѣ изъ Казани въ Симбирскъ, при впаденіи Мешы въ Каму и со-сѣдственна съ помянутымъ Чертыкомъ, слѣдовательно здѣсь надобно искать Ташъ-Кирменское городище. Въ вышепом. Подробной картѣ Россійской имперіи, сост. при Императорскомъ депѣ, дѣйствительно показана Татарская деревня Ташъ-Кирменъ по той же дорогѣ въ 6 верстахъ отъ Епанчина на рѣкѣ Мешѣ (Лаишевскаго уѣзда, см. на картѣ городищъ) и по рассказамъ бывшихъ на мѣстѣ намъ извѣстно, (а путемъ корреспонденціи свѣдѣній добиться мы не могли), что здѣсь доселѣ видны остатки городища.

Въ помянутое возмущеніе (вскорѣ по взятіи Казани) Черемись, Чувапъ, Вотяковъ и др. сіи инородцы—Арскіе Татары, побережные (д. б. прикамскіе) и луговые Черемисы въ 1553 году, какъ пишетъ лѣтописецъ, поставили себѣ городъ на Мешѣ въ 70 верстахъ отъ города Казани и землею стѣну насыпали, хотяще тутъ отсидѣться (т. е. сдѣлавъ насыпь, хотѣли въ ней выдерживать осаду). Отсюда они непрестанно беспокоили горную сторону набѣгами. Но вскорѣ эта Мешенская крѣпость была сожжена и разорена Русскими (⁴). Нѣтъ сомнѣнія, что эта крѣпость было вышеописанное Ташъ-Кирменское городище на рѣкѣ Мешѣ. Отъ Казани доселѣ считается именно 70 верстъ, и отселѣ мятежникамъ легко было волновать и беспокоить горную сторону или правый берегъ Камы и Волги.

23. Жукотинское городище.

Въ лѣтописяхъ нашихъ неоднократно упоминается Болгарскій городъ Жукотинъ. Первое о немъ извѣстіе встрѣчается въ Никоновой лѣтописи т. III, стр. 216 подъ 6868 (1360) годомъ, именно, что «сего лѣта изъ Великаго Новгорода разбойницы придоша въ Жукотинъ и множество Татаръ побиша и богатство ихъ взяша».

(1) Особый классъ народа или служилыхъ людей подъ именемъ казаковъ былъ и у Татаръ. Въ Исторіи Гос. Рос. Карамз. т. VIII прим. 396 говорится: перенимали многихъ Татаръ и побили ихъ князей, мурзъ, да сотныхъ князей, да лучшихъ казаковъ. Казакъ на Татарскомъ языкѣ значитъ холостякъ.

(2) Въ Московскомъ Вотчинномъ архивѣ подъ № 413.

(3) Въ Москв. архивѣ Министерства Юстиціи отд. I въ грамотахъ по Казани съ городами № 24.

(4) Царственная книга, Спб. 1769, стр. 335, слѣд. Карамз. Исторію Гос. Рос. VIII, стр. 124. 134.

Это впрочемъ, по сказанію той же лѣтописи, не прошло даромъ: во 1-хъ, въ отмщеніе отъ Татаръ пограблены были *христиане въ Буларъ на Волѣ*, во 2-хъ, Жукотинскіе князи жаловались на это разбойничество Ордынскому хану Хидырю, — и сей потребовалъ отъ Русскихъ князей выдачи разбойниковъ, которые и были выданы. — Когда въ 1391 г. отправленный Тохтамышемъ царевичъ Бектутъ разорилъ Вятку, перебилъ и плѣнилъ жителей ея: Новгородцы, соединясь съ Устюжанами и другими, всѣ вмѣстѣ въ слѣдующемъ 1392 г. поплыли на судахъ по рѣкѣ Вяткѣ и Камѣ въ Болгарію, «и взяша Жукотинъ и Казань и пакы (т. е. далѣе) поидоша на Волгу и пограбиша гостей всѣхъ и тако возвратишася во свояси со многою корыстію и богатствомъ» (тамъ же т. IV стр. 198. 199.). Подобнымъ образомъ въ 1399 г. Вел. Князь Василій Дмитріевичъ, услышавъ о взятіи Болгарами Нижняго Новгорода, отправилъ противъ нихъ брата своего Юрія Дмитріевича; но сей, не нашедши ихъ подъ Нижнимъ, двинулся далѣе въ Болгарскую землю «и взя городъ Болгары Великіе, и градъ Жукотинъ, и градъ Казань и градъ Керменчюкъ (чит. Кременчюкъ) и всю землю ихъ повоева и много Бесерменъ и Татаръ побиха» (Воскрес. лѣтоп. въ Пол. Собраніи Рус. лѣт. т. VII, ч. 2 стр. 72). Наконецъ подъ 1411 г. Никонова лѣтопись (т. V, стр. 36. 37) говоритъ о битвѣ близъ нынѣшняго села Лыскова князя Петра Дмитріевича Московскаго съ Нижегородскимъ Даниломъ Борисовичемъ и союзниками его Болгарскими князьями и Жукотинскимъ. Этотъ ли самый Жукотинскій князь названъ далѣе царевичемъ Талычею, съ которымъ Данилъ Борисовичъ ограбилъ городъ Владиміръ, неизвѣстно, а скорѣе — иной. За симъ въ лѣтописяхъ о Жукотинѣ вовсе не упоминается. Вѣроятно, въ 1431 г. онъ разоренъ вмѣстѣ съ прочими Болгарскими городами Федоромъ Давидовичемъ Пестрымъ. Въ Никон. лѣтописи объ этомъ походѣ говорится такъ: «тое же весны (6939 г.) Князь Великій Василій Васильевичъ посылалъ ратью на Болгары Воложскія (Волжскія) и Камскія князя Федора Давыдовича Пестраго; онъ же шедъ воева ихъ и всю землю ихъ плѣни».

По нѣкоторымъ изъ выписанныхъ мѣстъ можно заключать, что городъ Жукотинъ находился на Камѣ. Но несправедливо Карамзинъ (Ист. Гос. Рос., т. IV прим. 396) въ слѣдъ за Татищевымъ принимаетъ его на устьѣ Камы (1).

Древніе акты ясно указываютъ этотъ городъ на Камѣ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Въ Казанскихъ писцовыхъ книгахъ Сем. Волинскаго 156 (1648) года (2) л. 121 об. пишется по Нагайской дорогѣ село *Новое Никольское Жукотино тожъ* въ вотчинѣ за Саввою Тимоѣевымъ сыномъ Аристова, у рѣчки Жукоти. Въ выписи съ межевыхъ

(1) Татищевъ говоритъ: суть же и еще (Болгарскіе) города великіе видимы, яко на устьѣ Камы на луговой сторонѣ Жукотинъ, сказываютъ великіе развалины были, на нагорной сторонѣ ниже Камы верстѣ съ пять былъ городъ Ашла (или Ошелъ); въ Симбирскомъ уѣздѣ близъ села Ташла на горахъ сказываютъ не малое зданіе города Ташлы, о которомъ въ лѣтописи упоминается (Татищева Исторія Россійская, Москва 1769, кн. I ч. 2, стр. 351). Извѣстія эти, несостоятельныя съ одной стороны, съ другой замѣчательны. Когда Татищевъ при устьѣ Камы указываетъ развалины города: то дѣйствительно здѣсь надобно полагать хотя не Жукотинъ, но другой какой нибудь Болгарской городъ. Ашла или Ошелъ Татищевъ въ другомъ мѣстѣ (кн. 3, стр. 515, прим. 606) опредѣленіе полагаетъ ниже устья Камы на правой сторонѣ верстахъ въ семи, котораго остатки видны и имя въ памяти хранится. Здѣсь нынѣ село Кирельское при устьѣ Кирели (см. карту городищъ). Дѣйствительно, по сказанію лѣтописи, городъ Ашла долженъ быть на Волгѣ ниже устья Камы (Карамз. Истор. Гос. Росс. III, 107 и прим. 187). Нельзя принять и Симбирскую Ташлу за упоминаемый въ лѣтописи городъ. Но всѣ эти три мѣста, указываемыя Татищевымъ, надобно принять къ свѣдѣнію, тщательно изслѣдовать по актамъ, преданію и остаткамъ или развалинамъ ихъ — и тогда можетъ быть получится хорошій результатъ.

(2) Въ Моск. Вѣдѣніемъ архивъ № 413.

книгъ, данной Моск. Донскому монастырю въ 194 (1686) году на рыбныя ловли и перевозки по рѣкѣ Камѣ ⁽¹⁾, пишется «перевозъ по Камѣ рѣкѣ на большомъ Версутѣ (другой) перевозъ Жукотинскій, а по мѣрѣ отъ перевозу до перевозу 7 верстъ 700 сажень, а островъ Нагайской данъ къ селу Никольскому Жукотинское тожъ на животинный выпускъ.» Въ отказныхъ книгахъ.., Аристову ⁽²⁾: отказано ему отписное помѣстье Саввы Аристова село Никольское Жукотино тожъ за Камою рѣкою (въ отношеніи къ Казани); близъ нея значатся деревни Кривуша Кубердѣева тожъ и Жукотинскій острогъ на рѣчкѣ Жукоткѣ, близъ Камы рѣки. Въ отказныхъ же книгахъ Ив. Змѣеву въ 202 (1694) году ⁽³⁾ читается: «въ помѣстномъ столу 190 (1682) г. написано: дано Ивану Змеову въ Казанскомъ уѣздѣ по Нагайской дорогѣ за Камою рѣкою въ степи пустое дикое поле словесъ Змѣево городище, а Жукотинское тожъ, по Ирыклѣ и по инымъ степнымъ рѣчкамъ,—да противъ того городища на Камѣ рѣкѣ сѣнные покосы Жукотинской островъ.» Изъ всѣхъ этихъ вмѣстѣ взятыхъ выписокъ видно, что древній городъ Жукотинъ, по коему названы означенныя село Никольское, острогъ, островъ и Змѣево городище Жукотинскими, находился на Камѣ съ лѣвой стороны ниже нынѣшняго города Чистополя верстъ шесть. Здѣсь и доселѣ существуетъ село Никольское, Жукотино тожъ; противъ него на другой сторонѣ—рѣчка и деревня Кривуша, на Камѣ—островъ, а село Воскресенское, Змѣево городище тоже, подалѣе отъ нихъ по Камѣ же выше Чистополя версты съ двѣ ⁽⁴⁾. Отсюда до устьевъ Камы считается еще слишкомъ 70 верстъ.

Въ этой самой мѣстности не путемъ актовъ, а понародному преданію и остаткамъ укрѣпленій, нашелъ и описалъ Жукотинское городище г. Артемьевъ ⁽⁵⁾. Именно онъ указываетъ Жукотинское городище въ 6 верстахъ отъ города Чистополя внизъ по Камѣ при деревнѣ Донауровкѣ, такъ названной отъ фамиліи владѣльцевъ ея гг. Донауровыхъ, и извѣстной еще подъ другими названіями—Высокаго Городка, Савина Городка и Жукотина. Высокимъ, замѣчаетъ г. Артемьевъ, названо оно, очевидно, по весьма возвышенному положенію своему на крутомъ берегу Камы; Жукотинымъ потому что, какъ говорятъ и окрестные крестьяне, здѣсь былъ въ старину невѣрный (т. е. Болгарскій) городъ Жукотинъ. Почему слыветъ еще Савинымъ—допытаться онъ не могъ и недоумѣваетъ. Потому же, скажемъ мы, почему нынѣ селеніе называется Донауровкой, т. е., какъ видно изъ вышеприведенныхъ нами актовъ, отъ имени древняго владѣльца его Саввы Аристова, такъ какъ и по фамиліи его близъ лежащая деревушка (о коей говорить и самъ Артемьевъ) называется Аристовою или городкомъ. По фамиліи древнихъ же владѣтелей Змѣевыхъ вышепомянутое смежное и сюда же относящееся селеніе названо Змѣевымъ или Жукотинскимъ городищемъ.

«Деревня Донауровка, говоритъ г. Артемьевъ, расположена по берегу ручья, именующагося Каменнымъ мостомъ, потому что изъ беретовъ его добываютъ камень, а можетъ быть потому, что былъ когда нибудь черезъ него перекинутъ каменный мостъ.

(2) Въ Отдѣленіи грамотъ и старыхъ дѣлъ въ Моск. архивѣ Министерства Юстиціи между грамотами по Казани съ городами № 127.

(2) Въ Моск. Вотчинномъ архивѣ отказныя книги по Казани съ городами, книга 3, въ ней № 62.

(3) Тамъ же отказная книга 10, въ ней № 39.

(4) См. все это въ вышепом. Подробной картѣ Рос. имперіи, и на нашей картѣ городищъ.

(5) См. въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1851, Янв. кн. 1, статью: Древній Болгарскій городъ Жукотинъ.

Въ полуверстѣ отъ деревни, съ сѣверной ея стороны, находится самое «городище». Оно расположено на высокому, крутому мысу, образуемому съ сѣвера Камою, а съ запада ручьемъ Каменный мостъ. Обѣ эти стороны обрыты, а съ сѣвера даже сдѣланъ небольшой ровъ. Съ востока и юга городище обведено тремя валами, изъ которыхъ средній—самый высокій. Валы образуютъ неправильный полукругъ, восточная половина котораго или, правильнѣе, юговосточный уголъ, раздѣлена на четыре отдѣльныя части. Два изъ этихъ разрывовъ, проходящіе черезъ всѣ три вала, какъ видно, служили воротами, сообщали крѣпость съ предмѣстіями; потому что съ восточной стороны и частію съ южной замѣтны признаки бывшихъ строеній: попадаются кирпичи, черепки, куски перегнивашаго дерева. Самыя большія ворота, лучше другихъ сохранившіяся, находятся почти посрединѣ полукруга валовъ, въ юговосточномъ углу городища. Валы и рвы болѣе двухъ сажень шириною. Болѣе трехъ четвертей, кромѣ сѣверозападнаго угла, городище распахано. На всѣхъ мѣстахъ выпаживаются кирпичи и черепки, но болѣе въ углу сѣверовосточномъ. Здѣсь находятся также и куски перетопившагося стекла и обгорѣлые камни, что заставляетъ предполагать, что разрушеніе города произведено было также огнемъ. Признаки дѣйствія огня видны и со внѣшней стороны валовъ... Противъ городища, на другомъ берегу ручья, находилось кладбище или, —какъ принято въ Казанской губерніи называть по-татарски,—мазарка. На немъ еще въ недавнее время стояли надгробные камни: нынѣ нѣтъ ни одного, потому что ихъ растаскали окрестные крестьяне на каменки и подъ фундаментъ, остальные же увезены Татарами, которые всегда свято чтутъ мѣста погребенія предковъ. Ручей называется Каменнымъ мостомъ можетъ быть отъ того, что кладбище и дѣйствительно соединено было съ городомъ посредствомъ каменнаго моста,—перенесеніе умершихъ съ одного берега на другой по такимъ обрывистымъ крутизнамъ было невозможно безъ моста.—Верстахъ въ двухъ ниже городища, продолжается г. Артемьевъ, по скату берега раскинута деревня гг. Аристовыхъ—Городокъ, названная такъ, безъ сомнѣнія, по ея близости къ Жукотинскому городищу». Наконецъ въ примѣчаніи говорить о находкахъ здѣсь монетъ и между ними Куфическихъ. Съ своей стороны къ этому прибавимъ, что и въ нашемъ собственномъ владѣніи имѣются три Татарскія монеты, найденныя на этомъ Жукотинскомъ городищѣ. Одна изъ нихъ серебряная времени хана Узбека (1315—1340 г.), другая мѣдная — хана Хизыря или Хидыря (полов. XIV в.), третія мѣдная же—пуло Татарское, бита въ новомъ Сараѣ. Не зная подробно мѣстности, полагаемъ, что описанное г. Артемьевымъ городище при деревнѣ Донауровкѣ соответствуетъ въ вышеприведенной Аристову выписи Жукотинскому острогу на рѣчкѣ малой Жукоткѣ, теперь слывущей подъ именемъ Каменнаго ключа. Что касается до Змѣева городища, находящагося отсѣлъ верстахъ въ семи и болѣе: то какъ и оно въ актѣ называется Жукотинскимъ, надобно думать, что и оно относилось къ Жукотинскимъ укрѣпленіямъ, составляя можетъ быть предмѣстіе или цитадель города.

24. Елабужское Чертово городище.

Вятской губерніи, близъ уѣзнаго города Елабуги, верстахъ въ двухъ или менѣе отъ него на высокой горѣ (25 отвѣсныхъ сажень отъ подошвы) при Камѣ, находят-

ся остатки древняго укрѣпленія или города, извѣстнаго въ народѣ подъ именемъ Чертова городища (см. карту городищъ). О немъ мы имѣемъ извѣстія лѣтописей Татарскихъ и Русскихъ и письменные документы: изъ первыхъ во всякомъ случаѣ видна древность городища. Шерефъ-еддинъ, бенъ Хисамъ-еддинъ, Булгарскій писатель, жившій въ половинѣ XVI в., въ книгѣ своей «Булгарская лѣтопись», говоря о проповѣдникахъ магометанства между этими Булгарами, вотъ что пишетъ о началѣ и судьбѣ Елабужскаго городища: «съ сѣверной стороны отъ рѣки Бѣлой (¹) на устьѣ рѣки Туймы (²), вышелъ изъ Суддума то есть Алабуги (Суддумъ на Юнанскомъ языкѣ значить Алабуга, т. е. рыба—окунь: это былъ большой городъ, его основалъ Искандеръ Зулъ-карнейнъ; нынѣ онъ точно также, какъ и Булгаръ, разоренъ Аксакъ-Тимуромъ). Изъ этого (говору) города вышелъ Акбашъ-ходжа, одинъ изъ величайшихъ Булгарскихъ послѣдователей (т. е. Магомета), отличавшійся превосходнымъ знаніемъ Корана». И въ послѣдней главѣ о могилахъ знаменитыхъ шейховъ въ Булгарѣ сказано: въ Алабугѣ находится гробъ Амлянъ-ходжи (³). Въ этой выпискѣ изъ лѣтописи два курсивомъ набранныя слова: Суддумъ и Юнанскій, представляющія особенную важность, мы привели по Татарскому подлиннику. Первое гг. Березинъ и Вельяминовъ-Зерновъ, намъ кажется, несправедливо приняли за Содомъ. Магометанамъ Содомъ не былъ хорошо извѣстенъ и съ Еврейскаго отнюдь не означалъ какую нибудь рыбу, а сожженіе (⁴). Въмѣсто: на Юнанскомъ—тѣ же гг. Березинъ и Вельяминовъ-Зерновъ поставили — на Греческомъ языкѣ. Хотя извѣстно, что Юнанами Восточные народы дѣйствительно называютъ Грековъ (⁵), но на Греческомъ языкѣ рыба окунь отнюдь не называется суддумъ и никакого такого или подобозвучнаго слова тамъ нѣтъ. Поэтому, оставивъ Юнанскій безъ перевода, мы предоставляемъ филологамъ рѣшить, какой народъ или племя разумѣется здѣсь подъ Юнанами, о коихъ и впереди еще будетъ рѣчь. Основаніе города приписывается Искандеру Зулъ-карнейну, т. е. Искандеру Двурогому. Такъ восточные народы называютъ завоевателя вселенной Александра Македонскаго (⁶). Ему они имѣютъ обыкновеніе приписывать построеніе древнихъ и важныхъ городовъ, начало коихъ теряется во мракѣ временъ. Указаніе на Александра Македонскаго во всякомъ случаѣ показываетъ древность Елабуги (⁷). Въ

(1) Бѣлою рѣкою Татары называютъ не только р. Бѣлую (въ Уфимской губерніи), но и р. Каму. Здѣсь именно разумѣется послѣдняя, когда и выше за нѣсколько передъ симъ строки сказано, что рѣка Икъ (впадающая въ Каму) вливается въ рѣку Бѣлую, и ниже, въ слѣдъ за симъ, находящаяся близъ гор. Мензелинска (Уфим. губ.) Татарская деревня Мелекесъ представляется на восточной сторонѣ этой же рѣки Бѣлой, очевидно Камы. (См. карту городищъ).

(2) Близъ которой стоятъ городъ Елабуга.

(3) См. г. Березина Булгаръ на Волгѣ (Казань 1853), стр. 82—90 и въ Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества т. XIII (С.-Петербургъ 1859) статью г. Вельяминова-Зернова: Памятникъ съ Арабско-татарскою надписью въ Башкиріи, стр. 270.

(4) Lexicon manuale Hebraicum et Chaldaicum Gesenii, Lipsiae 1833, p. 704. sub v. סֹדֹם

(5) Herbelot Orientalische Bibliothek, Halle 1787, II, 859.

(6) См. Herbelot Orient. Bibl. II, 319 Iskander.—Рогъ въ древности служилъ символомъ власти и силы; поэтому и нѣкоторые боги языческіе изображались съ рогами. Александръ Македонскій, выдавая себя за сына бога Аммона, велѣлъ скульпторамъ изображать себя съ двумя рогами (Clemens Alex. in Protreptico cap. IV § 54), и на монетахъ какъ онъ, такъ и преемники его дѣйствительно изображаются двурогими.

(7) Кстати здѣсь замѣтимъ другое мнѣніе, по которому Елабугъ усвоится еще болѣе древность. Нѣкоторые думаютъ, что упоминаемый у Геродота городъ Гелонъ, до котораго Персидскій царь Дарій Истаспъ (за 512 лѣтъ до Рожд. Христова) гналъ за Скиеами и сжегъ оный, былъ именно городъ Елабуга. (Землеописаніе Россійской имперіи Зябловскаго, Спб. 1810, т. 4, стр. 88, Новѣйшее землеописаніе Россійской имперіи, изд. 2-е, Спб.

другомъ мѣстѣ той же Татарской лѣтописи Шерефъ-едина Булгарскаго ⁽¹⁾, въ рѣчи о завоеваніяхъ Тамерлана, хотя довольно искаженныхъ анахронизмами и другими сбивчивостями, о Елабужскомъ городищѣ говорится: «изъ Казани (т. е. изъ Булгара) Тимуръ пришелъ въ Суддумъ (и здѣсь слово это несправедливо переведено: Содомъ) то есть городъ Елабугу. Въ то время въ Суддумъ ханомъ былъ Иль-бакши, сынъ Уразъ-бакши хана. Этотъ ханъ не зналъ никакой вѣры и религіи; эмиръ Тимуръ обращалъ его въ исламъ, но они не согласились. Упомянутый Суддумъ былъ небольшой городокъ; его также Тимуръ обратилъ въ прахъ, и, приказавъ разломать ворота, бросилъ ихъ въ Каму, жителей же взялъ въ плѣнъ, а остальныхъ разогналъ всѣхъ по разнымъ странамъ свѣта. *За тѣмъ онъ посылалъ могилы послѣдователей (Магомета), находящіяся на устьѣ Туймы.* Оттуда, переправясь черезъ рѣку (Каму) и остановившись въ деревнѣ Мылкасъ ⁽²⁾, онъ поклонился послѣдователямъ (т. е. Магомета же)». Къ этому мы прибавляемъ еще слѣдующій отрывокъ изъ другой, или въ другой редакціи той же Татарской лѣтописи, составленной въ 992 году гіджры (отъ Р. Х. 1584) и найденной у Татаръ Елабужскаго уѣзда. Отрывокъ сей мы сообщаемъ въ переводѣ одного тамошняго муллы, не ручаясь вполне за переводъ, равно какъ и за самыя извѣстія. «Сафиулла, говорится здѣсь, происходилъ изъ Касура, онъ былъ изъ бабаларъ (т. е. учитель мусульманскій), на 36-мъ году возраста своего переѣхалъ жить въ городъ Самаркандъ въ Бухару, и тамъ прожилъ еще 90 лѣтъ и умеръ въ Самаркандѣ. Это племя Касуръ называлось тогда Юнанами. А на Юнанскомъ языкѣ Суддумъ означаетъ рыбу окуня, которая на Татарскомъ языкѣ называется Алабуга-балыкъ, означающее рыбу окуня. Въ то время, когда Сафиулла доживалъ остатки дней своихъ въ Самаркандѣ, тогда царствовалъ (гдѣ?) первый султанъ Альгарфимъ и потомъ Хуча Ахметъ Сеитъ, и еще Хуча такой-то и еще Хуча такіе-то. Въ Елабугѣ жителей какое количество было, неизвѣстно, но домовъ было 520. Первый царь въ Елабугѣ былъ Айдаръ, изъ Черемисъ, у котораго была больная дочь Туйбика ⁽³⁾. Для проповѣданія магометанской вѣры (тогда же или послѣ?) завоеватель Константинополя Магометъ 2-й прислалъ въ Елабугу трехъ проповѣдниковъ магометанской вѣры». Сперва замѣтимъ на этотъ отрывокъ, что извѣстія въ немъ о числѣ домовъ (520) въ Елабугѣ и первомъ царѣ ея Айдарѣ съ больною дочерью Туйбикой, равно какъ о трехъ проповѣдникахъ ислама (только не отъ Магомета 2-го, а отъ самого лжепророка Магомета) въ вышепомянутой лѣтописи Шерефъ-едина относятся къ Булгару на Волгѣ, столицѣ здѣшнихъ Булгаръ ⁽⁴⁾. Равно

1818, часть 2, стр. 73, Вятская исторія Вештомова, отпечатанная въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1825. 26 и 27 г., см. гл. 11). Мнѣніе это совершенно ложно. Будины и Гелоны, коимъ принадлежалъ означенный городъ Гелонъ, сожженный Даріемъ Истаспомъ, по изложенію Геродота жили въ южной полосѣ Россіи, въ нынѣшнихъ губерніяхъ Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Киевской и Волынской (См. Skythien und Skythen des Herodot, von Dr. Lindner, Stuttgart 1841, S. 165. 183. 222—223 Karte 1 Skythien nach Herodot, также въ Запискахъ Одесскаго Археологическаго Общества т. 1: Геродотова Скиѳія стр. 92. 93).

(1) Отрывки изъ нея помѣщены въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. въ № 45-мъ.

(2) Мензелинскаго уѣзда (Уфимской губерніи) верстахъ въ 10-ти отъ Елабуги деревня Мелекесъ. См. въ Запискахъ Археологическаго Общества вышепом. статью г. Вельяминова-Зернова стр. 270 прим. 17. Упоминается и въ отводныхъ книгахъ Елабужскихъ 1627 г. Деревню эту см. на картѣ городищъ.

(3) По исторіи о Казанскомъ царствѣ неизвѣстнаго сочинителя XVI ст. (Слб. 1791) гл. 1 еще задолго до Батыя Болгарскіе князи-варвары владѣли поганымъ языкомъ Черемисскимъ, незнающимъ Бога и никоегоже закона не имущимъ.

(4) См. Березина Булгаръ на Волгѣ стр. 78—80.

и вышепомянутый Касуръ по другимъ Татарскимъ лѣтописямъ ⁽¹⁾ не племя какое нибудь, а шахъ Самаркандскій, 90 лѣтъ прожившій въ Самаркандѣ, считается основателемъ этого же Волжскаго Булгара. Такая компиляція и смѣшеніе одного города съ другимъ подрываютъ достовѣрность настоящаго отрывка. Не смотря на это, отрывокъ возбуждаетъ серьезные вопросы. Во 1-хъ, о племени Касуръ, называвшемся тогда Юнанами: что это было за племя, о которомъ говорить и Шерефъ-единъ въ вышепомянутомъ мѣстѣ о Елабугѣ?—во всякомъ случаѣ отсюда видно, что это были не Греки. Далѣе изъ отрывка видно, что первоначальное названіе Елабуги Сюддумъ взято изъ языка этого Юнанскаго племени и означало на немъ рыбу окуня. Думая, что это слово изъ Финскаго или Чудскаго языка, мы спрашивали о семъ г. Тизенгаузена и, чрезъ одолжительное посредство его, г. Европеуса и другихъ нашихъ филологовъ, но получили отрицательный отвѣтъ, что тамъ нѣтъ такого слова.

Изъ Русскихъ лѣтописей о Чертовомъ городищѣ Елабужскомъ нѣкоторые указываютъ на то мѣсто, гдѣ говорится о взятіи Андреемъ Боголюбскимъ Болгарскаго города Бряхимова въ походъ 1164 г., разумѣя подъ этимъ Бряхимовымъ Елабугу. См. Воскресенскую и Никоновскую лѣтописи (въ Полномъ собраніи лѣтописей т. 7. стр. 77; т. 9. стр. 230 подъ 1160 г.), Лѣтописецъ Переславля Сузд., относящійся къ началу XIII в. и изданный кн. Оболенскимъ (Моск. 1851, стр. 75), Степенную книгу (Москва 1775, ч. I стр. 299), вышепомянутую исторію о Казанскомъ царствѣ — неизвѣстнаго (Спб. 1791, гл. I. стр. 4). Исторіографъ Миллеръ, отличая этотъ Бряхимовъ отъ Булгара на Волгѣ и производя названіе его отъ жившаго въ немъ Болгарскаго князя Ибрагима (слич. ниже Переяславскій лѣтописецъ), справедливо полагалъ его на Камѣ ⁽²⁾. А вышепомянутый авторъ Вятской исторіи Вештомовъ въ гл. 11 подъ Бряхимовымъ опредѣлительно указалъ Чертово Елабужское городище, что приняли и нѣкоторые другіе ⁽³⁾. Мнѣніе это подтверждается тѣмъ, что изъ вышеозначенныхъ лѣтописей Никоновская, Степенная книга и Исторія царства Казанскаго, также Древній лѣтописецъ (Спб. 1775, ч. 2. стр. 251) Бряхимовъ прямо указываютъ на р. Камѣ ⁽⁴⁾. Тамъ же поставляютъ оный и многіе списки и изданія Прологовъ, равно и Четь-Минеи въ древнемъ сказаніи на празднество 1 Августа, учрежденное вслѣдствіе вышепоказанной побѣды Боголюбскаго надъ Болгарами и въ одно съ нею время Греческаго царя Мануила надъ Сарацинами. Таковое сказаніе, нач. Вѣдѣти есть осемь намъ възлюбленная братіа, читается Синод. библіотеки въ Макаріевской Четь-Миней за Августъ № 183 л. 14, и въ Успенскомъ экземплярѣ № 997 л. 11., въ Чудовской Четь-Миней за Августъ № 317, 1600 г., л. 15 об., въ Прологахъ Синодальной типографіи № 1472 (общій) XVI—XVII в. на л. 411, Синод. библіотеки № 241 правленнѣй XVII в., л. 861, въ старопечатныхъ Прологахъ 1643 (вмѣсто на Камѣ здѣсь напечатано: на камени) 1677 г. и во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ доселѣ, въ Сбор-

(1) См. въ Энциклопедическомъ лексиконѣ, изд. Плюшара, ч. 7 стр. 293: Булгаръ.

(2) См. его сочиненіе О народахъ, издревле въ Россіи обитавшихъ, перев. съ Нѣмецкаго Ив. Долинскій, Спб. 1773, стр. 55. 56.

(3) См. въ Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ 1847 г. № 1—3 статью свещ. Кулыгинскаго: () мѣстѣ чудснаго явленія, празднуемаго св. Церковію 1 Августа.

(4) Въ Исторіи Казанскаго царства въ самомъ текстѣ мѣсто это испорчено, а правильное показано въ примѣчаніи: «Большіе же Болгары на Дунаѣ. Тутъ же былъ на Камѣ (такъ обыкновенно читается въ спискахъ, а не на Камѣ, какъ напечатано) и градъ старый Бряховъ Болгарскій, нынѣ же градище пустое».

никъ Синод. библиотеки № 556 XVI в. л. 426 об. По конечнымъ словамъ своимъ «азъ же написахъ ти се повелѣніемъ царя Мануила» означенное сказаніе признается очень древнимъ, переведеннымъ отчасти съ Греческаго и, можетъ быть, современнымъ самому событію, такъ какъ и самое празднество въ воспоминаніе той побѣды Боголюбскаго, ознаменованной особымъ чудомъ отъ иконы Господа Вседержителя, несомнѣнно совершалось уже въ XII вѣкѣ⁽¹⁾. Въ сказаніи говорится: и шедше взяша 4 города Болгарскіе, пятый Бряхимовъ *на Камѣ*. Въ лѣтописяхъ же читается—въ Никоновой: идоша на Болгары Воложскія и *Камскія* и поможе имъ Богъ и пречистая Богородица, и избиша множество Измаильтянъ. Въ Никоновой, Воскресенской и Переславской: а князь ихъ (Воскр. и Пересл. Болгарскій) едва утече съ малою дружиною (до Великаго города, прибавлено въ Воскрес. и Пересл.—то есть Булгара на Волгѣ). Въ Воскресенской же и Переславской: князь же Андрей (съ этой погони) воротися съ побѣдою (къ ономъ въ станъ): и падше вси поклонишася святѣй Богородицѣ. Воскресенская, Никоновская и Переславская: и шедше (послѣ сего) взяша градъ ихъ славный Бряхимовъ (Пересл. Ибрахимовъ) *на Камѣ* (въ Воскрес. и Пересл. на Камѣ нѣтъ), а предніи (Пересл. переди, Воскрес. друзіи) города ихъ пожгоша. Въ Степенной книгѣ, равно и въ вышепомянутомъ древнемъ сказаніи объ этомъ опредѣленіи: и поидоша въ путь и четыре града взяша и пятый градъ ихъ славный Бряхимовъ взяша, иже на Камѣ. Изъ этого сличенія лѣтописей между собою и съ древнимъ сказаніемъ дѣло оказывается такъ: когда князь Болгарскій укрылся въ главномъ своемъ, великомъ и укрѣпленномъ городѣ, то Русскіе, оставя его тамъ съ малою дружиною и простирая, какъ говоритъ Щербатовъ⁽²⁾, свои завоеванія, вошли внутрь ихъ страны—Камокой Болгаріи, здѣсь три ихъ города (предніе по Ник. лѣт.) сожгли и знатный ихъ градъ Бряхимовъ взяли. Если они, какъ видно, отъ Булгара шли пѣши Камской Болгаріей, направляясь къ Камѣ: то на этомъ пути передъ Бряхимовымъ-Елабугой доселѣ видны остатки нѣсколькихъ, можетъ быть, тогдашнихъ еще городовъ, которые и могли они взять: городище Куларово близъ гор. Спасска, пригородъ Биларскъ (знатный Болг. городъ), городище Никитино на р. Изгари и Жукотино близъ Чистополя на Камѣ, отсюда могли они пересѣсть въ лодки и взять на Камѣ же городъ Бряхимовъ (см. карту городищъ). Эпитетъ *славнаго* города также приличествовалъ Елабужскому городищу, судя по вышеприведеннымъ Татарскимъ о немъ извѣстіямъ. Обратимъ еще вниманіе на то, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ (Прологъ 1643 г., Исторія царства Казанскаго) Бряхимовъ вмѣсто Камы полагается *на Камени*. Это кажется намъ не ошибкою, а другимъ опредѣленіемъ мѣстности, подтверждающимъ наше разумѣніе подъ Бряхимовымъ Елабужскаго Чертова городища. Впослѣдствіи бывшій здѣсь Троицкій монастырь (о коемъ скажемъ ниже), въ древнихъ актахъ обыкновенно писался Троицкимъ монастыремъ или пустыней *въ Каменномъ* городищѣ, или монастыремъ *Каменнаго* городища, что на Елабугѣ⁽³⁾. Что такое названіе дано монастырю не отъ каменнаго только строенія на городищѣ, а и отъ самой мѣстности, видно изъ слѣдующаго мѣста оброчной грамоты на рыбныя ловли 1616 г.⁽⁴⁾: дали живоначальныя

(1) См. преосв. Макарія Исторію Русской Церкви т. 3, Спб. 1857, стр. 80 и прим. 178.

(2) Исторія Россійская, Спб. 1781, стр. 289.

(3) См. ниже данную монастырю грамоту 1638 г., дозорныя книги 1619 г. и др.

(4) См. и о ней ниже.

Троицы Каменного городища игумену Іонѣ рыбныя ловли по Камѣ рѣкѣ повыше *каменныхъ горъ въ Кривой волошкѣ*. Гора, на которой стоитъ Чертово городище, доселѣ обилуетъ огромными дикими камнями, которые жители употребляютъ на фундаменты домовъ. Поэтому Бряхимовъ, лежащій на Камѣ, можно было писать съ одинаковою вѣрностію *на Камени*, — и послѣднее прямо указывало на Елабужское городище (1). Далѣе г. Вештомовъ этотъ самый Бряхимовъ считаетъ резиденціей первыхъ хановъ Золотой орды — Батия и его преемниковъ. Онъ говоритъ (Вятской Исторіи въ гл. 11-й): Ордынскій ханъ Сайнъ, первый послѣ Батия (2) около 1250 года построилъ городъ Казань, который отъ имени его Сайновъ юртъ именовался; и любя онъ сіе мѣсто для великой его выгоды *жилъ вмѣсто Болгарскаго города Бряхимова*, что нынѣ именуется Чертово городище при рѣкѣ Камѣ, отъ города Елабуги въ одной верстѣ. О построеніи означеннымъ Сайномъ старой Казани, подъ именемъ Сайнова юрта, и о пребываніи его въ тѣхъ и смежныхъ странахъ говоритъ вышепомянутый неизвѣстный писатель Исторіи царства Казанскаго стр. 9—11. А о томъ, что Казань сдѣлалась столицею вмѣсто Бряхимова, Болгарскаго города, задолго до Вештомова писалъ Дм. Зиновьевъ (3). Замѣтимъ однакожѣ, что у того и другаго, какъ намъ кажется, смѣшивается въ этомъ извѣстіи съ Бряхимовымъ извѣстный Булгаръ на Волгѣ, служившій лѣтнею резиденціею Золото-ордынскихъ повелителей, начиная съ Батия (4).

Но прямо и опредѣленно говорить о Елабужскомъ Чертовомъ городищѣ, какъ о древнемъ Болгарскомъ городѣ, вышепоказанная лѣтопись XVI вѣка. Сочинитель Исторіи о Казанскомъ царствѣ, изд. въ Спб. 1791 г., священникъ Іоаннъ Глазатый или кто другой, 20 лѣтъ прожившій въ плѣну въ Казани до взятія ея Грознымъ, въ 34-й главѣ (стр. 127) о Елабужскомъ городищѣ пишетъ слѣдующее: «къ сему же и се иное знаменіе при мнѣ же бысть. Еще бо ми тогда живущу въ Казани, бѣ въ нѣкоемъ улусѣ Казанскомъ градець малъ (въ вариантахъ: пустъ), на брезѣ высоцѣ Камы рѣки стоя, егоже Русь именуютъ *Бисовское городище*, въ немъже живяше бѣсъ, мечты твора отъ многихъ лѣтъ. И бѣ той градець еще *старыхъ Болгаръ* молбище жертвенное, и схожахуса людіе мнози со всея земли Казанскія варвары и Черемиса, мужи и жены, жруще бѣсу и о полезныхъ вопрошающе». Посему, продолжаетъ за симъ авторъ Исторіи, и извѣстная царица Казанская Сююнбека, имѣя войну съ Московскимъ царемъ, послала въ этотъ градець спросить прорицалище объ успѣхѣхъ ея. Бѣсъ послѣ десятидневнаго моленія и поста посланныхъ отъ нея и мѣстныхъ жрецовъ наконецъ открылъ, что онъ долженъ навсегда удалиться отъ этого

(1) Каменный хребетъ Уральскихъ горъ въ древнихъ актахъ также назывался Каменемъ: «отъ Печоры плы воеводы до Камени» (Уральскихъ горъ), см. Записки Русскаго Географическаго Общества т. VI, Спб. 1852, стр. 248. Слич. еще старинное названіе Вологодскаго монастыря «Спасъ на Каменномъ».

(2) Или самъ Батый, см. Карамзина Исторію Гос. Рос. т. 5. стр. 25.

(3) Топографическое описаніе города Казани, Дм. Зиновьева, Москва 1788, стр. 4.

(4) Бряхимовъ полагалъ на Камѣ и Стриттеръ (Исторія Государства Россійскаго, Спб. 1800, т. 1, стр. 380) Карамзинъ (Истор. Гос. Рос., т. 2 стр. 182) и другіе. Голиковъ (Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Вел. XVIII, 283) и Зябловскій (Новѣйшее землеописаніе Россійской имперіи, Спб. 1807, ч. 2 стр. 139), принимали его, но несправедливо, за одно съ главнымъ городомъ Волжскихъ Булгаръ Булгаромъ на Волгѣ. Татищевъ (Исторія Россійская кн. 3, Москва 1774, стр. 144 и прим. 489) и Императрица Екатерина II (Записки касательно рос. исторіи, Спб. 1801, ч. 3, стр. 14) еще страннѣе Бряхимовъ полагали на мѣстѣ нынѣшняго города Василіа Сурскаго, при впаденіи Суры въ Волгу.

мѣста, будучи прогнанъ силою Христовою, что отселѣ здѣсь воцарится христіанство,— и самъ дѣйствительно съ великимъ дымомъ въ видѣ огненнаго змѣя полетѣлъ на западъ, «всѣмъ намъ стоящимъ и чужающимся, и невидимъ бысть отъ очію нашею». Это мѣсто очевидца, такъ передающаго, объясняетъ и наименованіе городища *Чертовымъ*, наименованіе, данное ему уже Русскими и въ позднее время—по библейскому представленію въ языческомъ прорицалищѣ или идолѣ бѣса (Второзак. 32, 17. Псал. 105, 37. 1 Кор. 10, 20). Съ другой стороны это наименованіе могло произойти, при неизвѣстности первоначальныхъ строителей городища, и отъ оригинальной кладки его зданій. Въгроможденіе дикихъ огромныхъ камней въ натуральномъ ихъ видѣ, кое-какъ скрѣпленныхъ цементомъ, въ странѣ язычества или магометанства Русская фантазія легко могла приписать нечистой силѣ, какъ она приписывала ей безобразныя береговыя рытвины, вообще ложбины и т. д. (отсюда названіе: черторыя, и выраженіе: у чорта на кулижкахъ) ⁽¹⁾. Хотя же повѣствователь это Чертово городище и во времена старыхъ Болгаръ называлъ только жертвеннымъ мольбищемъ: но слова его, относясь къ болѣе или менѣе близкому для него времени, не исключаютъ того, что въ отдаленной древности былъ здѣсь знатный и большой городъ, отъ котораго превратностями судьбы остался теперь только «градецъ малый и пустой» съ знаменитымъ капищемъ.

По покореніи царства Казанскаго, когда эти мѣста заняты были Русскими, на мѣстѣ Елабужскаго Чертова городища является иноческая обитель. Г. Рычковъ по преданію туземцевъ пишетъ, что сей монастырь былъ построенъ самимъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ въ то время, когда взялъ онъ городъ Казань и вознамѣрился рѣкою Камою ѣхать до города Соликамска, но, доѣхавъ до мѣста, гдѣ нынѣ Елабуга, заболѣлъ и для сего принужденъ былъ оставить предпринятое путешествіе. Начало пригородка (Елабуги) считаютъ съ того времени, продолжаетъ Рычковъ, и есть тутъ церковь, построенная имъ (царемъ) во дни его въ немъ пребыванія. Сей монастырь такимъ образомъ Рычковъ считаетъ первымъ, который царь Иванъ Васильевичъ воздвигнулъ въ знакъ благодарности къ Богу за множество побѣдъ, одержанныхъ въ сей странѣ ⁽²⁾. Здѣсь, во 1-хъ весьма сомнительно, чтобы не сказать болѣе, самое преданіе о путешествіи Іоанна IV въ Соликамскъ. По Царственной книгѣ (Спб. 1769, стр. 315—317) и Исторіи Карамзина (т. 8 стр. 114—117) все пребываніе Іоанна въ Казани ограничивалось десятию днями 2—11 Октября, послѣ чего по Волгѣ онъ отправился прямо въ Москву. Во 2-хъ, основаніе села Тресвятскаго (какъ первоначально называлась Елабуга) и Покровской въ немъ церкви точно относилось ко времени Іоанна и болѣе или менѣе ко взятію Казани, но нельзя этого сказать о Троицкомъ монастырѣ на Чертовомъ городищѣ. По прямымъ документамъ онъ построенъ уже при Михаилѣ Феодоровичѣ около 1614 года. Въ грамотѣ, данной

(1) Извѣстны еще два другія также называемыя Чертова городища: одно Увинской губ., въ 3 верстахъ отъ самой Увы, а не отъ Бирска, какъ сказано въ Описаніи его у Щекатова въ Географическомъ Словарѣ (Москва 1800, ч. 7 стр. 141, слич. описаніе его же въ Заволжскомъ Муравѣ 1834 № 11 стр. 158 и слѣд. прое. Ердмана), другое Чертово городище—въ Рязанской губ. близъ города Пронска, описанное Воздвиженскимъ въ Вѣстникѣ Европы ч. 126. № 21 стр. 74. На Онежскомъ озерѣ есть два мыса, называемые Бѣсомъ и Бѣсихой отъ того, что на нихъ, по народному суевѣрію, якобы жилъ нѣкогда бѣсъ съ бѣсихой. См. въ Запискахъ Рус. Географ. Общества кн. XII О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ древностей стр. 136.

(2) Журналъ или Дневныя Записки путешествія капитана Рычкова по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства 1769 и 1770 г., Спб. 1770, стр. 48. 49.

этому монастырю на за-камскую землю и угодья 1638 г. говорится: въ прошломъ 145 (1637) году били челомъ Государю живоначальныя Троицы Каменнаго городища, что на Елабугѣ, келарь старецъ Моисей съ братьею, а сказалъ: въ прошломъ де во 124 (1616) году поставили они въ томъ Каменномъ городищѣ монастырь, и въ томъ-де монастырѣ устроили двѣ церкви во имя живоначальныя Троицы да Сшествіе Святаго Духа, и у тое-де пустыни земли мало, питаться имъ въ той пустынѣ не чѣмъ ⁽¹⁾. Изъ сличенія съ другими актами видно, что здѣсь говорится только объ окончательной постройкѣ монастыря и церквей его въ 1616 г. Самое же начало ему положено года за два предъ симъ или немного болѣе строителемъ *Іоною*, бывшимъ до того казначеемъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря. Этому строителю Елабужскаго монастыря іеромонаху Іонѣ въ 122 (1614) году на содержаніе монастыря дана была пустошь на рѣчкѣ Анзиркѣ въ 30 верстахъ отъ Елабуги, а въ 124 (1616) году, когда отстроены были монастырь съ церквами, по челобитью того же строителя Іоны пожалованы были ему на церковныя потребности (на темьянъ и на вино церковное) безоброчно смежныя съ монастыремъ рыбныя ловли по рѣчкѣ Камѣ повыше Каменныхъ горъ въ Кривой волошкѣ до Чертовыхъ горъ (на коихъ стояло городище) съ прибрежными озерами и заводками. Въ слѣдующемъ 1617 году монашествующіе въ означенной волошкѣ на устьѣ рѣчки Танайки распахали пашню и для своей нужны поставили дворъ и мельницу и просили эту пашню и строеніе оставить за ними, а первоначально пожалованную пустошь Анзирскую, по отдаленности ея отъ монастыря, отписать на Великаго Государя, что по царской грамотѣ и было имъ дозволено въ 1619 году. При повальномъ обыскѣ и дозорѣ оказалось въ означенномъ мѣстѣ пустоши поросшей березникомъ десятина съ 12-ть, на устьѣ Танайки поставленныхъ отъ монастыря семь дворовъ, сѣнныхъ покосовъ отсюда по Камѣ рѣчкѣ копенъ на 500, чернаго лѣсу вдоль верстъ на 10, поперегъ на 4 ⁽²⁾. Что касается до строителя монастыря старца Іоны: то въ 1659 г. игуменъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря Герасимъ, называя этого старца того Богоявленскаго монастыря казначеемъ старцемъ *Іоною Зеленымъ*, писалъ, что онъ строилъ Елабужскій Троицкій монастырь ихъ Богоявленскаго монастыря казною, и потому игум. Герасимъ изъяснялъ теперь свои притязанія на Троицкій монастырь, но братія этого монастыря вопреки ему неоднократно писали, что Елабужскій Троицкій монастырь старецъ Іона строилъ сборными и вкладчиковыми да прикладными деньгами, а не ихъ Богоявленскою казною ⁽³⁾. Какимъ образомъ явился близъ Елабуги и по какому поводу сталъ строить здѣсь иноческую обитель Костромскаго Богоявленскаго монастыря казначей Іона, можно объяснить, кажется, тѣмъ, что Богоявленскій монастырь около Елабуги имѣлъ свои владѣнія, и казначей, можетъ быть, хотѣлъ распространить ихъ, или съ другими цѣлями образовать особую обитель построеніемъ пустыни на

(1) См. въ Московскомъ Государственномъ архивѣ въ Отдѣленіи 1-мъ старыхъ дѣлъ грамоты по Казани съ городами № 53 данная Елабужскому Троицкому монастырю на пустопорожную землю и рыбныя ловли за р. Камю 1638 г.

(2) См. въ Москв. Государственномъ архивѣ въ Вотчинномъ отдѣленіи № 410 (общій) передисныя книги по Казани съ городами л. 1336 книги дозорныя монастырскаго землѣ, что на Елабугѣ Каменнаго городища 127 г. Истома Хвостова, въ Отдѣленіи старыхъ дѣлъ—грамоты по Казани съ городами № 37-й оброчная грамота Елабужскому Троицкому монастырю на рыбныя ловли 1616 г. Авг. 5.

(3) См. въ Моск. Госуд. архивѣ Отд. 1-е старыхъ дѣлъ въ грамотахъ по Казани съ городами № 149 владѣнная выпись Казанскому митрополиту Маркеллу на Елабужскій Троицкій монастырь 1692 г.

Чертовомъ городищѣ. По крайней мѣрѣ въ описяхъ мы встрѣчали 164 (1655) Нояб. владѣнную выписъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря игумену Герасиму на землю по рѣкѣ Камѣ противъ устья рѣки Ика, т. е. гдѣ нынѣ стоитъ село Икское Устье въ 35 верстахъ отъ Елабуги ⁽¹⁾. Распаханная и отчасти застроенная пустошь въ Кривой волошкѣ была первоначальная вотчина Троицкаго монастыря по сю (правую) сторону Камы. Въ 1637 г., какъ видѣли, другой настоятель монастыря, келарь старецъ Моисей, ссылаясь на малость земли монастырской и недостаточность средствъ къ содержанію, просилъ—и по царской грамотѣ получилъ на церковное строеніе, на воскъ и на оймѣамъ и на вино церковное и имъ на пропитаніе за рѣкою Камою лежащую противъ самого же почти монастыря землю между рѣчками Беткою и Курчею въ 200 четей, съ сѣнными покосами и рыбными ловлями—Тростинскимъ истокомъ съ озерами ⁽²⁾. Но въ слѣдующемъ 146 (1638) году тотъ же старецъ Моисей, когда сторонніе люди новой беззащитной обители стали чинить обиду и налогу многую, для обереженія отъ нихъ, просилъ приписать сію обитель—и она была приписана къ славному въ свое время Пыскорскому Соликамскому монастырю, построенному Іоанникиемъ Строгановымъ въ 1560 г. Большіе на крестьянъ налоги, опустошеніе монастырской казны, растрата имущества и другія злоупотребленія этого Пыскорскаго управленія черезъ 21 годъ вынудили Троицкую братію и крестьянъ въ 1660 году искать себѣ защиты у епархіальнаго архіерея, Казанскаго митрополита Лаврентія, и просить его о припискѣ ихъ обители съ вотчинами къ домовымъ Его Преосвященства вотчинамъ; но въ этомъ имъ митрополитъ почему-то отказалъ. Въ то же время игумень Костромскаго Богоявленскаго монастыря Герасимъ, ссылаясь на вышеозначенное построеніе Елабужской пустыни ихъ Богоявленскимъ старцемъ Іоною якобы на счетъ ихъ же казны, предъявлялъ свои права на обитель, но братія ея по печальному Пыскорскому опыту просили Правительство избавить ее отъ приписки къ Богоявленскому монастырю и сдѣлать свободнымъ Великаго Государя монастыремъ подъ вѣдѣніемъ лишь и защитою Казанскаго митрополита. Послѣ этого Троицкій монастырь съ крестьянами въ теченіи 30 лѣтъ, не исправляя никакихъ повинностей и платежей собственно въ Архіерейскій Домъ, отбывалъ только подъ вѣдѣніемъ епархіальнаго начальства государственныя повинности и подати, и не рѣдко терпѣлъ разоренія и убійства отъ набѣговъ Башкиръ и Татаръ. По Казанскимъ писцовымъ книгамъ Сем. Волинскаго 7156 (1648) г. значится «Троицкаго монастыря Каменнаго городища, что на Елабугѣ, монастырскіе пашни и розчисти 27 десятинъ, да того же монастыря въ сельцѣ, что была деревня Таны (чит. Танайка), пашни и розчисти 94 десятины въ полѣ а въ дву потомуужъ, чорнаго лѣсу, обще съ селомъ Тресвятскимъ, отъ монастыря до монастырской деревни Таны по смѣтѣ вдоль на 10 верстъ, поперегъ на 5 в. Здѣсь сѣнокосной земли 4509 десятинъ, съ коей сѣна ставится 90,190 копенъ ⁽³⁾. По переписнымъ книгамъ 186 и 187 (1678 и 79) годовъ значилось въ вотчинахъ его, населенныхъ крестьянами (по сю сторону Камы) въ Подгорной (подмонастырской) слободѣ и въ селѣ Танайкѣ, (за Камою) въ селѣ Беткахъ и въ деревнѣ Простяхъ 64 двора крестьянскихъ,

(1) См. там же актъ подъ № 71-мъ.

(2) См. въ Госуд. архивѣ въ старыхъ дѣлахъ вышеозначенную грамоту подъ № 53-мъ, и там же № 155-й о землѣ, рыбныхъ ловляхъ и сѣнныхъ покосахъ Елабужскаго Троицкаго монастыря.

(3) См. сіи книги въ Вотчинномъ архивѣ № 413 (общій) стр. 160. 161.

25 дворовъ бобыльскихъ, а всего 89 ⁽¹⁾. Но въ 7200 (1692) г. по челобитью Казанскаго митрополита Маркелла Елабужскій Троицкій монастырь былъ вполнѣ приписанъ къ Казанскому Архіерейскому Дому и сравненъ съ прочими его вотчинами въ платежахъ и повинностяхъ. Въ сдѣланной при этомъ подробной описи монастырю и вотчинамъ значилось: въ монастырѣ 1) церковь Сошествія Святаго Духа, каменная ветхая, трапеза деревянная (см. о ней ниже); 2) холодная церковь деревянная Успенія пресвятыя Богородицы; 3) на оградныхъ вратахъ церковь Гурія и Варсонофія Казанскихъ недостроена; ограда рублена въ тарасы, недостроена жъ. Кельи—строительская, казначейская и три братскихъ, въ коихъ братіи 11 человекъ; въ монастырѣ же—дворъ конюшій и воловій или скотный. Въ вотчинахъ 1) въ *Подгорной монастырской слободѣ* дворовъ, кромѣ причта церковнаго, крестьянскихъ 5, въ нихъ всѣхъ душъ муж. рода (не исключая и малыхъ дѣтей) 35; 2) *въ селѣ Танайкѣ* церковь архангела Михаила; дворовъ, кромѣ причта церковнаго, монастырскій, 4 мельничныхъ, кузечной, 2 рыбачьихъ, 23 крестьянскихъ и 11 бобыльскихъ, во всѣхъ душъ 332, да мельница объ одномъ поставѣ; 3) *въ селѣ Беткахъ* (за Камой) церковь во имя пресв. Богородицы Владимірскія; дворовъ, кромѣ причта, всѣхъ 29, въ нихъ 302 души; 4) *въ деревнѣ Простяхъ* (за Камой же) дворъ монастырскій и 16 крестьянскихъ, въ нихъ 106 душъ; 5) *въ деревнѣ Соболековой* (за Камой же) дворъ монастырскій и 9 крестьянскихъ, въ нихъ 63 души ⁽²⁾. Въ послѣдствіи и эти двѣ деревни, Прости и Соболекова, во владѣніи монастырскомъ являются селами. Въ воздѣланіи монастырскою экономіею этой земли по ту и другую сторону Камы, въ населеніи ея крестьянами, въ основаніи здѣсь селъ и деревень—заслуга государственная. Въмѣсто вышепоминутой церкви святителей Казанскихъ на оградныхъ вратахъ въ послѣдующихъ актахъ является церковь Рождества Богородицы, со всѣмъ своимъ имуществомъ сгорѣвшая въ 1733 г. ⁽³⁾. Въ 1751 г. въ монастырѣ значатся только двѣ церкви: 1-я, Успенія пресв. Богородицы, деревянная, холодная съ колокольнею, 2-я, вновь построенная, деревянная, Сошествія Святаго Духа ⁽⁴⁾. Эти двѣ церкви, какъ видно, существовали до 1764 г., когда Елабужскій Троицкій монастырь, вмѣстѣ со многими другими въ Россійской имперіи, былъ упраздненъ: потому что въ репортахъ о монастырѣ 1767 и потомъ 1772 г. (кон увидимъ ниже) значатся въ немъ только *двѣ* деревянные церкви. По упраздненіи монастыря предписано было тогдашнему игумену Макарію всю церковную ризницу и утварь лично доставить въ Казанскій Архіерейскій Домъ, каковая со всѣмъ прочимъ имуществомъ туда и отвезена была имъ, кромѣ большихъ мѣстныхъ иконъ за трудностію перевозки оставленныхъ на мѣстѣ въ *двухъ* монастырскихъ церквахъ ⁽⁵⁾. Въ помянутомъ 1767 г. просвѣщенный Казанскій архіепископъ, впослѣдствіи бывшій митрополитомъ, Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ требовалъ археологическихъ свѣдѣній отъ настоятелей Елабужскаго Троицкаго мо-

(1) См. въ Госуд. архивѣ вышепоказанную влад. выписъ № 149.

(2) См. вышепом. выписъ № 149, а самыя селенія означены на картѣ городищъ.

(3) См. въ дѣлахъ архива Елаб. Духовнаго правленія, хранящихся въ градскомъ Спасскомъ соборѣ, доношеніе объ этомъ пожарѣ отъ 23 Янв. 1733 г.

(4) См. тайже въ дѣлахъ Дух. правленія описныя книги Елаб. Троицкаго монастыря 1751 г. въ бытность игумена Виталія.

(5) См. въ архивѣ Елабуж. Духовнаго правленія 1764 г. Авг. 17 указъ объ этомъ, и 1769 Янв. 3 репортъ объ исполненіи.

настыря и бывшего въ зданіяхъ и на развалинахъ Булгара на Волгѣ Успенскаго Болгарскаго монастыря. Именно: свѣдѣній а) о имѣющихся въ томъ и другомъ монастырѣ древнихъ каменныхъ зданіяхъ; б) объ иновѣрческихъ древнихъ надписяхъ, какія встрѣтятся на камняхъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ чрезъ приглашенныхъ Татаръ или другихъ инородцевъ разобрать и перевести на Русскій языкъ, а если сіе будетъ невозможно, то сдѣлать съ нихъ точную копію (facsimile); в) нѣтъ ли гдѣ курьозныхъ древнихъ вещей, какъ-то: костей древнихъ людей или животныхъ и прочаго тому подобнаго? Не извѣстно, что на это отвѣчалъ настоятель Болгарскаго Успенскаго монастыря; а изъ Елабужскаго Троицкаго посланъ былъ репортъ, названный «описью древнему каменному зданію», съ отвѣтомъ и на прочіе пункты. Сей актъ по важности и краткости его, хотя въ концѣ есть и повтореніе, помѣщаемъ здѣсь вполнѣ. «Оный Троицкій монастырь состоитъ близъ Камы рѣки, на высокой горѣ, подъ которою въ рѣку Каму теченіе имѣетъ съ востока мало къ полудню рѣка Тойма. По берегу той самой горы древняго зданія стѣна изъ мелкаго камня дѣланная, длиною двѣнадцать сажень, толщина одного аршина, вышина пять аршинъ. Въ той стѣнѣ съ концовъ и на срединахъ (sic!) три круглыя печуры въ подобіе башни, въ нихъ входы изнутри монастыря, изъ которыхъ одна, что отъ рѣки Камы съ конца, предъ другими выше—четыре аршина, въ коей напредъ сего была церковь во имя *Сошествія Святаго Духа* ⁽¹⁾, сверху покрыта шатромъ деревяннымъ. Въ томъ монастырѣ двѣ церкви, кельи и прочее строеніе и ограда деревянные, все ветхое. Кромѣ вышеписаннаго каменнаго зданія ничего нѣтъ и надписей никакихъ и курьозныхъ древнихъ вещей не имѣется. Въ томъ монастырѣ строеніе двѣ церкви, кельи и прочее, такожь отъ каменныхъ стѣнъ вокругъ монастыря ограда—деревянное все, ветхое ⁽²⁾».

Черезъ два года послѣ сего, въ 1769 г., Елабужское Чертово городище было посѣщено и описано капитаномъ Рычковымъ ⁽³⁾. Описаніе это, за сто слишкомъ лѣтъ предъ симъ сдѣланное и гораздо обстоятельнѣйшее, чѣмъ вышеприведенный репортъ монашескій, для насъ весьма важно. «Близъ пригорода Елабуги на верху крутой горы, говоритъ онъ, находятся остатки древняго города. Съ южнозападной стороны подлѣ самой подошвы горы сея течетъ рѣка Кама, а съ восточной стороны протекаетъ рѣка Тойма, впадающая въ Каму. Хотя не видно тутъ никакихъ другихъ зданій кромѣ каменной стѣны, сдѣланной изъ бѣлаго дикаго камня; но сіе самое тѣмъ большаго заслуживаетъ вниманія: ибо оная стѣна такъ порядочно построена, что ни самая древность не могла еще истребить удивительнаго искусства древнихъ сего мѣста обитателей. Она построена вдоль крутой и почти неприступной горы, и соответствуетъ теченію рѣки Тоймы. Длина еще и донинѣ безвредно стоящей стѣны составляетъ тринадцать, а вышина оная болѣе двухъ сажень, и въ разсужденіи такъ малаго пространства (т. е. и не смотря на столь малое пространство) находятся три круглыя и довольно пространныя башни, которыя выдались изъ стѣны на подобіе полукружія. Изъ нихъ на двухъ верхи не имѣютъ никакого прикрытія, и видно, что изломаны или разрушились отъ продолжительной древности такъ, что они уже равны съ стоящею стѣною: но одна изъ нихъ гораздо возвышенна и покрыта досками, на

(1) Та савал, которая значится въ вышеприведенной описи монастыря 7200 г.

(2) См. въ архивѣ Елабуж. Дух. правленія дѣла 1767 г. № 15. 28.

(3) См. его Журналъ или Дневныя Записи путешествія, Спб. 1770, стр. 50; перепечатано въ Географическомъ Словарѣ Щекатова, Москва 1809, т. 7 стр. 142—146.

подобіе обыкновенной башни. Вокругъ ея находится шесть небольшихъ окошекъ; а внутри палата, величиною и окружностію съ ней равна. Изъ чего, кажется, можно заключить, что въ семь мѣстъ были градскія врата, которыхъ довольно вышины отверстіе и до днѣсь видно, хотя оно и закладено внутрь сей стѣны недавно жившими монахами, и деревянное прикрытіе сей возвышенной башни безъ сумнѣнія сдѣлано руками сихъ новыхъ обитателей. За тѣмъ Рычковъ передаетъ преданія мѣстныхъ жителей о Чертовомъ городищѣ, въ которыхъ смѣшиваются извѣстія о немъ Казанской лѣтописи (Ив. Глазатаго) съ вышеприведеннымъ же мѣстомъ Татарской лѣтописи Шерефа-еддина Булгарскаго. Именно говорится, что по одному преданію въ семь мѣстъ былъ храмъ древнихъ язычниковъ, столь славный своимъ оракуломъ, что народъ отовсюду стекался къ нему для вопрошенія; а по другому, что внутри храма обиталъ ужасной величины змѣй, въ жертву коему жрецы приносили людей, исчезнувшій предъ паденіемъ царства Болгарскаго, что царь Болгарскій, видя приближеніе къ нему съ сѣвера идущихъ непріятелей—Татаръ, тщетно умолилъ и вопрошалъ теперь это божество; не получивъ отвѣта, онъ принужденъ былъ возвратиться въ свой городъ, въ коемъ сдѣлался съ своими подданными жертвою непріятелей. За тѣмъ сообщается еще третье преданіе, будто Темиръ-Аксакъ, разоря многіе закамскіе города, пришелъ и къ сему городищу, котораго мѣстоположеніе такъ ему понравилось, что онъ нѣсколько времени препроводилъ тутъ посреди веселія и покоя, что и самая стѣна была построена имъ же, Темиръ-Аксакомъ, но оставлена имъ неоконченною. Упомянувъ о бывшемъ здѣсь монастырѣ, Рычковъ (стр. 49) замѣчаетъ, что именно монахи стали разрушать внутри ограды стоявшія зданія городища, не могли терпѣть остатковъ храма языческаго, и это подтверждаетъ *превеликими кучами дикаго камня и кирпича*, лежащими посреди монастыря безъ всякаго употребленія. Замѣчательно еще слѣдующее извѣстіе Рыčkова (стр. 50): кромѣ каменной стѣны отъ юговосточной стороны, укрѣпляетъ еще оное городище довольно глубокій ровъ съ *изрядными по немъ валами*, которые, обошедъ вокругъ монастыря, кончатся у весьма крутой долины, изъ которой выходятъ два источника съ весьма пріятною и чистою водою, текущіе по мелкому песку... Не малую красоту сему городищу придаетъ находящаяся внутри означеннаго вала отрошенная и пріятная березовая роща.—Не входя въ объясненіе, какіе народы жили здѣсь и строили городище, съ вѣроятностію впрочемъ Рычковымъ приписываемое Болгарамъ, а не Скиѣамъ, въ заключеніи онъ говоритъ: для меня останется то только несказаннымъ утѣшеніемъ, что я имѣлъ счастье видѣть остатки древностей, которыя возбуждаютъ вниманіе и трудъ какого нибудь человѣка искуснаго. Весьма замѣчательно, что у Рыčkова приложенъ и подробный планъ Чертова городища, каменной стѣны, двухъ церквей, монашескихъ келій и окружающаго вала, даже видъ самой стѣны съ башнями и вала со рвомъ; валъ имѣлъ высоты 2½ аршина, ровъ, изрытый подъ линію вала, глубиною былъ около двухъ аршинъ, такъ что непріятелю съ основанія рва до верха вала предстояло крутизны подъ одну линію около 4½ аршинъ.

Въ 1834 г. былъ на развалинахъ Елабужскаго Чертова городища профессоръ Казанскаго университета Ердманъ, также оставившій описаніе его съ видомъ и планомъ тамошней башни (1). Приведши выписанное нами мѣсто изъ Записокъ Рыčkова

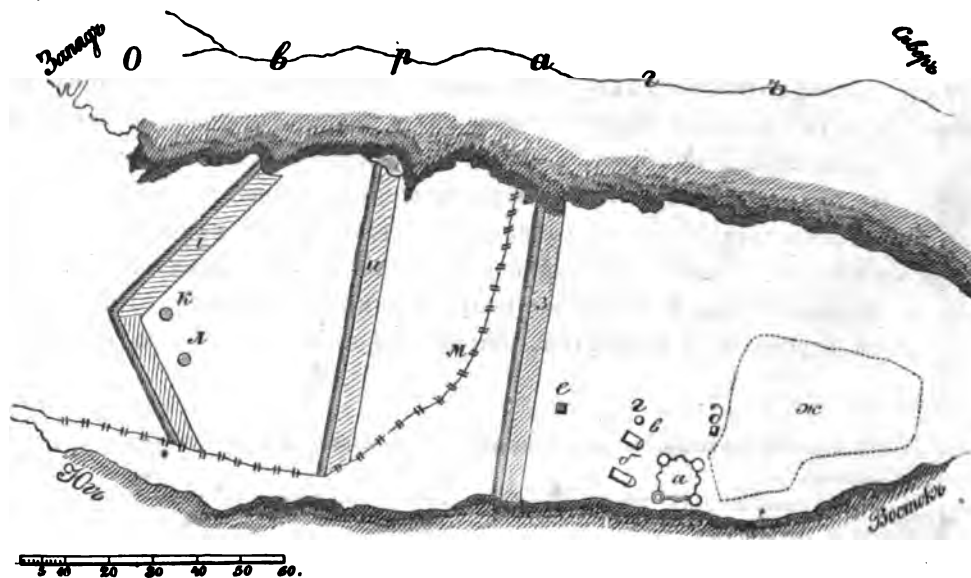
(1) Въ Заволжскомъ Муравѣ № 5 и 6 й. Къ сожалѣнію въ нашемъ экземплярѣ видъ и планъ башни изъ книжки вырѣзаны, и при всѣхъ поискахъ мы нигдѣ не могли ихъ найти.

о двухъ башняхъ, равныхъ со стѣною, и о третьей довольно надъ нею возвышающейся, покрытой сверху, съ 6 окнами, Ердманъ замѣчаетъ, что «отъ двухъ первыхъ башенъ теперь осталось только одно основаніе прочной каменной кладки, немного возвышающееся надъ землею», а что касается до третьей, то на ней «также нѣтъ уже крыши, однакожъ съ сѣверозападной стороны видны ворота, которыхъ верхъ поддерживается на подобіе полукруга высѣченнымъ камнемъ; а надъ оными окно, укрѣпленное вверху двумя дубовыми досками, сомкнутыми подъ тупымъ угломъ; прочія окна, особливо съ западной стороны, уже разрушились, и потому болѣе походятъ на ворота, нежели на окна. Слѣдуя довольно вѣроятному предположенію, башня сія заключала въ себѣ два этажа, потому что и теперь еще во внутренности видно мѣсто, гдѣ изъ бревенъ сдѣланъ былъ накатъ. Она скрѣплена была вложенными внутри стѣнъ довольно толстыми дубовыми бревнами, которыя и по сіе время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще примѣтны. Стѣны впрочемъ въ толщину имѣютъ немного болѣе аршина, но весьма крѣпки. Онѣ стояли бы еще долгое время, если бы не разбивали ихъ безпрестанно безъ нужды или изъ шалости; ибо известъ, смѣшанная съ алебастромъ, такъ затвердѣла, что превратилась въ камень. Башня сія въ поперечникѣ имѣетъ 2 сажени, въ окружности 7 сажень и 2 аршина, а высота ея 3 сажени и 1 аршинъ; комната же (палата) и ворота, о коихъ упоминаетъ г. Рычковъ, не оставили уже по себѣ никакихъ слѣдовъ». Преданіе, записанное г. Рычковымъ, о бытіи на Чертовомъ городищѣ языческаго храма съ оракуломъ или змѣемъ, и о царѣ Болгарскомъ, вопрошавшемъ его и потомъ погибшемъ отъ непріятелей своихъ—Татаръ, до сихъ поръ еще повторяется старожилыми Елабуги, писалъ Ердманъ. За тѣмъ словами Рычкова же онъ передаетъ другое преданіе старожилонъ о Темиръ-Аксакѣ и пишетъ о бывшемъ здѣсь монастырѣ, наконецъ заключаетъ извѣстіемъ изъ Казанскаго лѣтописца о жилищѣ здѣсь оранула, полагая, что по тѣснотѣ мѣста и не могло быть здѣсь города или какой крѣпости. Замѣтимъ, что это мнѣніе, какъ мы сказали уже, отнюдь не вытекающее изъ словъ Казанскаго лѣтописца, противорѣчитъ древнимъ Татарскимъ извѣстіямъ о Елабугѣ, представляющимъ ее городомъ и городомъ знатнымъ, долго противившимся самому Тамерлану. Въ неизданныхъ, но по рукамъ ходящихъ запискахъ Елабужскаго священника Кулыгинскаго на сей счетъ сказано, что если для нѣкоторыхъ къ населенію города на Чертовомъ городищѣ представляются препятствіемъ большіе здѣсь лога (овраги) съ восточной стороны: то надобно замѣтить, что сіи лога суть произведеніе позднѣйшихъ временъ. Вода отъ проливныхъ дождей, никѣмъ и ничѣмъ не удерживаемая, при скатѣ горы къ востоку произвела лога, а (къ западу) берега Камы не имѣютъ логовъ и по мѣстоположенію и удобности здѣсь и къ сѣверу отъ развалинъ можно было помѣститься огромному городу.

Тотъ же священникъ Кулыгинскій, составившій свои записки около 1847 г., такъ говорить о современномъ положеніи развалинъ на Чертовомъ городищѣ: «самыя развалины бывшаго города находятся въ жалкомъ состояніи и не въ томъ видѣ, въ какомъ свидѣтельствовали оныя гг. Рычковъ и Ердманъ. Изъ описанія Рычкова видно, что до Ердмана многое измѣнилось и исчезло... А нынѣ самаго основанія сѣверовосточныхъ башней, равно и стѣны крѣпкой не видно, превеликія кучи дикаго камня и кирпича не замѣтны. Близъ бывшихъ зданій нынѣ находятся пахотныя поля крестьянъ деревни Подмонастырки, огороженные пряслами, но самое мѣсто древнихъ

зданій выгорожено: ибо нельзя оныхъ распахивать по причинѣ фундаментовъ въ землѣ и всюду находящихся дикихъ камней и кирпича. Пыль, наносимая вѣтрами отовсюду, а особенно съ пахотныхъ полей, по времени засыпала землею основанія стѣнъ, башенъ и прочихъ зданій, которыя заросли дерномъ, что служитъ приманкою для однихъ только козъ, которымъ не трудно взбираться на высокій утесъ. Одна только башня, описанная подробно обоими самовидцами, имѣющая въ поперечникѣ двѣ сажени, семь сажень и два аршина въ окружности, а въ вышину три сажени и одинъ аршинъ, оставила также жалкій остатокъ своего существованія. Не болѣе трехъ тому лѣтъ, какъ она отъ небреженія и шалости жителей потеряла три бока (стороны) къ берегу рѣки Камы—къ югу, остались только у ней къ сѣверу ворота и на верху ихъ окна. Въ этомъ положеніи со стороны Елабуги представляетъ она видъ стоящей доски, почему и этотъ остатокъ приближается къ скорому паденію, —и въ нашъ просвѣщенный вѣкъ изгладятся и самыя развалины здѣшняго мѣста, а съ ними вмѣстѣ и названіе Чертова городища: ибо имя безъ предмета исчезнетъ въ памяти народной. Опасеніе это, какъ увидимъ ниже, къ счастью не исполнилось.

Въ концѣ 1855 г. изъ любви къ отечественной археологіи, особенно же къ знаменитымъ памятникамъ своей родины, отъ коей и дымъ, по стиху поэта, намъ сладокъ и пріятенъ, вступили мы въ сношенія съ почтеннѣйшимъ соотчичемъ, нѣсколько лѣтъ бывшимъ градскимъ головою, купцомъ Иваномъ Васильевичемъ Шишкинымъ, человѣкомъ весьма любознательнымъ, начитаннымъ и много лѣтъ занимавшимся Елабужскими древностями. Предметомъ переписки нашей было Чертова городище, и потомъ особенно Ананьинскій Могильникъ, о коемъ ниже слѣдуетъ особая статья. Сынъ этого 80 лѣтняго теперь старца, Иванъ Ивановичъ Шишкинъ, обучавшійся сперва въ Москвѣ, потомъ въ С. Петербургѣ въ Академіи художествъ и для высшаго образованія посланный за границу, бывши на родинѣ въ 1855 г., по просьбѣ нашей, съ помощію родителя своего, тщательно изслѣдовавъ и измѣривъ мѣстность Чертова городища, составилъ намъ а) планъ всей мѣстности Чертова городища, б) видъ Чертова городища съ окрестностями его и в) точный рисунокъ оставшейся части отъ башни городища. Планъ и видъ Чертова городища за симъ представляются при самомъ текстѣ, а видъ оставшейся части башни см. въ числѣ рисунковъ на табл. XI.

Планъ крѣпости на Чертовомъ городищѣ по чертежу г. Шишкина былъ весьма правильный и болѣе или менѣе сообразный съ прочими Татарскими городищами или укрѣпленіями. Крѣпость (см. букву а) по нему была квадратная въ 10 сажень съ сѣвера на югъ и 9 съ востока на западъ, съ четырьмя по угламъ круглыми башнями, и съ четырьмя же между ними полубашнями, въ срединѣ каждой стѣны выдающимися полуциркуломъ. Не совсѣмъ ясны слѣды или основанія этой полубашни съ юго-восточной стороны къ рѣкѣ Тоймѣ; но въ этомъ случаѣ помогаетъ Рычковъ, видѣвшій ясно оныя и положившій ихъ на своемъ планѣ. На сѣверовостокѣ между угловою башнею и слѣдующею полубашнею, равно и на сѣверозападѣ у полуциркуля представляются груды камней и цемента—конечно отъ бывшихъ здѣсь, въ первомъ пунктѣ—стѣны, во второмъ—полубашни. Мѣста двухъ бывшихъ монастырскихъ церквей показаны внѣ этой крѣпости въ нѣсколькихъ отъ нея саженьяхъ на западъ (см. буквы б, в). Сверхъ сего, почти въ параллель сѣверовосточной и сѣверозападной башнямъ, въ одинаковомъ отъ нихъ разстояніи, представляются фундаменты какихъ-то зданій, противъ первой—квадратной формы, противъ второй—круглой (см. буквы г, д), а за ними еще квадратный фундаментъ (см. букву е). Съ югозападной стороны крѣпость ограждена тремя валами и рвами (см. буквы з, и, і) ⁽¹⁾, изъ коихъ первые два идутъ по прямой линіи параллельно одинъ другому, а третій валъ и ровъ въ срединѣ имѣютъ острый уголъ, и въ этомъ углу видны два фундамента такого же матеріала, какъ и прочіе здѣсь фундаменты: вѣроятно, здѣсь была караульная башня и еще что-то (см. буквы к, л) ⁽²⁾. Все почти пространство, ограждаемое первымъ валомъ и рвомъ, усыяно камнями и ничѣмъ не засѣвается, восточная часть его за крѣпостію изрыта: по признакамъ и преданію здѣсь былъ монастырскій садъ и огороды (см. букву ж). А пространство за первымъ валомъ, равно за вторымъ и третьимъ и далѣе на западъ версты на три состоитъ въ поляхъ, засѣянныхъ рожью и огороженныхъ прясломъ (см. оное подъ буквою м). Затѣмъ версты на четыре до села Танайки—сосновый лѣсъ. Несообразность этого новѣйшаго плана со старымъ Рычковскимъ во многихъ отношеніяхъ, еще болѣе симметрія и правильность его и аналогія съ древними Татарскими городищами, весьма изумили насъ и обрадовали; но недовѣряя плану молодаго челоуѣка и своему удовольствію, мы послали оный въ Елабугу вмѣстѣ съ планомъ Рычкова, и просили самого Ивана Васильевича Шишкина тщательнѣе провѣрить планъ сына его, и дополнить, что откроется вновь. «По письму вашему, отвѣчалъ мнѣ на это Иванъ Васильевичъ, и при немъ приложенному чертежу двухъ плановъ Чертова городища я дѣлалъ тщательную повѣрку, бралъ рабочихъ и раскрывалъ фундаментъ стѣны, и нашелъ сходно во всемъ по чертежу сына моего. Не подумайте того, чтобы я въ поддержку сына это дѣлалъ, я знаю важность этого обстоятельства для послѣдствіевъ, гдѣ нужна непремѣнно вѣрность». Затѣмъ объясняется а) что точно крѣпость имѣла такую правильную форму съ 4 башнями по угламъ стѣны и четырьмя полубашнями въ срединѣ; б) что фундаментъ стѣны оказался глубиною 5 четвертей, шириною 4 четверти, камень вообще извест-

(1) Три вала и рва укрѣплено и вышеомянутое Жуковское городище и многія другія Татарскія, описанныя г. Рычковымъ.

(2) Это послѣдній валъ и ровъ такимъ образомъ имѣетъ ближайшее сходство съ однимъ изъ Ундоровскихъ городищъ на р. Волгѣ.

Рис. съ кутура П. И. Шмидта.

Доз чатура.

ВИДЪ ЕЛАБУЖСКАГО ЧЕРТОВА ГОРОДИЩА.

Лит. Д. Гартманъ въ Москвѣ

коватый, цемент рѣшительно во всѣхъ мѣстахъ окаменѣлъ и сдѣлался тотъ же камень, только нѣсколько бѣлѣе; в) церкви на планѣ сыновнемъ правильно поставлены—онѣ отъ башенъ въ близкомъ разстояніи, не болѣе 4 сажень; г) о фундаментахъ и ямахъ противъ СВ и СЗ башенъ замѣчено, что тутъ, надобно полагать, были какія нибудь строенія монастырскія позднія, потому что известка мягкая, старого цемента нѣтъ, кругомъ ихъ лежитъ мелкій камень; д) «валовъ точно три, первый отъ крѣпости въ 34 саженьхъ, и онъ длиною до 60 сажень; второй валъ отъ первого въ 30 саженьхъ, и онъ длиною до 60 же сажень; третій валъ отъ втораго въ 45 саженьхъ и длиною до 70 сажень и онъ—угломъ, въ углу точно видно, было какое-то строеніе; цементъ при немъ окаменѣлый старинный; гдѣ оканчиваются валы,—теперь очень большой оврагъ, и кажется, что они шли и далѣе». Въ планѣ г. Шишкина, такимъ образомъ становящемся теперь несомнѣннымъ, особенно замѣчательно то, что по нему Елабужское городище или крѣпость, не говоря о городищахъ древле-болгарскаго царства, описанныхъ и изображенныхъ въ той же книгѣ Рычкова, имѣло ближайшее сходство съ описаннымъ и изображеннымъ у академика Зуева городищемъ близъ Бѣлграда Курскаго ⁽¹⁾. Это городище (только въ большемъ размѣрѣ) также было квадратное съ четырьмя по угламъ круглыми башнями и между ними полуциркулами, также, какъ Елабужское, къ югу имѣло утесъ, а за нимъ рѣку Сѣверный Донецъ, къ западу безымянный ручей, съ сѣвера окружено было двумя валами и рвами. Оно существовало еще при самомъ началѣ Россіи, до Владиміра святаго ⁽²⁾. Судя по малому размѣру крѣпости на Чертовомъ городищѣ (въ 10 и 9 сажень квадр.), мы предполагаемъ: не былъ ли это только замокъ, городокъ или цитадель города, каковая была и при столицѣ Булгарской—Булгарѣ на Волгѣ, каковою (по крайней мѣрѣ впослѣдствіи) было и вышеупомянутое на Сѣв. Донцѣ городище въ отношеніи къ Бѣлгороду Курскому ⁽³⁾.

Изъ всѣхъ зданій этой крѣпости—замѣчательное обстоятельство—уцѣлѣла только та башня со стороны Камы, т. е. съ югозападной, въ которой нѣкогда былъ храмъ Сочествія Святаго Духа. Она сложена изъ большихъ необдѣланныхъ камней, сцѣпленныхъ цементомъ; внутри ея мелкій щебень и доски, въ которыхъ онъ, вѣроятно, былъ заключенъ; подобнымъ образомъ складены и древнія строенія въ Булгарѣ на Волгѣ, и вообще такъ строились на всемъ мусульманскомъ Востокѣ ⁽⁴⁾. Находимыя на Чертовомъ городищѣ и около него мѣдныя вещи изъ домашняго быта, изображенія барана и другихъ животныхъ, указываютъ на глубокую древность этого мѣста. Объ этихъ находкахъ свящ. Кулыгинскій пишетъ такъ: «времена идолопоклонства оставили здѣсь памятники въ землѣ, которые были находимы въ разные времена близъ города Елабуги. Въ поляхъ крестьяне выпаживали изъ земли мѣдныя большіе топоры и ножи, которые, конечно, служили жрецамъ при ихъ жертвоприношеніяхъ; ибо таковыя въ домашнемъ быту не могли быть въ употребленіи. Однажды нашли они въ землѣ на мѣдномъ блюдѣ ⁽⁵⁾ довольно большое мѣдное изображеніе животнаго похожаго на барана, кромѣ головы, которая какъ будто похожа на змѣину. Крестья-

(1) Путешественныя Записки отъ С. Петербурга до Херсона, Спб. 1787, стр. 175. слич. рисунокъ № 4.

(2) Энциклопед. Лексиконъ, изд. Плюшара, Спб. 1876, т. 7. стр. 511.

(3) Энциклоп. Лексиконъ тамъ же.

(4) Березина: Булгаръ на Волгѣ стр. 14.

(5) Не было ли это круглое металлическое зеркало?

яне отдавали ихъ въ переливку на подсвѣчники или на колокольцы къ дугамъ, и одинъ изъ таковыхъ мастеровъ старикъ сказывалъ, что онъ много подобныхъ древнихъ вещей переформировалъ на новый ладъ, по желанію просителей. Не далеко отъ бывшаго капища (на Чертовомъ городищѣ) въ полѣ крестьяниномъ найдено было изображеніе животнаго, малое вершка въ полтора; хотя оно отдѣлано было весьма чисто изъ стали или вылито изъ чугуна, но трудно разобрать, какое животное оно представляло: голова похожа на змѣину, а прочія части на барана; внизу вмѣсто ногъ были сдѣланы кольчики, которые при взятіи въ руки другъ о друга бречали. Изображеніе это, находясь въ землѣ, разумѣется не одинъ вѣкъ, нисколько не пострадало отъ времени, и, какъ рѣдкость, находится теперь въ Казанскомъ Университетѣ. Если это дѣйствительно такъ: то точно баранъ съ древнѣйшихъ еще временъ между прочимъ служилъ предметомъ религіознаго почитанія язычниковъ, и въ этомъ смыслѣ изображенія барана часто встрѣчаются и въ Сибирскихъ древностяхъ, какъ то и другое мы покажемъ въ нижеслѣдующей статьѣ объ Ананьинскомъ Могильникѣ, куда мы теперь и отсылаемъ читателей.

Симъ оканчиваются извѣстія наши о Елабужскомъ Чертовомъ городищѣ. Прибавимъ къ этому еще то, что граждане Елабужскіе, видя постепенное разрушеніе и послѣдней, оставшейся башни, въ 1867 г. по инициативѣ и старанію Ив. Вас. Шипкина возстановили ее въ первоначальный видъ. Три стороны этой башни, какъ мы видѣли и изъ описанія ея свящ. Кулыгинскимъ въ 1847 г., уже въ то время не существовали, а оставалась только одна сѣверная часть съ воротами, и надъ ними окномъ. Эти отвалившіяся стороны были вновь построены изъ кирпича на прежнемъ основаніи и соединились въ одно и подъ одинъ уровень съ оставшеюся въ первоначальномъ видѣ сѣвѣрною частію, и гребень во всю окружность башни покрытъ желѣзомъ. При этомъ со стороны Камы въ башню вложили чугунную доску съ слѣдующею надписью: «сей древнѣйшій памятникъ до разрушенія не допущенъ, возобновленъ Елабужскими гражданами въ 1867 году». Эта возстановленная башня, на высокой горѣ, издалека обращаетъ на себя взоры.

Дополненіе объ Арбухимскомъ городищѣ.

(къ стр. 37).

Когда уже печаталось объ этомъ городищѣ, находящемся Симбирской губерніи, Сингилеевскаго уѣзда близъ села Кріушъ, по просьбѣ нашей мы получили въ письмѣ отъ священника сего села Θεодора Смирнова довольно обстоятельное описаніе бывшаго тамъ городища, каковое и рѣшили мы помѣстить здѣсь въ качествѣ дополненія къ прежнимъ нашимъ скуднымъ о немъ извѣстіямъ. «Около села Кріуши—пишется въ письмѣ—два мѣста носятъ названіе городковъ: одинъ городокъ между селами Кріушей и Панской слободой, а другой на рѣчкѣ Арбугѣ при впаденіи оной въ рѣчку Тушонку. Народное преданіе даетъ имъ названіе *Татарскихъ*. Онъ перваго городка,

что между Кріушей и Панской слободой, остались ровъ и валъ саженъ на 100 вдоль озера Кріушки, а на мѣстѣ втораго, что на рѣчкѣ Арбугѣ, видны два рва, параллельно идущіе на западъ отъ Арбуги саженъ на 150,—по крайней мѣрѣ теперь столько замѣтно. Пространство между рвами—сажени три, и имѣетъ возвышеніе; вѣроятно, эта насыпь была сдѣлана при рытіи рововъ. Рвы осыпаются уже въ рѣчку Арбугу. Здѣсь находили много металлическихъ и глиняныхъ вещей, изъ коихъ первыя относились къ оружію, конскому украшенію и проч., а послѣднія къ домашнему употребленію. Изъ вещей металлическихъ что нибудь я не могъ ни у кого отыскать: все годное крестьянами передѣлано на вещи для домашняго употребленія, негодное заброшено, а глиняныя вещи тѣмъ болѣе не сберегались.—Земля, занимаемая обочинами городками, самаго худаго качества, какая бываетъ, по словамъ крестьянъ, послѣ перегорѣвшаго навоза: трухлява и суха, какъ зола, и потому не плодородна⁽¹⁾. Городокъ между Кріушей и Панской слободой, вѣроятно, есть только продолженіе этого городка Арбужскаго, такъ какъ разстоянія между ними не болѣе одной версты и разделяются они нынѣ только однимъ селомъ Кріушей, если не считать рѣчки Тушонки.—Городокъ на Арбугѣ съ востока защищенъ глубокимъ оврагомъ, по которому течетъ рѣчка Арбуга, а за нимъ тотчасъ же поднимается весьма высокій хребетъ Арбуженскихъ горъ; на вершинѣ ихъ, противу самого городка, виденъ валъ саженъ 6-ти (здѣсь и хребетъ горы не шире 6-ти саженъ, слѣдовательно валъ пересѣкаетъ поперечно всю гору), и около его нѣсколько ямъ, каждая саженъ по 10-ти въ окружности. Вѣроятно, это было сторожевое мѣсто, откуда въ извѣстныхъ случаяхъ давали сигналъ въ городъ. Для сторожевой стоянки нельзя пріискать болѣе лучшаго мѣста, какъ это: отсюда открывается видъ во всѣ стороны на необозримое пространство, а внизу широкою, исчезающею въ дали, лентой извивается Волга. Всѣ эти горы, по сказанію старожиловъ, покрыты были прежде сосновымъ лѣсомъ, корни коего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сохранились доселѣ.—Недалеко отъ городка есть на Арбуженскія горы взвозъ, извѣстный въ народѣ и доселѣ подъ именемъ *Татарскаго*. Въ полугорѣ при этомъ взвозѣ находили много человѣческихъ костей, отъ чего можно заключать, что здѣсь было кладбище, что и народная молва подтверждаетъ.—Вы пишете, что Олеарій отъ Симбирскаго городища переплылъ черезъ три мели, одну передъ горою, а двѣ другія позади горы Арбухимъ, и спрашиваете: какая это должна быть гора Арбухимъ?—Это именно гора близъ Кріушъ, которая прямо начинается высочайшими отрогами. А старожилы рассказываютъ, что передъ горой на мѣстѣ нынѣшней Волги дѣйствительно протекалъ неглубокій рукавъ отъ нея, черезъ который переходили пѣшіе на островъ, самая же Волга текла другимъ берегомъ близъ Кайбелы. Рѣчка Арбуга (о которой также спрашиваете) течетъ по очень глубокому оврагу при подошвѣ Арбуженскихъ горъ съ западной стороны оныхъ: теченія ея не болѣе 12-ти верстъ, вода въ Арбугѣ чиста, пріятна на вкусъ и здорова.—При письмѣ приложенъ и планъ обоихъ городковъ и всей окружающей мѣстности, который теперь

(1) Подобная почва оказывается и подъ Жукотинскимъ городищемъ (см. г. Артемьева статью «Древній Болгарскій городъ Жукотинъ» въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ дѣлъ 1851, Января книга 1 стр. 57 и слѣд.) равно и подъ развалинами Сарая, бывшей столицы Золотой орды (см. Терещенки «Археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая», въ Запискахъ Археологическо-этнографическаго Общества т. 2., Спб. 1850, стр. 388. 392. 394. 402). По этому заключаютъ, что оба города были истреблены огнемъ непріятельскимъ. Видно, той же участи подвергся и сей городъ Арбухимъ.

отлитографировать не было уже времени. Сверхъ сего священникъ весьма обязательно хотѣлъ собрать и сообщить свѣдѣнія о недавно найденномъ денежномъ кладѣ въ самомъ селѣ Кріушахъ, очевидно, входившемъ въ черту Арбухимскаго города, и прислать самыя монеты, какія удастся приобрести.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе	1.
I. Городища по Волгѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ:	
1. Булгаръ на Волгѣ	3.
2—5 Городища Маннское, Кокрышское, Балымерское и Утѣинское по рр. Утѣѣ и Майнѣ, и нѣкоторыя другія	20.
6—9 Городища Кандалинское, Чибашское, Камкинское и Билярское, съ нѣкоторыми другими	22.
10. Городище близъ Тетюшъ	25.
11. Ундорскія городища	26.
12. Симбирское городище	30.
13. Арбухимское и другія городища	35.
14—15 Городища по рр. Бушуйкѣ и Черемшанѣ съ нѣкоторыми другими	39.
16—20 Городища на Самарской Луцѣ—близъ селеній Усоля, Валовъ и Шелехмети, между Переволокою и Печерскимъ и Костычевское	41.
II. Городища по Камѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ:	
21. Городище Чалыинское	51.
22. Городище Ташъ—Кирменское	53.
23. Жукотинское городище	—
24. Елабужское Чертово городище	56—74.

АНАНЬИНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ

БЛИЗЪ ГОРОДА ЕЛАБУГИ.

Кап. Невоструева.

МОСКВА.

Въ Синодальной Типографіи, на Никольской улицѣ.

1871.

Перепечатано изъ Трудовъ 1-го Археологическаго Съѣзда.

АНАНЬИНСКІЙ МОГИЛЬНИКЪ.

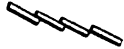
(Вятской губерніи, близъ города Елабуги).

К. И. Невоструева.

Въ отрывкахъ изъ Булгарскаго лѣтописца XVI в. Шерефъ-едина, помѣщенныхъ въ Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1852 г., въ № 45-мъ между прочимъ читается, что Тимуръ-Аксакъ, взявъ и разоривъ Суддумъ-Елабужское Чертово городище, *посѣтилъ могилы послѣдователей (Магомета), находящіяся на устьѣ Тоймы* (1). Слова эти обратили на себя особенное наше вниманіе, и, прочитавъ ихъ, въ декабрь 1855 г. мы писали въ Елабугу къ просвѣщенному и благоснисходительному корреспонденту нашему, знатоку Елабужскихъ древностей Ивану Васильевичу Шишкину (2): не указываетъ ли преданіе и нѣтъ ли какихъ признаковъ и памятниковъ существовавшаго при устьѣ Тоймы или гдѣ по близости древняго Татарскаго или другаго кладбища, насыпи или кургана? Г. Шишкинъ отвѣчалъ, что «рѣка Тойма впадаетъ въ Каму при подошвѣ той самой горы, на коей стоитъ Чертово городище, и что здѣсь никакихъ признаковъ бывшаго какого либо кладбища нѣтъ, а есть-де какое-то старое кладбище отъ Елабуги верстахъ въ пяти (на юго-востокъ), а отъ деревни Ананьиной и рѣки Тоймы съ версту, которое и донинѣ называется Могильникомъ, и сказывали, что прежде на немъ вырывали камни, полагательно надгробные, съ надписями ли—неизвѣстно; жители развозили эти камни по домамъ». Соображая, что рѣка Кама, какъ гласитъ темное преданіе, протекая нѣкогда подъ самымъ городомъ Елабугой, могла быть по этому гораздо ближе къ деревнѣ Ананьиной и тамъ принимать въ себя Тойму, мы заинтересовались Могильникомъ, и просили отъ нашего благосклоннаго корреспондента дальнѣйшихъ о немъ извѣстій. Г. Шишкинъ обѣщавъ въ удобное время осмотрѣть Могильникъ, и слѣдующею (1856 г.) весною, пріобрѣтши нѣсколько мѣдныхъ, какъ онъ писалъ, вещей, отмытыхъ въ Ананьинскомъ Могильникѣ тогдашнею высокою водою, весьма обязательно переслалъ онныя къ намъ. Вещи эти были не мѣдныя собственно, а смѣшанныя съ другимъ еще металломъ—бронзовыя, и были слѣдующія: 1) длинный пруть, согнутый въ кругъ, или жгутъ, съ петлею на одномъ концѣ для зацѣпки другаго, 2) такъ называемый кельтскій топорикъ, 3) долото къ острію полукруглое, 4) видъ бараньей головы, служившей можетъ быть

(1) Мѣсто сіе вполне приведено въ предыдущей статьѣ нашей о Булгаро-казанскихъ городищахъ, именно въ извѣстіяхъ о Елабужскомъ Чертовомъ городищѣ, стр. 578.

(2) См. о немъ выше, тамъ же стр. 589—590. Въ настоящемъ году г. Шишкинъ издалъ составленную имъ «Исторію города Елабуги».

украшеніемъ, 5) продолговатая полукруглая подвѣска или серьга, 6) длинная желобоватая бляха, и 7) конскія удила желѣзныя, тогда какъ всѣ прочія вещи—мѣдныя или точнѣе бронзовыя. «На Могильникѣ, писалъ мнѣ при этомъ г. Шишкинъ, примѣтно были похоронены люди кто нибудь изъ лучшихъ. Здѣсь видны два кургана, на одномъ изъ нихъ и камень былъ найденъ. Я намѣренъ въ нихъ порыться». При письмѣ приложенъ былъ чертежъ всей мѣстности. Помянутыя, присланныя намъ г. Шишкинымъ, бронзовыя вещи обратили на Могильникѣ, относящійся по нимъ къ глубокой древности, все наше вниманіе, такъ что мы, снабдивъ Ивана Васильевича извѣстными Русскими по части раскопокъ сочиненіями, усиленно просили его, достаточно по нимъ приготовясь, дѣйствительно произвести, если можно, раскопку Ананьинскаго Могильника. Однако же общее наше желаніе въ томъ 1856 году встрѣтило препятствіе со стороны мѣстныхъ жителей, удѣльныхъ крестьянъ, которые не дозволяли Шишкину произвести и малѣйшія раскопки. Это побудило его обратиться къ Удѣльному начальству,—и дѣло отложено было до слѣдующей весны. Мы присылали новыя сочиненія по части археологій и въ особенности разрытія кургановъ и давали совѣты, тщательнѣе изучать ихъ и самую раскопку производить съ крайнею осторожностію и наблюдательностію. Когда управляющій Удѣльною конторой, не объясняя причины, весною отказалъ г. Шишкину въ дозволеніи раскопокъ, а между тѣмъ самъ своими людьми, безъ надлежащихъ свѣдѣній и правилъ, а потому и безъ результатовъ, въ Ананьинскомъ Могильникѣ рылъ яму аршина въ четыре: то г. Шишкинъ (отъ 21 апрѣля) весьма разумно просилъ насъ употребить стараніе, чтобы дѣло раскопки поручено было кому либо изъ членовъ Археологическаго Общества. Посему мы и обратились письменно къ покойному Павлу Степановичу Савельеву, объясняя ему важность Ананьинскихъ кургановъ и бесполезность для науки удѣльныхъ раскопокъ. Последнее подтвердилось вторичными столь же беспорядочными и безуспѣшными разрытіями со стороны удѣльной: «въ разныхъ мѣстахъ они изрыли землю, писалъ намъ И. В. Шишкинъ отъ 1 іюля, и опять въ нѣкоторыхъ зарыли и все перемѣшали, и будто бы нашли нѣсколько вещей.... я непременно къ депутату съѣзжу и узнаю подробно, какія вещи найдены и какъ нашли; и если бы привелось мнѣ разрывать, то постараюсь указаннымъ порядкомъ это дѣлать, не торопясь. Курганы не то что высокіе, а они низкіе и какъ будто срытые, или такого разряда, какъ и у Фундуклея показаны (подъ N 3-мъ). Ихъ два: на одномъ найденъ былъ камень, но мнѣ желательно узнать на другомъ-то нѣтъ ли такового. Удѣльные хотя и на немъ вырыли яму, но небольшую, и не могли, можетъ, потрафить на камень. Въ этихъ курганахъ примѣтно было кладбище: вырываются угли, согнившее дерево и плиты каменные, наложенныя другъ на друга такимъ порядкомъ ». Но П. С. Савельевъ, съ сочувствіемъ отозвавшись о важности указываемыхъ и предлагаемыхъ ему раскопокъ, по другимъ своимъ занятіямъ не нашелъ возможности самъ приступить къ нимъ или исходатайствовать у Археологическаго Общества назначеніе на это другаго какого нибудь лица, а отложилъ дѣло впредь до удобнаго времени; но вскорѣ за тѣмъ скончался. При такомъ неопредѣленномъ положеніи пропущено было и это лѣто 1857 г. и раскопки отложены до будущаго года. Между тѣмъ къ чести И. В. Шишкина замѣтимъ и это—онъ дѣлательно старался разузнать и приобрести отъ Татаръ на ихъ языкѣ рукописи о царствахъ Болгарскомъ и Казанскомъ и сдѣлать точныя снимки съ Татарскихъ, въ Елабужскомъ уѣздѣ, надгробныхъ памятниковъ,—и, сколько могъ достать, Ив. В.

благосклонно сообщилъ намъ двѣ таковыхъ рукописи и два снимка, и сверхъ того нѣкоторыя вновь прибрѣтенныя имъ вещи изъ находокъ въ Ананьинскомъ Могильникѣ. Обѣ помянутыя Татарскія лѣтописи препровождены были нами въ Спб. въ Императорскую Академію наукъ, и одна изъ нихъ оказалась спискомъ съ Булгарской лѣтописи Шерефъ-едина, изъ коей выписки помѣщены Березинымъ въ Булгарѣ на Волгѣ стр. 82—90; о судьбѣ другой Татарской лѣтописи, составленной 992 г. гиджры (отъ Р. Х. 1584), изъ коей мы, какъ и изъ предъидущей, заимствовали извѣстіе о Елабугѣ ⁽¹⁾, доселѣ мы ничего не знаемъ. Сообщены были извѣстія (но не болѣе) о существованіи у Татаръ и другихъ какихъ-то лѣтописей. Кстати объ этомъ: недавно писалъ мнѣ изъ Мамадышъ (Каз. губ.) нѣкто Д. В. Хлѣбниковъ, хорошо знающій Татарскій языкъ, что у одного тамошняго знакомаго ему муллы есть какая-то дорогая лѣтопись Эль-бракъ тауѣарихъ (т. е. Исторія объ ослицѣ Борахъ). Здѣсь повѣствуется о началѣ Іерусалима, о происхожденіи этой ослицы Борахъ, на которой Магометъ якобы возносился въ одну ночь изъ Іерусалима на седьмое небо ⁽²⁾, объ Александрѣ Македонскомъ и о построеніи имъ разныхъ городовъ, о взятіи Тамерланомъ Юнанъ-Адріоновыхъ (?) городовъ—Сюдума и Булара (т. е. Булгара), и объ этомъ Адріонѣ, побросавшемъ несмѣтныя богатства въ озеро, находящееся недалеко отъ означеннаго Булгара въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи и пр. У Елабужскихъ Татаръ главнымъ образомъ я самъ искалъ, но тщетно, упоминаемой Арабскими писателями лѣтописи: «Тарихъ Булгаръ»—Исторіи Булгара, каковую составилъ будто бы во второй половинѣ XII вѣка кадій города Булгара Якубъ-ибнъ-Номанъ ⁽³⁾. Что касается до вышеозначенныхъ, доставленныхъ мнѣ, двухъ снимковъ съ подписей на надгробныхъ Татарскихъ памятникахъ: то оба они, одинъ изъ деревни Тураевой въ 40 верстахъ отъ Елабуги (вверхъ по Камѣ), другой близъ села Мещерякова въ 30 верстахъ, оказались недревними (XVI вѣка) и неважными. Между тѣмъ я посылалъ еще нѣкоторыя пособія и руководства къ задуманному нами важному предпріятію разрытія древнихъ кургановъ. Но Вятская Удѣльная контора весною 1858 г., снова отказавъ въ раскопкѣ г. Шишкину, поручила произвести оную своему чиновнику г. Алабину. Онъ, въ іюнѣ прибывъ на мѣсто, пригласилъ въ соучастіе къ себѣ и г. Шишкина. И надобно отдать честь тому и другому, что они, запасшись означенными руководствами по курганной части, тщательно и осторожно вели дѣло «съ Фундуклеемъ въ рукахъ», какъ писалъ мнѣ г. Шишкинъ, все наблюдали, записывали и соображали. Г. Алабинъ составилъ обстоятельную (хотя не вездѣ точную и удовлетворительную) Записку объ этой раскопкѣ и найденныхъ вещахъ, которая и отпечатана въ Вѣстникѣ Географическаго Общества 1860 № 6. Изъ этой Записки и нарочитаго о томъ же ко мнѣ письма г. Шишкина оказывается, что изъ вышеозначенныхъ двухъ кургановъ на Ананьинскомъ Могильникѣ приступлено было къ раскопкѣ большаго кургана, имѣющаго въ окружности 219 шаговъ, высоты черезъ верхъ отъ основанія 15—20 шаговъ, въ отвѣсѣ нѣкоторыя мѣста имѣютъ до 3 аршинъ. Издревле и до нашихъ почти временъ, говоритъ Алабинъ, вокругъ холма росли высокія деревья—обыкновенной въ тамошней мѣстности осоко-ри (родъ тополя) и на вершинѣ его, по увѣренію старожиловъ, были большіе кам-

(1) См. въ предъидущей статьѣ О городищахъ стр. 577—579.

(2) Слич. въ Herbelot Orientalische Bibliothek: Borak.

(3) См. Плюшара Энциклоп. Лексиконъ т. 7, стр. 295: Булгары.

ни, яко бы съ какими-то знаками или письменами. Изъ того, что нѣкоторые скелеты находились въ незначительной отъ поверхности глубинѣ, г. Алабинъ заключаетъ, что курганъ, ежегодно затопляемый разливомъ Камы, прежде былъ несравненно выше. Мы думаемъ, что это замѣчаніе напрасно. Какъ увидимъ ниже, въ бронзовый періодъ, къ коему относится нашъ Могильникъ, курганы вообще были не высоки; таковы и Кіевскія могилы у Фундуклея подъ № 3, съ коими Ананьинскій имѣетъ близкое сходство ⁽¹⁾. При раскопкѣ въ самомъ началѣ кургана (со стороны деревни Ананьиной) подъ слоемъ земли изъ чистаго и рыхлаго чернозема (въ 3 четверти аршина) оказался круглый валъ (въ 28 шаговъ окружности), съ южной стороны коего было большое отверстіе или выходъ (въ 9 шаговъ). Онъ обложенъ въ два и три ряда, безъ всякой смазки; каменными необдѣланными плитами, шир. четверти въ 3 и 4, толщины вершка въ 2 и 3, лежащими, какъ выше показано, косвенно ребромъ одна на другой. Внутри этого вала или круга было довольно пережженной земли, такой же глины и угольевъ, и оказалось три положенныхъ скелета. Отъ этого каменнаго вала раскопка шла вдоль по всему кургану на пространствѣ (по письму г. Шишкина) 28 сажень, глубокою и широкою (въ 3 аршина) канавою. Черезъ 13 сажень отъ круга копающіе, по словамъ г. Алабина, наткнулись на каменную гряду или такую же насыпь, сдѣланную поперекъ кургана и обложенную каменными плитами, потомъ въ полусаженіи оказалась другая, параллельная ей, только гораздо короче, такая же каменная гряда, а за нею обнаружилась каменная стѣна не болѣе аршина толщины ⁽²⁾. За симъ курганъ заключался такимъ же круглымъ валомъ, покрытымъ каменными плитами, какъ и начальный, только онъ былъ поменьше и отверстіемъ обращенъ совсѣмъ въ противоположную сторону—къ сѣверу. . Впрочемъ на аршинъ отъ него оказался еще каменный одръ, а за нимъ каменный же помостъ изъ большихъ плитъ, сложенныхъ одна на другую и покрывавшихъ скелетовъ. На всемъ этомъ пространствѣ, отъ перваго до послѣдняго круга, и нѣсколько еще за нимъ, найдено 46 или точнѣе 48 скелетовъ.

Изъ описанія ихъ у г. Алабина сдѣлаемъ анализъ.

1. Весьма ясно, что у народа, предавашаго своихъ покойниковъ Ананьинскому Могильнику, употреблялось обыкновенное въ древнихъ временахъ трупосожженіе. Внутри начального каменнаго круга оказался твердый слой будто пережженной земли, толщиною въ югозападной части не болѣе четверти, а въ сѣверной около аршина и подъ нею почти на два аршина таковой же глины, составлявшей поѣтому какъ будто возвышеніе; въ южной части нашлись и остатки человѣческихъ костей, именно отъ костяка I полуистлѣвшія кости рукъ и ногъ и перегорѣлаго черепа, отъ костяка II слѣды костей же, при костякѣ III разбросаны были уголья, а изъ-подъ него торчало превратившееся въ уголь бревно. Всѣ три костяка лежали восточнѣе вышепом. возвышенія изъ обожженной глины. Подлѣ круга близъ IV костяка также найденъ въ значительномъ количествѣ уголь и притомъ такой величины, что нѣко-

(1) Обзорніе могилъ, валовъ и городищъ Кіевской губерніи, Кіевъ 1848, стр. 61.

(2) Г. Шишкинъ, напротивъ, замѣчаетъ въ письмѣ, что этими плитами были обложены не какія нибудь собственно насыпи, такъ чтобы можно было допустить двѣ каменные гряды, а только ими прикрывались самыя гробницы или скелеты, а каменною стѣною ограждались отъ прочихъ.—Что же касается до грота подъ этою стѣною, о коемъ пишетъ и самъ однако сомнѣвается г. Алабинъ (стр. 107), то г. Шишкинъ совершенно это отвергаетъ.

торые уголья длиною были яко бы болѣе аршина, а въ диаметрѣ до 10 вершковъ, а за тѣмъ обнаружился и костеръ, сложенный изъ огромныхъ бревенъ, совершенно превратившихся въ уголь; у самого этого костра, а частью и на немъ открыта группа изъ трехъ костяковъ. Костякъ XVIII лежалъ на голой землѣ, но такъ твердой и мелкой, какъ земля, на которой былъ разложенъ большой костеръ, долго пылавшій, и въ разныхъ мѣстахъ при скелетѣ были сожженыя человѣческія кости. То же сказано о костякахъ XIII, XXIX, XLI, XLII. Далѣе, гдѣ былъ сложенъ XX-й костякъ, также сперва найденъ въ большемъ количествѣ уголь, а потомъ открытъ какъ бы одръ, сложенный изъ угля сгорѣвшихъ бревенъ и большихъ кусковъ дерева, изъ которыхъ многіе стояли торчмя: этотъ угольный помостъ, толщиною до 3 четвертей аршина, былъ сверху хорошо выравненъ и покрытъ тонкимъ слоемъ земли или пепла толщиною не болѣе вершка. Подъ остатками костяка XXXII близъ вышепоминутной первой каменной гряды оказалось много уголья также сложенного въ костеръ, вмѣстѣ съ горѣлыми и неразвалившимися еще бревнами; земля подъ костякомъ была чрезвычайно крѣпка, видимо перегорѣлая. Тамъ же близъ костяка XXXIV (должно быть XXXIII) земля оказалась изсѣра-черною, а близъ другаго XXXV (должно быть XXXIV)—нѣсколько пережженныхъ костей человѣческихъ. Подъ слѣдующею за тѣмъ каменною стѣною также много было чрезвычайно рыхлой черной земли, будто смѣшанной съ золою или прахомъ, судя по его изсѣра-черному цвѣту. Головы скелетовъ IX—XI не сохранились въ томъ видѣ, какъ у другихъ костяковъ; остовы состояли изъ незначительнаго числа обугленныхъ костей; въ ногахъ костяка XIV лежало грудю нѣсколько обуглившихся костей и полусгорѣлый черепъ; при костякѣ XXVII найдены вещи № 102—105 съ видимыми признаками огня.

2. То же трупосожженіе показываютъ находящіеся при костякахъ большіе и маленькіе горшки съ человѣческимъ пепломъ. Подъ головою костяка I въ вещахъ подъ № 6-мъ найденъ горшокъ, развалившійся отъ прикосновенія, наполненный изсѣра-черною рыхлою землею, какъ будто смѣшанною съ золою и перегорѣвшимъ человѣческимъ прахомъ. У праваго бока костяка III подъ № 16 нѣсколько узорчатыхъ черепковъ отъ разбившагося горшка, тоже при скелетахъ IV, V—VII (№ 21), VIII, IX—XI, XXIII (№ 90 горшокъ узорчатый), XXVIII (горшокъ № 106 въ ногахъ и другой № 108 у праваго бока), XXIX (№ 114), XXXIV (чит. XXXIII у головы—горшокъ), у XLII въ изголовьѣ маленький горшечекъ, а у праваго бока большой, XLIII (должно быть XLIV—съ большимъ горшкомъ въ ногахъ и маленькимъ въ изголовьѣ), XLVI (у лѣваго бедра). При скелетѣ XIII найденъ (№ 40) горшокъ въ ногахъ, толстый, развалившійся отъ прикосновенія, въ прахъ его наполнявшемъ—маленькая сожженная косточка (№ 41), равно и при XLIII горшокъ совершенно раздавленный, въ рыхлой землѣ, которою онъ видимо былъ наполненъ, найдено двѣ птичьи (?) косточки, величиною каждая съ маленькую булавочку, при скелетѣ XLI головы не было, а вмѣсто ея стоялъ горшокъ (№ 131) наполненный изсѣра-черною землею, въ ногахъ маленький горшечекъ, и въ немъ мѣдное колечко (№ 132). У скелета XX (котораго полное описаніе представлено ниже особо) въ разныхъ мѣстахъ найдены три большіе горшка одинъ въ другомъ, наполненные изсѣра-черною сухою землею съ нѣсколькими обуглившимися маленькими костями и семь маленькихъ горшечковъ. Маленькіе горшечки значатся также при скелетахъ V—VI (№ 23) маленький горшечекъ, вѣроятно, слезница, на груди маленькаго костяка, IX—XI (№ 31) ма-

ленькій горшечекъ—слезница, при XXIV (92) въ головахъ большой, раздавленный горшокъ. съ рыхлою черною землею, въ ногахъ (№ 93) маленький горшечекъ—слезница съ такою же землею, тоже при скелетѣ XLII (должно быть XLII а) № 138 139, при скелетѣ XXVII у лѣваго бока найденъ (№ 100) узорчатый горшечекъ, особой отъ другихъ формы, шире въ основаніи и уже къ верху.

3. Большая часть скелетовъ лежали на голой, твердой и, очевидно, пережженой землѣ I—III. VIII—XI. XVIII. XXIX. XL—XLII, нѣсколько въ рыхломъ или твердомъ обожженомъ черноземѣ II. XIII. XXX, нѣкоторые, вѣроятно, особенно знатные и богатые, были положены на особенныхъ, нарочито устроенныхъ изъ обгорѣлыхъ бревенъ, могильныхъ одрахъ или каменныхъ ложахъ № XX. V—VII XLII (д. б. XLII а). Другіе костяки или вѣрнѣе отдѣльныя головы были положены на каменныхъ плитахъ: XII (голова на двухъ каменныхъ плитахъ?), XXI XXII (двѣ головы безъ другихъ костей—на двухъ плитахъ), XXIII (костякъ положенный на камняхъ и какъ бы обложенный камнями), XXV (голова съ нѣсколькими костями на двухъ камняхъ), XXVI (голова на нѣсколькихъ камняхъ?), XXXIV (костякъ лежащій только головою на каменной плитѣ, а туловищемъ на голой землѣ), XXXIX (голова на камнѣ). Замѣчательно, что четыре головы XXXV—XXXVIII между вышепомянутыми двумя поперечными каменными грядами и пятый черепъ близъ костяка XLII а, найдены не положенныя, а поставленныя на камняхъ.

4. Отъ положенныхъ скелетовъ вообще представляются однѣ только твердыя и большія кости рукъ и ногъ, да черепы перегорѣлые; мелкихъ костей вовсе не видно. Исключеніе видно только на одномъ или двухъ покойникахъ. Отъ скелета № XIX сохранились ребра, а также и другія части тѣла—позвонки хребта, лопатки, развалившійся таазъ, тоже отчасти см. въ костякахъ XXXV (чит. XXXIV); мелкихъ же костей, по замѣчанію г. Алабина, какъ-то пальцевъ и тому подобнаго не было и у этого XIX костяка. Но и мелкія кости, именно отъ пальцевъ, найденныя нами лично въ Ананьинскомъ Могильникѣ, мы имѣемъ въ собственномъ владѣніи. Какъ эти кости, такъ и кости скелета XIX не имѣютъ никакого признака огня, и угля близъ него не оказалось. Голова его туго была набита мелкою черною землею, подобно и всѣмъ другимъ здѣсь найденнымъ черепамъ (см. сказанное о скелетѣ XIX, равно и V—VII).

5. Черепъ покойника XIII имѣетъ рану отъ удара какимъ-то острымъ орудіемъ—саблею или топоромъ; у скелета XXIV на затылкѣ черепъ также по видимому пробитъ; у другаго костяка XLI совсѣмъ не нашлось головы, если не истребилась она какъ нибудь или при раскопкѣ не ускользнула отъ вниманія; одинъ костякъ XLIII за послѣднимъ уже каменнымъ кругомъ найденъ совершенно раздавленнымъ каменными плитами.

6. Скелеты лежали безпорядочно въ разныхъ слояхъ земли и въ разныхъ степеняхъ глубины отъ поверхности, нѣкоторые не болѣе какъ на одну четверть II. IV, и лежали по одиночкѣ и по два и по три и по пяти вмѣстѣ, см. V—VII. IX—XI. XIII. XIX. XXIV. Большею частію они лежали головами на сѣверъ, ногами на югъ (и нѣкоторые лежали навзничъ) I. V—VII. XIII. XXXII. XLVI; два скелета подъ № XIX напротивъ обращены лицомъ и ногами на сѣверъ, головы же лежали на югъ; одинъ XLV лежалъ навзничъ, вдоль по кургану, головою на югъ, ногами на западъ. Лицомъ скелеты почти всегда обращены были на югъ V—VII. VIII. IX—XI. XII. XVIII. XXIII. XLII а) XLIII, но скелетъ IV на сѣверозападъ, скелеты XXI и XXII

на сѣверовѣстокъ. Два скелета XXXIII и XXXIV ногами лежали на западъ, но лице у одного повернуто на югъ, у другаго на сѣверъ.

7. При скелетахъ обыкновенно клялись вещи изъ оружія, украшеній къ одеждѣ и изъ домашняго обихода, а нѣкоторыя неизвѣстнаго значенія. Большая часть сихъ вещей названы у г. Алабина мѣдными, впрочемъ по замѣчанію его самого на стр. 104 въ сущности они какъ бы не мѣдныя, а сдѣланы изъ какого-то сплава ломкаго, въ изломѣ не блестящаго. Это, какъ оказывается,—бронза, сплавъ мѣди съ оловомъ.

Къ оружію относятся: а) такъ называемые *кельтскіе топорики*, каковыхъ изъ Алабина Могильника въ нашемъ собственнo владѣніи имѣется нѣсколько экземпляровъ. Довольно ихъ найдено и г. Алабинымъ, только онъ не могъ ихъ назвать по-длиннымъ именемъ, но приблизительно называлъ это оружіе скел. V-VII № 18 «наконечникомъ какого-то мѣднаго орудія, весьма похожаго на лопаточку, вѣроятно копья, съ остаткомъ дерева во втулкѣ». Оно значитъ и въ другой разъ подъ № 20 при той же группѣ V-VII, также при скелетахъ IX-XI № 32 (наконечникъ... отлитый въ болѣе узорчатую, сравнительно съ № 18 и 20, форму съ остаткомъ дерева во втулкѣ), при XIII № 38 (наконечникъ мѣднаго орудія, подобнаго № 18 съ остаткомъ древка), при XVII № 48 (мѣдный наконечникъ...), при XIX № 65 (мѣдный наконечникъ такого же орудія, какъ и № 18, только *другой формы*; въ копѣ сохранился кусочекъ дерева, на которое наконечникъ былъ насаженъ: въ немъ сохранился и *деревянный гвоздь*, которымъ копье было прикрѣплено къ древку), при XXVII № 101 (мѣдный наконечникъ... тѣмъ замѣчательный, что какъ бы разбитъ въ нижней части и отбитые кусочки или черепки вложены въ средину наконечника...) (1), при скел. XXVIII № 110 (мѣдный наконечникъ...), XXIX № 111 (тоже), XLI № 133 (тоже), XLVI № 146 (тоже, съ остаткомъ дерева во втулкѣ). б) *Кинжалы*, найденные при скелетахъ I-мъ № 7 (у лѣваго плеча кинжалъ желѣзный), XVIII N 59 (на мѣстѣ живота), XLVI N 145 у кисти лѣвой руки желѣзный кинжалъ въ таковыхъ же ножнахъ, доходящихъ до половины клинка; на рукоятки кинжала съ обѣихъ сторонъ *желобки*, какъ будто въ нихъ было вставлено какое украшеніе; ножны на мѣстѣ, на которомъ они бывають всегда спаяны, какъ будто разрѣзаны. У кисти правой руки скелета XXIII N 86 кинжалъ, клинокъ коего съѣденъ временемъ; верхняя и нижняя часть рукоятки кинжала мѣдная, на самой рукояткѣ желобокъ какъ бы для вставки какого украшения, конечно истлѣвшаго. Остріемъ кинжалы обыкновенно обращались къ скелетамъ. в) *Копье* при скел. I N 3 (у праваго бока большое желѣзное копье), V-VII № 19 (наконечникъ мѣднаго копья доселѣ употребляемой формы), IX-XI № 29 (длинное желѣзное копье), XIX № 60 (мѣдное обыкновенной формы копье, лежало въ футлярѣ (?) совершенно сгнившемъ, кромѣ небольшой его части, оставшейся подъ самымъ копьемъ и оказавшейся деревянною, покрытою плетенкою въ родѣ рогожи, слѣды коей видны и на самомъ копѣ), XXXI № 116. г) *Оружіе, похожее на нашу кирку* (имѣющееся и въ нашемъ собраніи, о коемъ скажемъ ниже). О немъ говорится при скел. XVIII № 57: жгутъ приставленный ко втулкѣ какого-то желѣзнаго орудія, имѣющаго форму нашей

(1) Въмѣсто фантастическаго за сямъ объясненія г. Алабинымъ такого явленія, скажемъ, что и въ нашей коллекціи есть экземпляры таковыхъ, до половины только отлитыхъ или вышедшихъ кельтовъ; а почему это такъ, скажемъ ниже.

кирки, лежавшаго на мѣстѣ лѣваго плеча скелета; во втулкѣ этого орудія остались небольшіе кусочки проржавѣвшаго отвердѣвшаго дерева № 58; и далѣе о томъ же костякѣ XVIII № 61: у правой руки на мѣстѣ кости какое-то *мѣдное* орудіе также въ видѣ кирки, отчетливой работы, съ ушкомъ для привѣшиванія; орудіе это лежало, по видимому, въ футлярѣ или ножнахъ (?), но отъ нихъ остался только прахъ; во втулкѣ его не видать слѣдовъ дерева; при скел. XXIV № 94 (железное орудіе, совершенно похожее на нашу кирку, — у праваго плеча), XLII № 137 (обломокъ или половинка такого же *железнаго* орудія въ видѣ кирки, какъ и подъ № 57). д) *Стрѣлы* — всѣ мѣдныя или точнѣе бронзовыя при скелетахъ: I № 4. 5 (на груди двѣ *мѣдныя* стрѣлки), VIII № 26 (на груди наконечникъ мѣдной стрѣлы съ незначительнымъ остаткомъ дерева во втулкѣ; такія стрѣлы изображены въ изданіи Фундуклея на листѣ XVII), XVIII № 60, XIX № 63. 64 (по стрѣлкѣ у лѣвой щеки и лѣвой ноги), XXVIII № 107 (стрѣлка у шеи), XLII № 135 (на груди мѣдная стрѣлка).

Изъ украшеній одежды встрѣчаются: а) *оловное украшеніе* — кругъ изъ толстой витой проволоки, обыкновенно называемое *жгутъ*, или изъ широкаго *мѣднаго листа*. Таковыя находятся при скелетахъ I № 1 (у черепа мѣдный какъ бы витой жгутъ, сломанный по срединѣ), II № 8 (два куса изломаннаго и изогнутаго мѣднаго жгута у головы), IV № 17 (близъ черепа лежалъ широкій мѣдный обручъ ⁽¹⁾ съ дырами въ окончаніи, какъ бы для завязокъ; надо думать, этотъ обручъ былъ головнымъ украшеніемъ); XVIII № 56 (почти въ уровень съ головою лежалъ мѣдный сломанный жгутъ..), XX № 72 (мѣдный жгутъ, лежавшій у кисти лѣвой руки подъ толстымъ слоемъ угля). б) *Ожерелья и браслеты* при скелетахъ II № 10 (на груди шесть частей мѣднаго ожерелья и одинъ обломъ таковой же части), IX-XI № 35 (остатокъ ожерелья и браслета, состоящій изъ трехъ мѣдныхъ широкихъ колечекъ, нанизанныхъ на ремешекъ доселѣ сохранившійся), XVII № 50, 51 (на груди части мѣднаго украшения съ ушками, что-то въ родѣ ожерелья; три части того же украшения у кисти лѣвой руки), XX № 77 (мѣдное ожерелье или другое украшеніе, лежавшее въ два ряда, по видимому, въ футлярѣ, совершенно впрочемъ обратившемся въ прахъ; ожерелье это положено у ступни правой ноги скелета и состоитъ изъ 60-ти штукъ и мѣднаго толстаго кольца № 78, видно замѣнявшаго застежку), XXXV (д. б. XXXIV) № 125 (выше головы звѣно мѣднаго ожерелья, подобное описанному подъ № 78), XLVI № 147 (тоже самое). Къ ожерелью же, вѣроятно, относятся описанные при томъ же скелетѣ XX кружочки подъ № 73 (полное описаніе сего скелета см. ниже) и № 79-81 три мѣдныхъ бляшки, лежавшихъ близъ ожерелья, равно и значащаяся при скел. II № 13 синяя стеклянная *буса* ⁽²⁾). в) *Украшенія пояса* или вообще одежды, какъ-то бляшки и пластинки при скелетахъ: IX—XI № 33 (металлическая пластинка) и № 34 (украшеніе пояса или одежды изъ мѣдныхъ бляшекъ съ остаткомъ кожи, на которую были прикрѣплены), XIII № 43 (мѣдная бляшка, бывшая, вѣроятно, украшеніемъ пояса или сбруи), XX № 79—81 (три мѣдныхъ бляшки, на всѣхъ видны дыры для укрѣпленія къ какому-то предмету), XXIV № 95. XXVII № 105 (у головы мѣдная бляшка съ четырьмя дырками на углахъ), XXIX № 112 (мѣдная пластинка), XXXIII и XXXIV № 119 (мѣдная пла-

(1) По письму г. Шишкина изъ тонкой и гладкой мѣди, шириною въ вершокъ.

(2) По письму г. Шишкина находили въ родѣ бусъ вещи мелкія мѣдныя и костяныя.

стинка), XLII № 136 (у правой руки кусокъ желѣзной бляшки), XLII а) № 139 (близъ горшечка бляшка), XLIII № 142 (у самого рта мѣдная бляшка), XLVI № 150 (два обломка мѣдной пластинки, свернутой въ трубку); пряжка, крючекъ и т. п. при скел. XV № 47 (мѣдная, отчетливо сдѣланная пряжка, съ ушкомъ, узорчатая съ обѣихъ сторонъ, лежала на груди); II № 9 (желѣзный крючекъ, найденный у праваго бока), при скел. XXVII № 103 какое-то мѣдное украшеніе съ пятью шишечками и ушкомъ и № 105 мѣдная бляшка съ четырьмя дырками на углахъ. г) *Кольца и колечки*: при XLIV № 144 (два мѣдныхъ кольца), XXIX № 113 (мѣдное колечко), XLI № 132 (въ маленькомъ горшечкѣ оказалось мѣдное колечко), XIII № 42 (глиняное колечко, оказавшееся въ зубахъ скелета). д) *Привѣска къ уху*: при скел. XXV № 97 (каменное украшеніе, имѣющее форму уха, что-то въ родѣ привѣски къ сергѣ, грубой работы).

Изъ домашнего быта или хозяйственныхъ вещей въ Могильникѣ найдены: а) *ножи* — всѣ желѣзные, именно при скелетахъ I № 2 (у кисти правой руки желѣзный ножъ), III № 15 (тоже у кисти лѣвой руки), V—VII № 24 (тоже наравнѣ съ животами скелетовъ), VIII № 25 (остатокъ желѣзнаго ножа у правой руки), XIII № 39 (мѣдная рукоятка ножа съ большимъ остаткомъ желѣзнаго лезвья, съ дырочкою въ концѣ для ношенія у пояса), XV № 46 (у руки), XVII № 52 (у кисти правой руки), XXIII № 88. XXVIII № 109. XXXI № 117 (всѣ три у кисти лѣвой руки), XXXV (чит. XXXIV) № 127 (ножъ), XL № 130 (обломокъ), XLI № 134 (обломокъ же у лѣвой руки), XLIV № 143. Остріемъ ножи большею частію обращены къ самимъ скелетамъ. б) *Точильный камень* при скел. V—VII № 22 (каменная палочка съ дырочкою, вѣроятно, точило), XVII № 49 (каменная палочка), XXIII № 87 (каменная палочка, вѣроятно точило, треснувшее у дырочки, найдена на нижней части груди), XXIX № 115 (выше колѣна обломокъ каменной палочки съ дырочкою, совершенно подобной нѣсколькимъ вышеписаннымъ — точило), XXXI № 118 (каменное точило на груди), XXXIV (чит. XXXIII) № 120 (у кисти лѣвой руки красный булыжный камень, № 121 у головы — бѣлый известковый камешокъ, — оба камня, грубой отдѣлки, имѣютъ ту же форму, какъ и изображенный Фундуклеемъ на листѣ VIII его изданія точильный камень). в) *Швейная игла* при скел. XLIII № 140 (длинная мѣдная игла, по видимому, обыкновенная швейная). г) Мѣдная *тарелочка* у скел. XX № 75, у него же № 84 круглая, мѣдная *крышечка*, съ ушкомъ. д) У шеи скелета XVIII найдена горсть какихъ-то *сѣмянъ*, по видимому, бывшихъ завернутыми въ тряпицу, отъ которой остался одинъ прахъ; нѣкоторыя сѣмена отвердѣли, а нѣкоторыя буд-то еще сохранили жизнь. Когда г. Алабинъ сѣмь таковыхъ сѣмечекъ посѣялъ въ горшки съ разною землею: то три сѣмечка взошли и достигли высоты полутора вершка, давъ по шести совершенно похожихъ на коноплю листиковъ, хотя форма сѣмянъ не имѣла сходства съ сѣменами конопли (1).

(1) Ейхвальдъ въ нижепоказанной статьѣ своей Über die Säugthierfauna, обратившій особенное вниманіе на Анапийскій Могильникъ, S. 465 относительно этихъ сѣмянъ замѣчаетъ, что было бы весьма интересно, если бы нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно оказались коноплею. Коноплю эту, говоритъ онъ, доселѣ на востокѣ Хивинцы, Бухарцы и Агганы, превративъ въ порошокъ, всыпаютъ въ кальянъ, и она, издавая пріятный запахъ, производитъ на нихъ еще, какъ опиумъ, усыпляющее и опьяняющее дѣйствіе. Уже *Массагеты* по Геродоту (Hist. lib. 1 cap. 202), бросая какое-то сѣмя въ огонь, упоевались запахомъ его, какъ Греки виномъ. Подобное употребленіе доселѣ дѣлаютъ Татарскія племена на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Другія изъ до-

Вещи неизвѣстнаго значенія (о коихъ впрочемъ мы скажемъ впоследствии) суть слѣдующія: при скел. II № 11 у лѣваго бока какая-то мѣдная вещь, нѣсколько похожая на ключъ, съ сквознымъ отверстіемъ, и № 16 какая-то мѣдная вещь въ формѣ колокольчика съ сквознымъ отверстіемъ въ верхней части, совершенно подобная изображенной у Фундуклея на листѣ XVII подъ буквою е) вещица, которую онъ, несправедливо впрочемъ, принимаетъ за принадлежность лука; при скел. XVII № 53 какая-то мѣдная вещица, имѣющая видъ луны, посаженная на стержень съ винтообразнымъ нарѣзомъ и сквознымъ внутри отверстіемъ, № 54 у лѣваго бока какая-то узорчатая мѣдная вещица съ сквозною дырочкою, и № 55 на груди, близъ предидущей, такая же вещица; у скел. XX № 83 какой-то мѣдный *рожокъ*, бывшій когда-то насаженнымъ на древко съ остатками того дерева; у скел. IX—XI № 30 мѣдный крючекъ, въ родѣ ручки отъ современной трости, съ изображеніемъ головы какого-то длинноносаго звѣря съ прижатыми ушами; скел. XXIII № 85 у праваго бока мѣдная вещь, со всѣхъ сторонъ покрытая какимъ-то особымъ бѣловатымъ сплавомъ, очень отчетливо сдѣлана и съ лицевой стороны представляетъ изображеніе, кажется, того же звѣря, который изображенъ въ крючкѣ, описанномъ подъ № 30, съ продолговатой мордою и прижатыми ушами, только тутъ (?) онъ изображенъ въ большемъ видѣ, притомъ съ лапами и раскрытою пастью, какъ пожирающій другое гораздо меньшей величины животное, схвативъ его лапами; сзади эта вещь гладкая и имѣетъ большое ушко.

Кромѣ желѣзныхъ и бронзовыхъ вещей у одного скелета II № 12 найденъ у лѣваго бока необдѣланный *кремень*, какого вида—не показано. Впрочемъ кремневыхъ вещей изъ Ананьина Могильника находится нѣсколько въ собраніи и нашемъ собственномъ и у другихъ (о чемъ скажемъ послѣ).

Наконецъ у нѣкоторыхъ скелетовъ найдены *кости лошадиныя* или другихъ животныхъ, что показываетъ закланіе сихъ животныхъ на гробахъ положенныхъ здѣсь покойниковъ. Такъ у двухъ костяковъ V. VI вмѣсто изголовья лежала большая лошадиная кость нижней части ноги, и на ней вышепомянутый подъ № 18 кельтскій топорикъ, у костяка XXVII № 99 лошадиный зубъ на груди, у скелета XXX у головы лошадиная кость, скел. XXXIV (д. б. XXXIII) № 123 (тоже на груди), при XXXV (д. б. XXXIV) надъ головою лошадиная кость, и тамъ же № 126—лошадиные зубы, при XXXV—XXXVIII № 129 два зуба лошади или другаго какого животного, при XLVI № 148 *переюрьмый* зубъ лошади или другаго животного, на мѣстѣ живота, и № 149 обломокъ какой-то кости, по видимому, не принадлежавшей этому скелету.

Дабы дать понятіе о положеніи и украшеніи хотя одного костяка въ Ананьинскомъ Могильникѣ, за симъ мы помѣщаемъ вполнѣ описаніе у Алабина остатковъ болѣе прочихъ богатаго и знатнаго (д. б. женскаго) мертвеца подъ № XX. «Когда отъ мѣста, гдѣ по признакамъ ножныхъ костей, долженъ бы кончатся скелетъ (№ XIX), мы пошли сѣвернѣе, показался уголь, и чѣмъ дальше мы рылись, тѣмъ въ большемъ количествѣ онъ обнаруживался. Вскорѣ открытъ какъ бы одръ, сложенный

ставленныхъ г. Алабинымъ въ Географическое Общество свѣдѣнъ, по словамъ докт. Регеля, директора ботаническаго сада, суть сѣмена гречухи (*Polygonum tinctorium*) и нѣкоторыя—шалфея (*Salvia Sclarea*), которыя, можетъ быть, росли и на Камѣ и древними обитателями были употребляемы въ пищу.

изъ угля сгорѣвшихъ бревенъ и большихъ кусковъ дерева, изъ которыхъ многіе стояли торчмя. Этотъ угольный помостъ, толщиною до трехъ четвертей аршина, былъ сверху хорошо выровненъ и покрытъ тонкимъ слоемъ земли или пепла, толщиною не болѣе вершка. На этомъ одрѣ оказался костякъ, лежавшій лицомъ на сѣверъ, совершенно истлѣвшій; голова его развалилась при прикосновеніи; для образца взяты два куска черепной кости (№ 68). Въ самомъ одрѣ и на поверхности его у этого скелета найдены раличныя вещи, а въ особенности найдено горшковъ несравненно больше, чѣмъ при другихъ скелетахъ, а именно: подъ самую голову три большіе горшка, одинъ въ другомъ, наполненные изсѣра-черною сухою землею; въ нихъ нашлось также нѣсколько обугленныхъ маленькихъ костей: всѣ три горшка были совершенно раздавлены и о положеніи ихъ можно было опредѣлять только по черепкамъ. Далѣе, у лѣвой щеки скелета оказалось еще три маленькіе горшечка, одинъ въ другомъ, совершенно сохранившіеся, съ рельефною отдѣлкою по краямъ (№ 69, 70 и 71); всѣ они были наполнены рыхлою землею. № 72 мѣдный жгутъ, лежавшій у кисти лѣвой руки, подъ толстымъ слоемъ угля, на голой землѣ; № 73 тридцать девять глиняныхъ кружечковъ, покрытыхъ бирюзового цвѣта глазурью (сошедшею впрочемъ съ многихъ); лежали у правой половины головы скелета. Эти кружечки какъ будто составляли браслетъ или часть ожерелья, и не лежали рядомъ, а оказались разбросанными на пространствѣ квадратнаго полуаршина. № 74 горшечекъ у праваго бока, на четверть ниже другой, раздавленный; у праваго и у лѣваго колѣна еще по горшку, также и эти разбиты. № 75 мѣдная, изгнѣнная временемъ, тарелочка у лѣваго бедра; № 76 горшечекъ у ступни лѣвой ноги. № 77 мѣдное ожерелье или другое украшеніе, лежавшее въ два ряда, по видимому въ футлярѣ, совершенно, впрочемъ, обратившемся въ прахъ; я нанизалъ это ожерелье на снурокъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно лежало въ землѣ. Ожерелье это положено у ступни правой ноги скелета, и состоитъ изъ 60 штукъ и мѣднаго толстаго кольца (№ 78), видно замѣнявшаго застежку. № 79 мѣдная бляшка, лежавшая близъ описаннаго ожерелья; № 80 другая бляшка меньшая, тутъ же; № 81 обломокъ третій. На всѣхъ видны маленькія дыры для прикрѣпленія къ какому-то предмету; надписей, изображеній на нихъ не видать, а потому трудно предположить, чтобъ это были амулеты; вѣрнѣе, что это головное украшеніе въ родѣ обруча, означеннаго подъ № 17. № 82 два куска желѣзной палочки, видимо обломки, рукоятки ножа. № 83 какой-то мѣдный рожекъ, бывшій когда-то насаженнымъ на древко съ остатками того дерева. № 84 круглая, мѣдная крышечка съ ушкомъ».

Глубокую древность Могильника показываетъ то, что положенныя въ немъ (не говоря о глиняныхъ) желѣзныя вещи, какъ-то: копья, ножи почти всѣ до половины и болѣе изоржавѣли, а нѣкоторыя такъ изотлѣли, что отъ прикосновенія распадались; но мѣдъ или точнѣе бронза не повредила, только нѣкоторыя изъ сихъ вещей отъ окиси покрылись весьма глянцовитымъ, какъ бы малахитовымъ твердымъ слоемъ. Отъ этого же окисленія мѣдной бляшки зубъ и челюсть у скелета XIII № 44, на коихъ она лежала, совершенно позеленѣли, а полуистлѣвшее дерево рукоятки мѣднаго орудія скелета XXIII № 89 получило ярко-зеленыя крапинки.

Къ объясненію Ананьина Могильника, «исполненнаго глубокихъ тайнъ и высокаго интереса», г. Алабинъ дѣлаетъ нѣсколько предположеній и соображеній. Отмѣтимъ изъ нихъ слѣдующія. 1) Изъ обряда трупосожженія, который былъ общимъ (?) у

первобытнаго человѣчества, и о существованіи коего въ древнѣйшей Руси говорятъ Арабскіе писатели Масуди и Якутъ (Карамзина Ист. Гос. Рос. т. 1. прим. 364) заключается, что скелеты здѣсь погребены во время глубочайшей древности, въ первые вѣка по Рождествѣ Христовѣ, или даже до онаго. 2) Изъ костра вынимались только черепъ, да нѣсколько большихъ костей отъ рукъ и ногъ, остальные же обращались въ пепелъ, часть коего и собиралась въ горшокъ (пепельницу), зарывавшійся съ покойникомъ. Чѣмъ важнѣе былъ умершій, тѣмъ, вѣроятно, большее употребляли стараніе къ сохраненію его пепла, и потому при скелетѣ XX найдено шесть горшковъ, не считая вставленныхъ одинъ въ другой; этотъ же мертвецъ положенъ на угольный костеръ, сложенный съ наибольшимъ тщаніемъ, и при немъ найдены лишь украшенія, а оружія не было, такъ что можно предполагать какую нибудь знатную женщину. 3) Костякъ XIX, найденный, не какъ другіе, съ ребрами и костями, служить доказательствомъ, что не всѣхъ мертвыхъ въ то время сжигали. 4) Головы, безъ прочихъ костей скелета, не положенныя, а поставленныя на камняхъ, или принесены съ поля битвы, или это—жертвы какого-то обычая и отрублены гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не на курганѣ, или не суть ли это головы рабовъ и плѣнниковъ, отъ коихъ прочія части здѣсь же сжигались всецѣло въ умиловительную жертву? 5) Хотя скелеты лицомъ преимущественно обращены къ югу, но какъ нѣкоторые имѣютъ и другое направленіе: то это показываетъ въ народѣ, предавшемъ своихъ покойниковъ Могильнику, отсутствіе религіозныхъ идей, кои влекли бы взоры его наприимѣръ на Востокъ къ гробу Магомета.—Но гробъ Магометовъ, скажемъ на это, въ отношеніи къ Елабугѣ дѣйствительно стоитъ на югѣ, и туда обращены были своими лицами всѣ Монгольскіе покойники въ Сарай, лежа ногами на востокъ, головами на западъ ⁽¹⁾. Это впрочемъ въ Ананьинскихъ скелетахъ отнюдь не показываетъ какихъ нибудь мусульманъ: трупосожженіе не совмѣстно съ исламомъ. 6) Обложенные камнемъ круглые валы предполагаются мѣстами трупосожженія, и вынутыя изъ костра твердыя кости за тѣмъ естественнымъ порядкомъ разлагались на каменныхъ или изъ обгорѣлыхъ бревенъ устроенныхъ одрахъ, или же на землѣ, только обожженной. Ибо трудно предположить, чтобы трупы сожжены были на этихъ самыхъ мѣстахъ, на коихъ найдены ихъ кости, а не на нарочито устроенныхъ. 7) Отсутствіе въ вещахъ при скелетахъ благородныхъ металловъ, монетъ, мечей, шлемовъ, панцырей и на вещахъ надписей показываетъ, что ничего этого тогда еще не было извѣстно жившему тутъ народу. Хотя по этому и можно бы полагать такой народъ въ состояніи дикости: но многія искусно и затѣйливо сдѣланныя вещи изъ оружія и украшеній показываютъ въ немъ и довольно высокую степень цивилизаци. 8) Близкое показывается сходство Ананьинскаго Могильника съ описанными у Фундуклея могилами югозападной Россіи. Въ послѣднихъ такія же точно стрѣлы, точильные камни, горшки съ узорами и пр., скелеты тоже обращены преимущественно на сѣверъ,—нѣкоторые обложены каменными плитами,—при нихъ костры изъ бревенъ и угля и пещища изъ обожженной глины, кости животныхъ; нѣкоторыя головы найдены безъ костяковъ и одинъ костякъ безъ головы и т. д.

(1) См. въ Запискахъ Слб. Археологическо-нумизматическаго Общества т. 2 статью Терещенки: Археологическіе поиски въ развалинахъ Сарая, стр. 400.

Статья г. Алабина объ Ананьинскомъ Могильникѣ вскорѣ обратила на себя вниманіе извѣстнаго своими сочиненіями по части раскопокъ древностей акад. Ейхвальда, который и сдѣлалъ свои соображенія относительно древности Могильника (1). Не сомнѣваясь отнести Могильникъ къ древнѣйшимъ временамъ до Рождества Христова, Ейхвальдъ усвоилъ оный описаннымъ у Геродота и другихъ Скиѣамъ или Чуди. Вотъ подлинныя слова его (стр. 458. 459): «большой Ананьинской Могильникъ занимаетъ высокій холмъ (?), который большею частію взрытъ и внутри обложенъ каменными плитами по валу, въ которомъ (Могильникѣ) подлѣ скелетовъ, отчасти сожженныхъ въ прахъ, много мѣдныхъ и желѣзныхъ вещей изъ оружія, орудій и сосудовъ. Камскій Могильникъ въ этомъ отношеніи весьма сходствуетъ съ подобными могилами въ Киевской губерніи и, очевидно, происходитъ отъ того же народа Скиѣскаго племени, который на югѣ Россіи, находясь въ ближайшемъ соприкосновеніи съ Греческими колоніями въ Понтѣ, поэтому въ своихъ гробницахъ представляетъ столь много Греческихъ искусно расписанныхъ урнъ и вазъ. Построеніе Ананьинскаго Могильника и содержаніе его, кажется, весьма много имѣетъ сходства и съ Чудскими могилами на Алтаѣ, какъ онѣ прежде сего описаны Палласомъ и Сиверсомъ. Изъ разрытія и описанія Ананьинскаго Могильника у Алабина я хочу доказать, что народъ, отъ котораго остались эти гробницы, былъ древнее Скиѣское или Чудское племя, которое принадлежало доисторическому времени, т. е. желѣзному вѣку Россіи, такъ какъ мы такое же точно описаніе обычаевъ Скиѣовъ находимъ у Геродота въ 4-й книгѣ его историческаго творенія. Можетъ быть, погребенные тамъ, на Камѣ, Скиѣы были современники еще Дарія, Персидскаго царя, и во всякомъ случаѣ это были предшественники происшедшихъ изъ того же племени Гунновъ, которые подъ именемъ Угорской или Югорской Чуди занимали главныя долины сѣвернаго Урала, оттуда пошли на югъ, и подъ именемъ Угровъ поселились на Дунаѣ. Прослѣдивъ потомъ описаніе Могильника у Алабина и показавъ сходство нѣкоторыхъ найденныхъ въ немъ вещей съ открытыми въ Скиѣскихъ могилахъ Крыма, Ейхвальдъ на стр. 470—479 дѣлаетъ общія заключенія о Могильникѣ. Онъ полагаетъ 1) что всѣ 46 скелетовъ сожжены были на многихъ небольшихъ кострахъ *въ одинъ день*, что это были тѣла женъ, придворныхъ и рабовъ, положенныхъ, по древнимъ обычаямъ, вмѣстѣ съ умершимъ тогда какимъ нибудь важнымъ владѣтелемъ нѣкогда цвѣтущей земли на Камѣ.—На сіе однако мы не можемъ согласиться: потому что скелеты найдены въ разныхъ слояхъ земли, одни глубже, другіе мелче, и кости ихъ, равно и вещи при нихъ, однѣ болѣе истлѣли и повредились, другія—менѣе. Да и послѣднее положеніе автора, какъ увидимъ, этому не гармонируетъ. 2) Чудскія племена на рѣкѣ Камѣ, говоритъ онъ за симъ, сжигали своихъ мертвыхъ, а прахъ ихъ собирали въ глиняныя горшки, поставляемые вмѣстѣ съ маленькими слезницами при скелетахъ. Черепы приносимыхъ въ жертву они, кажется, предварительно отдѣляли отъ туловища и поставляли ихъ особо, не предавая огню: были ли это плѣнники изъ другаго народа, или жены и рабы умершаго, рѣшить трудно; но что жертвы были умерщвляемы острыми орудіями, видно изъ ранъ на двухъ вышепомянутыхъ черепахъ XII вѣка».

(1) См. помѣщенную въ Bulletin de la Société impériale des naturalistes de Moscou, 1860 № IV статью Ейхвальда: Über die Säugethierfauna der neueren Molasse des südlichen Russlands und die sich an die Molasse anschliessende vorhistorische Zeit der Erde, von Ed. von Eichwald.

XXIV. Эти человѣческія жертвы и человѣкоубіеніе указываютъ на древнѣйшія времена андрофаговъ. Скелетъ, отъ котораго сохранились ребра, позвонки и прочія части, очевидно, не бывшій на кострѣ, не былъ ли съѣденъ при гробѣ, какъ жертва? Геродотъ сѣверную Чудь называетъ андрофагами (человѣкоядцами),—и легко могло статься, что погребеніе здѣсь знатныхъ лицъ соединено было съ жертвами плѣнниковъ и рабовъ, и при этомъ они были съѣдаемы. 3) Тогда какъ г. Алабинъ по Фундуклею (стр. 67) скелетовъ, обложенныхъ каменными плитами, усвоить какому-то Скандинавскимъ выходцамъ,—Ейхвальдъ, съ большею вѣроятностію, видитъ въ нихъ остатки женъ или высшихъ сановниковъ, и въ этомъ находитъ только замѣчательное сходство Скиѣскихъ могилъ, Геродотова времени, описанныхъ Фундуклеемъ, съ Чудскими на Камѣ. 4) Лошадиныя кости, находимыя при скелетахъ, показываютъ, что при погребеніи тогдашнихъ покойниковъ закалалась и ихъ кони, какъ это свидѣтельствуется о Скиѣахъ Геродотъ. 5) Весьма замѣчательно, что въ Моги́льникѣ, кромѣ нѣкоторыхъ каменныхъ орудій, находятся преимущественно мѣдныя и желѣзныя: это указываетъ на *первыя столѣтія до Рождества Христова*, когда мѣдныя орудія и оружіе были еще въ употребленіи и не было въ ходу ни монетъ, ни письменъ, коихъ и на вещахъ Ананьина Моги́льника никакихъ слѣдовъ не видно. Въ заключеніе сдѣланы еще два слѣдующія замѣчанія: а) относительно найденныхъ въ Ананьинскомъ Моги́льникѣ череповъ, что въ Этнографическомъ Музеѣ Географическаго Общества они признаны Финскими черепами, и б) что Моги́льникъ происхожденіемъ своимъ обязанъ упоминаемому у Страбона (I вѣка) движению Скиѣскаго же племени Сираковъ и Аорсовъ (Зырянъ и Ерзи?) съ береговъ Кумы и Дона на сѣверъ и столкновенію ихъ съ прежними Скиѣами, жившими на Камѣ близъ Елабуги. Последнее положеніе не совсѣмъ согласно съ первымъ о погребеніи въ Моги́льникѣ Камскаго владѣтеля съ женами и рабами, въ мирное, конечно, время.

Записка г. Алабина объ Ананьинскомъ Моги́льникѣ подала поводъ и П. И. Лерху, въ 1865 г. командированному отъ Императорской Археологической Коммиссіи въ Вятскую и другія губерніи для изслѣдованія древностей, посѣтить сей Моги́льникъ. Онъ также сдѣлалъ въ немъ раскопку какъ въ большомъ курганѣ, такъ и въ другомъ подлѣ него меньшемъ, и отъ крестьянъ Ананьинскихъ приобрѣлъ нѣсколько вещей изъ Моги́льника бронзовыхъ и частью каменнаго вѣка. Вотъ что сказано объ этихъ г. Лерха разысканіяхъ и составленномъ отсюда заключеніи о древности Моги́льника въ отчетѣ Императорской Археологической Коммиссіи за 1865-й годъ (Спб. 1866 г.) стр. XIII. XIV: «въ началѣ сентября г. Лерхъ занялся окончательною развѣдкою Ананьинскаго Моги́льника. Этотъ Моги́льникъ частью раскопанъ въ 1857 году чиновникомъ Удѣльнаго вѣдомства. Вещи и черепа, найденныя въ немъ, были доставлены въ Императорское Географическое Общество. Но часть Моги́льника оставалась еще нетронутою,—и была изслѣдована г. Лерхомъ. Найденныя имъ вещи вмѣстѣ съ предметами, приобретенными отъ Ананьинскихъ крестьянъ, равно какъ и хранящимися въ Географическомъ Обществѣ, даютъ довольно ясное понятіе о бытѣ того языческаго племени, которое послѣ сожженія своихъ покойниковъ хоронило прахъ ихъ вмѣстѣ съ ихъ вооруженіемъ, украшеніемъ и частью утвари. Оружія были частью бронзовыя, въ особенности наконечники стрѣлъ и копій, равно какъ и топоры. Кинжалы же и ножи сдѣланы изъ желѣза; рукоятки этихъ кинжаловъ, иногда бывающія изъ бронзы, по формамъ своимъ сходны съ рукоятками бронзовыхъ кинжаловъ,

находимыхъ въ курганахъ Западной Сибири; шейные обручи и украшенія на одеждѣ были бронзовые, ожерелья состояли изъ глиняныхъ и янтарныхъ бусъ. Бронзовые топоры представляютъ по своей формѣ прямой переходъ отъ топоровъ, употреблявшихся на сѣверѣ Россіи въ періодъ каменныхъ орудій. Вообще можно заключать, что Ананьинскій Могильникъ принадлежитъ къ началу періода введенія въ употребленіе въ здѣшнемъ краѣ желѣза. Слѣдовъ золота и серебра въ немъ не найдено, тогда какъ серебряныя гривны и перѣдки въ сѣверныхъ уѣздахъ Вятской губерніи. Экземпляры бронзоваго оружія часто находятся въ окрестностяхъ города Елабуги.

Съ вещей Ананьинскаго Могильника, находящихся въ С.-Петербургѣ въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ и въ Императорской Археологической Комиссіи, недавно тщаніемъ госпожи Раевской для Московскаго музея сдѣланы слѣпки.

Въ іюлѣ прошедшаго 1870 г. мы сами были на мѣстѣ Ананьинскаго Могильника, и нашли, что разрыта только середина его, а оба бока, обѣщающія довольно еще открытій, равно и другой подлѣ разрытаго меньшій курганъ, не вполнѣ еще изслѣдованы. У крестьянъ деревни Ананьиной мы приобрѣли довольно вещей, найденныхъ въ Могильникѣ, почти исключительно бронзовыхъ и нѣсколько кремневыхъ стрѣлъ, называемыхъ у нихъ громовыми, главное же—надгробный камень, хотя раздробленный на семь частей, по нашему мнѣнію современный Могильнику съ изображеніемъ на немъ тогдашняго человѣка.

Теперь въ интересахъ науки и для заключенія объ Ананьинскомъ Могильникѣ, мы сравнимъ этотъ Могильникъ какъ по устройству его и образу погребенія въ немъ скелетовъ, такъ и по содержанію или вещамъ, при нихъ положеннымъ, съ другими могильниками или курганами въ Западной Европѣ и у насъ въ Россіи. Для этой цѣли были у насъ подъ руками слѣдующія спеціальныя сочиненія: 1) *Саккена-Галльштатскій Могильникъ* (Das Grabfeld von Hallstatt in Oberösterreich und dessen Alterthümer, Wien 1868) въ верхней Австріи, въ округѣ Траунскомъ, по изслѣдованію автора (S. 144—148) принадлежащій народу *Кельтскаго* племени и относящійся къ I вѣку христіанской эры; 2) *Дорова-Молибица и могилы Германцевъ и Римлянъ на Рейнѣ* (Opferstätte und Grabhügel der Germaner und Römer am Rhein, Wiesbaden 1819)—въ окрестностяхъ Висбадена, съ бронзовыми вещами и признаками трупосоженія; 3) *Лунденшмита-Древности нашего языческаго прежняго времени* (Die Alterthümer unserer heidnischen Vorzeit, Mainz 1858), содержитъ въ себѣ описаніе таковыхъ древностей Римско-Германскаго центрального музея въ Майнцѣ; 4) *Нильсона Первобытныя жители Скандинавскаго сѣвера. 1 Бронзовый вѣкъ* (Die Ureinwohner des Skandinavischen Nordens. 1 Bronzealter, Hamburg 1863, aus d. Schwedischen übersezt); 5) *Ворсо-Сѣверныя Древности королевскаго музея въ Копенгагенѣ* (Спб. 1861); 6) *Бэра-Могилы Лифляндцевъ* (Die Gräber der Liven, Dresden 1850), собственно принадлежащія древнему Финскому племени (S. 30—35). 7) *Крузе-Ливонскія могилы* (Necrolivonica oder die Geschichte und Alterthümer Liv-Est-und Curlands, Leipzig 1859), относящіяся къ древнѣйшимъ временамъ до Рождества, по Рождествѣ Христовѣ и къ среднимъ вѣкамъ. Прочія, подъ руками бывшія, подобныя сочиненія означимъ въ своихъ мѣстахъ.

Галльштатскій Могильникъ, состоящій изъ 993 гробовъ (на пространствѣ въ длину 92 саж., шир. отъ 15 до 50), по описанію Саккена S. 5—17 не имѣетъ никакой насыпи и почти совершенно равенъ съ землею; сверху его—слой жирнаго чернозема, различной по мѣстамъ толщины отъ 1½ до 3½ футовъ, а внизу тонкій слой золы выравненный, убитый и пересыпанный пескомъ или рых-

лою землею, на которомъ и положены скелеты въ глубинѣ 1—5 футовъ надъ поверхностью; гробница или мѣсто это, для защиты скелета, часто покрывалось большими камнями (присоединенными одинъ къ другому, съ наполненіемъ скважинъ или промежутковъ маленькими камешками, но безъ всякихъ слѣдовъ цемента) и посыпалось землею; въ самомъ расположеніи гробницъ нѣтъ никакого порядка, такъ что иногда двое лежатъ рядомъ или по нѣскольку кучами, или одна гробница стоитъ надъ другою. Все это согласно съ Ананьинскимъ Могильникомъ. Что касается до погребенія: то въ Галльштатскомъ, какъ и въ Ананьинскомъ, Могильникѣ трупы то просто погребались и зарывались въ землѣ, то сжигались, притомъ или всецѣло или по частямъ, такъ что нѣкои части тѣла погребались, а другія сжигались. Погребенные скелеты влялись на большіе камни или только одна голова на плиту, иногда же на утробованную глину, головами и лицомъ вообще на востокъ, ногами на западъ; положеніе тѣла было весьма разнообразно, нѣкоторые лежали навзничъ. Одновременно съ симъ погребеніемъ употреблялось и трупосожженіе,—и таковыхъ *юрьльцевъ* (по примѣру Нѣмецкаго Brand такъ будемъ называть сжигаемые скелеты, въ отличіе отъ погребаемыхъ) въ Могильникѣ открыто 455; сожженіе, безъ ясныхъ слѣдовъ его въ самой могилѣ, гдѣ лежитъ горѣлецъ, видно, совершалось на другомъ мѣстѣ, и потомъ вынутыя изъ костра кости переносились на могилу и раскладывались съ вещами покойника, иногда и самыя вещи сѣи были въ огнѣ. (Въ Ананьинскомъ Могильникѣ замѣчено это о вещахъ при костяхъ XXVII № 102—105). Горѣльцы, какъ и погребенные скелеты, влялись то на голую землю, то на утробованный слой, то на камни, иногда же на приготовленные изъ глины и песку большіе овальные латки (отъ 5 до 6 футовъ), собранныя съ костра кости, угли и прахъ раскладывались въ кругъ (въ поперечникѣ 2—3 фута), на нихъ полагались вещи покойника, оружіе и украшенія, а сосуды ставились подлѣ. Изъ признаковъ очевидно, что трупосожженіе совершалось преимущественно надъ богатыми и знатными лицами безъ различія пола и возраста, потому и могилы горѣльцовъ почти всегда покрыты большими камнями. Часто встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же могилахъ рядомъ два горѣльца, или горѣлецъ и скелетъ погребенный, либо кости горѣльца лежатъ надъ скелетомъ, или же на оборотъ: въ такомъ смѣшеніи являются кости мужчинъ, женщинъ и дѣтей, погребенныя или сожженныя безразлично; иногда эти сочетанія кажутся семейными, т. е. членовъ одного семейства, но во всякомъ случаѣ устраняется мысль о сожженіи при господинѣ его рабовъ или женъ. Сожженіе нѣкоторыхъ только частей тѣла, съ погребеніемъ другихъ, выведено изъ ясныхъ данныхъ, подкрѣпляемыхъ соображеніями. Въ Галльштатскомъ Могильникѣ послѣ тщательнѣйшихъ поисковъ и повѣрокъ оказалось 13 случаевъ, что при сожженныхъ костяхъ, вещахъ покойника и глиняныхъ сосудахъ были черепа безъ всякихъ признаковъ горѣнія, или на оборотъ—при полномъ составѣ погребеннаго скелета не доставало головы, а между тѣмъ тутъ же находилась кучка пепла съ обгорѣлыми остатками зуба или косточки отъ черепа, или не доставало всей верхней половины тѣла, а погребена только нижняя, или однѣ ножныя кости безъ всякихъ признаковъ горѣнія и т. п. При всѣхъ этихъ случаяхъ необходимо было раздроблять или разсѣкать трупъ. Современность погребенія и сожженія труповъ выводится какъ изъ частаго соединенія тѣхъ и другихъ въ одной гробницѣ или мѣстности, такъ и изъ одинакихъ прилагаемыхъ къ нимъ вещей, а то и другое, т. е. и погребеніе и сожженіе тру-

ловъ, могло основываться на разныхъ религіозныхъ представленіяхъ. Третій способъ—сожженія трупа по частямъ, кромѣ Галльштатскаго Могильника, замѣчается и во многихъ другихъ курганахъ и подтверждается исторически ⁽¹⁾. Припомнимъ при этомъ, что точно такъ и въ Ананьинскомъ Могильникѣ отъ костяновъ XII. XXI. XXII. XXXV—XXXVIII представляются однѣ только головы или черепа безъ прочихъ частей, а при скелетѣ XII не оказалось головы, между тѣмъ при тѣхъ и другихъ были остатки горшковъ или урнъ. Вообще описаніе и изслѣдованіе Саккена столь близко идетъ къ Ананьинскому Могильнику, что служить лучшимъ его комментариемъ. У Дорова (S. 1—3) одна впрочемъ небольшая могила, заключающая горѣльща, въ которомъ онъ предполагаетъ какого нибудь военачальника, также какъ начальная въ Ананьинскомъ Могильникѣ, выложена камнями въ видѣ котловины, и къ ней былъ подземный ходъ. Но эта круглая Ананьинская могила, кажется, ближе подходит (только въ меньшихъ размѣрахъ) къ жертвенному отдѣленію, открытому въ знаменитомъ Пеккательскомъ курганѣ близъ Мекленбурга. Въ восточной сторонѣ этого кургана сдѣлано квадратное возвышеніе въ 5 футовъ высоты и столько же широты во всѣ стороны, къ западу подлѣ сего такое же возвышеніе съ круглымъ котломъ (3 фута въ поперечникѣ), края котораго футомъ выше слѣдующаго за симъ еще третьяго возвышенія 10 футовъ длины, столько же ширины и около 5 ф. высоты,—это алтарь. Всѣ три возвышенія сдѣланы изъ глины, смѣшанной съ пескомъ, и котелъ, въ который полагалась закланная жертва, обгорѣлъ, покрытъ сажей и дегтемъ или сосновою смолою. Близъ алтаря съ западной стороны найдено также изъ глины съ пескомъ сдѣланное и обгорѣлое корыто или гробище (6 футовъ длины, 3 ширины и 1 ф. глубины), а въ немъ черепъ несожженаго костяка, лицомъ обращенный къ алтарю. (Нильсона, *Die Ureinwohner d. Skand. Nordens*, 1, *Bronzealter* S. 53. 54).—Продолговатые низкіе холмы, прикрытые плоскими камнями, служили языческими гробницами и на сѣверѣ Европы (*Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde*, Kopenhagen 1837, S. 29. 30). Многія изъ Лифляндскихъ могилъ, также какъ и Ананьинскія, означались невысокими холмами отъ 6 до 8 футовъ, стояли на ровныхъ мѣстахъ или на берегахъ рѣкъ и (впослѣдствіи) подвержены были ежегоднымъ наводненіямъ (Бара S. 46. 47). Тамъ же въ однихъ и тѣхъ же могилахъ встрѣчаются костяки и горѣлые и погребенные, послѣдніе положены головами на сѣверъ, ногами на югъ (Крузе S. 8. 9). Одновременно погребенные и сожженные являются и въ Кіевскихъ древнихъ могилахъ, равно находятся только черепа безъ прочихъ костей; многія могилы здѣсь (какъ и открытыя въ Екатеринославской губерніи) уложены плитами и посыпаны землею (Фундуклея—Обозрѣніе Кіев. могилъ и пр. стр. 64. 66. 68). Чудскія могилы около Екатеринбурга также не представляютъ значительныхъ возвышенностей (*Извѣстія Импер. Археологическаго Общества*, Спб. 1861, т. 2, стр. 385). Вообще, по изслѣдованію Ружмона, въ бронзовый періодъ вмѣстѣ съ трупосоженіемъ употреблялись невысокіе курганы или могилы (*Die Bronzezeit od. Semiten in Occident*, S. 430 ff.).

За симъ, въ сличеніи съ тѣми же иностранными и Русскими курганами, перечислимъ и опишемъ всѣ находящіеся теперь предъ глазами вещи изъ Ананьинскаго Мо-

(1) Саккенъ въ Житіи св. Арнульфа, епископа Мецкаго, указываетъ на слѣды или остатки этого обычая у язычниковъ даже въ VII в. по Рождествѣ Христовѣ. Въ Житіи говорится, что когда одинъ царедворецъ, сопровождавшій царя, на пути заболѣлъ смертельно и нельзя было его ни взять съ собою, ни оставить на мѣстѣ, то въ крайности положено было, по обычаю язычниковъ (*more gentiliū*), отнять у него голову и тѣло сжечь.

гильника какъ подлинники, полученные нами отъ г. Шишкина и приобретенные отъ Ананьинскихъ крестьянъ, такъ и слѣпки госпожи Раевской въ Московскомъ музеѣ.

Вещи относятся: I) къ оружію, II) къ одеждѣ и ея украшенію, III) домашняго быта, IV) символы и амулеты, V) отъ конской сбруи и VI) вещи кремневые. Составъ многихъ изъ нихъ (хотя приблизительно) опредѣленъ химическимъ разложеніемъ ⁽¹⁾. Въ числѣ рисунковъ эти древности изображены на двухъ особыхъ таблицахъ.

I. Къ оружію относятся: 1. *Кельтскіе топорики*. Ихъ въ коллекціи моей семь экземпляровъ, именно а) бронзовый кельтъ (по химическому разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ—въ самой рудѣ—желѣза) весьма похожій на клинъ, довольно плоскій, длины 4 дюйма, ширины $2\frac{1}{2}$ дюйма съ стесанными боками и пустотою внутри для владыванія въ нее деревянной рукоятки, украшенъ двумя зигзагическими, и надъ ними четырьмя дугообразными, одна противъ другой, линиями, образующими какъ бы лодку. (Рисунокъ см. въ Древностяхъ Ананьинскаго Могильника табл. 1, въ счетѣ съ другими IV, № 2). б) Другой бронзовый экземпляръ такой же формы, длины $3\frac{1}{4}$ дюйма, ширины $2\frac{1}{2}$ дюйма, украшенъ такими же 4 дугообразными линиями безъ зигзаговъ, съ сильною примѣсью обожженной земли, какъ бы вещь была на пожарѣ. в) Третій бронзовый такой же экземпляръ, только поуже и въ объемѣ потоньше предыдущихъ и безъ всякихъ линий, длины около $3\frac{1}{2}$ дюймовъ, ширины около 2 дюймовъ. Обѣ вещи по химическому разложенію состоятъ изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза. г) Такой же бронзовый экземпляръ, но только въ половину вылитый съ неровными къ черену краями (длины $2\frac{1}{2}$ дюйма, ширины 2), и оба бока сверху немного расперты, видно—отъ насадки на него рукоятки, д) такой же бронзовый, только въ 4-ю лишь долю отлитый (длины $1\frac{1}{2}$, ширины 2 дюйма), оба покрыты слоемъ зеленой обиси. Эти два экземпляра, о которыхъ такъ недоумѣвалъ г. Алабинъ (см. у него описаніе скелета XXVII № 101), не вполне отлиты по недостатку бронзы или и намѣренно, и ихъ также можно было употребить въ дѣло и насаживать на древко; послѣдній экземпляръ, болѣе прочихъ заостренный, на древкѣ могъ служить хорошимъ долотомъ или стамеской. е) Кельтъ бронзовый, (по химическому разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза), длины $3\frac{3}{4}$ дюйма, отличающійся отъ предыдущихъ тѣмъ, что въ ширинѣ гораздо менѣе ихъ ($1\frac{1}{2}$ дюйма) и толще въ объемѣ, такъ что отверстіе его почти уже круглое (около $1\frac{1}{2}$ дюйма), съ однимъ ушкомъ для прикрѣпленія къ древку или вѣшанія на чемъ нибудь, у отверстія кругомъ проведены прямыя линіи и подъ ними зигзаги (рис. см. тамже № 3). ж) Такой же точно формы и мѣры, только съ двумя ушками и безъ всякихъ линій, бронзовый кельтъ, по химическому разложенію состоящій изъ мѣди, желѣза и слѣдовъ золота, — слѣды золота изъ всѣхъ вещей открыты только въ этомъ экземплярѣ (рис. см. там-

(1) Разложеніе это производилъ кандидатъ Московскаго университета О. И. Богущъ и производилъ слѣдующимъ образомъ: «отъ каждой бронзовой вещи опилки растворены въ чистой азотной кислотѣ, при чемъ образовавшаяся окись олова отдѣлена фильтрованіемъ, а въ процѣженную жидкость пропущена была струя сѣрнистаго водорода для выдѣленія мѣди въ видѣ сѣрнистаго соединенія, которая отфильтрована была, а жидкость оставлена на нѣсколько дней для совершеннаго выдѣленія изъ нея сѣрнистаго водорода. Къ свободной отъ сѣроводорода жидкости прибавленъ былъ растворъ гидрата-калія (ѣдкаго) и смѣсь подогрѣта, для полнаго осажденія окиси желѣза и совершеннаго растворенія окиси цинки (если бы таковой оказалась). Смѣсь про-
фильтрована для отдѣленія окиси желѣза, и пропущенъ былъ сѣроводородъ для выдѣленія цинка въ видѣ сѣрнистаго соединенія, который ни въ ѣдкихъ ни въ сѣрнистыхъ щелочахъ не растворяется.—Но цинка во всѣхъ образахъ не оказалось.—Не скроемъ, что пропорція опилокъ для разложенія дана была самая малая, а потому и результаты въ иныхъ случаяхъ могли быть лишь приблизительные.

же № 4). Въ слѣпкахъ Московскаго музея съ вещей Ананьинскаго кургана, коихъ подлинники хранятся въ С. Петербургѣ, представляются слѣдующіе кельты: № 4 (по музейской описи) кельтъ въ половину отлитый (какъ и означенный выше подъ буквою г), длины $1\frac{1}{2}$ дюйма; № 5 кельтъ къ острію закругленный въ видѣ язычка, съ дырочкой въ боку для прибивки рукоятки гвоздемъ, длины дюйма 3, ширины $1\frac{1}{2}$ дюйма; № 6 кельтъ, также половинчатый, но съ узоромъ къ черену (откуда видно, что это не браковка, а въ половину собственно отливался), длины 2 дюйма; N 16. 17 кельты, дл. дюйма 3, съ дугообразными линиями, образующими лодку (какъ выше подъ буквами а и б), N 18 тоже и той же длины съ прямыми у черена линиями и подъ ними зигзагами. Всѣ эти кельты—бронзовые, вырты или куплены у Анан. крестьянъ г. Лерхонъ.—Замѣтимъ, что кельты, подобные нашему съ ушками (безъ ушковъ гораздо рѣже), встрѣчаются въ курганахъ почти во всей Европѣ, особенно на сѣверѣ ⁽¹⁾.

2. *Кинжалы*. Въ нашемъ собраніи: а) кинжалъ желѣзный, очень изоржавѣлый, длины $6\frac{1}{2}$ верш., въ томъ числѣ рукоятки отъ основанія до плечиковъ немного болѣе 2 вершковъ; б) кинжалъ желѣзный, переломившійся на двѣ части, длины около $5\frac{1}{2}$ верш., въ томъ числѣ рукоятки отъ основанія до плечиковъ 2 верш.,—оба кинжала одной простой формы (рис. втораго см. тамъ же N 5); в) кинжалъ бронзовый (по химическому разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза — въ самой рудѣ), искусной работы и хорошо сохранившійся, длины $6\frac{3}{4}$ верш. или около 12 дюймовъ, рукоятки отъ основанія до плечиковъ $2\frac{1}{2}$ верш. или 4 дюйма, лезвее въ основаніи $\frac{3}{4}$ верш. (рис. см. тамъ же № 6). Не имѣлъ ли сей кинжалъ символическаго значенія, какъ это замѣчено г. Ворсо о кинжалахъ у него № 152 — 155? По Ружмону (*Die Bronzezeit oder d. Semiten im Occident, übersetzt v. Keerl, Gütersloh 1869*) S. 433 это были жертвенные ножи; тоже говоритъ Бэръ (*Die Gräber d. Liven* S. 7), Нильсонъ (*Ureinwohner.. 1. Bronzealter* S. 155). г) Бронзовая о двухъ рожкахъ штучка (одинъ впрочемъ до половины сломленъ) съ отверстіемъ въ срединѣ (длины $2\frac{1}{4}$ дюйма, а цѣльная была бы дюйма въ три и болѣе). По всей вѣроятности, эта рога-тинка составляетъ конецъ рукоятки кинжала, такъ какъ у Ворсо на одномъ кинжалѣ (въ Сѣвер. Древностяхъ № 136) рукоятка такой же точно величины и формы. См. и у Саккена *Tab. VI fig. 7.* (слич. музейскій № 15). Въ Московскомъ музеѣ № 12 кинжалъ желѣзный большой, $13\frac{1}{2}$ дюймовъ, нѣсколько отличной отъ моихъ формы (рис. въ половину см. тамъ же № 7); № 13 кинжалъ желѣзный, длины 15 дюймовъ, описанный у г. Алабина подъ N 59 (рис. въ половину тамъ же N 8); N 14 бронзовая рукоятка отъ желѣзнаго кинжала, особой формы съ 15 дырочками, куплена г. Лерхонъ у Ананьин. крестьянъ, дл. 4 дюйма; N 15 рукоятка отъ желѣзнаго кинжала, дл. 6 дюймовъ, желѣзная, верхняя и нижняя части ея мѣдныя,—сще иной формы, описанной у Алабина подъ N 86. Такимъ образомъ кинжаловъ съ *малыми рукоятками* не оказалось. Изъ описанныхъ къ моимъ подъ буквами а и б довольно близко подходитъ Датскій (у Ворсо въ Сѣвер. Древностяхъ), N 152 (бронз.) и 153, а къ N 15-му музейскому—тамъ же N 154. 155 (бронз.). Нильсонъ (*Die Ureinwohner.. 1. Bronzealter*) S. 88. 89

(1) См. *Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde*, Kopenhagen 1837, S. 53. *Kamle* Horae ferale, London 1863, Plate V. № 11. 16. 23. Plate VI № 30. *Nilsson* Ureinwohner d. Skand. Nordens, 1. Das Bronzealter S. 144 Tab. 4 № 47. 48. *Lindenschmitt* Die Alterth. Band I Heft 1. Taf. 2. № 2. 4. 5. 8. 11. 12. *Ворсо* Сѣверныя Древности рис. 194—196. Въ Этнографическомъ музеѣ Императорской Академіи наукъ есть нѣсколько экземпляровъ этого орудія (но какой формы, какъ неизвѣстно), доставленныхъ изъ Чудскихъ копей.

говорить о двухъ бронзовыхъ кинжалахъ, найденныхъ въ областяхъ Британіи, но первый по формѣ съ нашимъ не сходенъ, а второй неизвѣстенъ. Замѣчательно, что при обоихъ, какъ и при нашемъ, найдены были кремневые стрѣлы. Дорогъ въ двухъ древнихъ Германскихъ курганахъ бронзоваго періода съ трупосожженіемъ нашель два бронзовыхъ кинжала почти такой же мѣры, какъ нашъ бронзовый (Opferstätte u. Grabhügel d. Germanen S. 13. Taf. III, 3. S. 26. Taf. IX, 3).

3. *Воемныя сѣкиры*, въ видѣ кирки. Въ нашемъ владѣніи а) бронзовая сѣкира, хорошо отлитая и сохранившаяся (по химическому разложенію изъ мѣди и слѣдовъ олова) длины 3 верш., съ круглымъ отверстіемъ къ самому корню (рис. см. тамже N 9); б) сѣкира желѣзная длины 1 четверть, съ круглымъ отверстіемъ по срединѣ, такъ что другая противоположная острію часть совершенно похожа на молотокъ; в) сѣкира желѣзная таковой же мѣры и формы, какъ предыдущая, только остріе у нея широкое и круглое (рис. см. тамже N 10),—обѣ сѣкиры очень изоржавѣли. Въ Московскомъ музеѣ N 19 боевой молотъ бронзовый, съ отверстіемъ по срединѣ, къ коему отъ молота обращенъ *орлиный клювъ*, дл. 9 дюймовъ, во втулкѣ или отверстіи дл. $1\frac{1}{2}$ д. шир. $\frac{3}{4}$ д., у г. Алабина подъ N 61 (рис. см. тамже N 11). Къ Ананьинскимъ же вещамъ надобно относить хранящійся подлѣ нихъ въ Московскомъ музеѣ подъ N 72 слѣпокъ—боевой молотъ, съ головой кабана на концѣ и втулкомъ въ срединѣ, найденный на берегу Камы повыше Ананьина Могильника, изыщной формы, очень похожій на предыдущій съ орлинымъ клювомъ (рис. см. тамже N 12). У Ворсо (въ Сѣв. Древностяхъ) похожа на нашу желѣзную сѣкиру подъ буквою б, сѣкира N 111 и подъ буквою в, у Ворсо № 110, обѣ бронзовыя, въ Horae ferale рис. Plate XXVII ad p. 208, особенно № 13, желѣз., у Линденшмита (Die Alterth. d. heidn. Vorzeit) Band I Heft 4 Taf. 2 № 4, Band II Heft 3 № 15 обѣ очень схожи съ нашею бронзовою сѣкирою, первая найдена близъ Майнца, вторая въ Венгріи. Таковая же бронзовая сѣкира найдена у насъ въ Сибири близъ Семипалатинска (Извѣстія Археологич. Общества, Спб. 1861, т. 2, стр. 210, рис. 1. фиг. 3). — Надобно думать, что военная сѣкира составляла болѣе знакъ отличія, достоинства и власти извѣстныхъ лицъ, каковое значеніе securis имѣла у Римлянъ, показывая достоинство консула, диктатора и др., или въ Византійской имперіи *κλέροξ* составляя отличіе придворной стражи и чиновъ (Дюканжа Glossarium mediae et infimae Graecitatis sub v. Βαραύροι), или какъ у насъ прежде придворные рынды имѣли серебряныя сѣкиры.

4. *Копья*. а) У меня наконечникъ копья бронзовый, (по химическому разложенію изъ мѣди и олова) около 1 четв. длины, съ двумя ушками, хорошо отлитый съ узорами, очень похожій на нынѣшнюю казацкую пику (см. рис. тамже № 13). Въ Моск. музеѣ № 9 (у Алабина № 19) наконечникъ копья бронзовый, совершенно сходный съ предыдущимъ, дл. 6 дюймовъ, № 10 наконечникъ копья желѣзный, дл. $9\frac{1}{2}$ дюймовъ (рис. см. тамже № 14) и № 11 большаго размѣра ($15\frac{1}{2}$ дюймовъ въ видѣ пѣшши); оба вырыты г. Деркомъ въ Анан. курганѣ (рис. въ половину см. тамже № 15). Сходны съ нашими наконечники копій бронзовые же у Нильсона (Bronzenalter) S. 143, Taf. 2. № 14, 15, у Линденшмита Band I Heft 1 Taf. 6, Heft 5 Taf. 2 № 1—4., Band II Heft 4 Taf. 1. № 4. 7.

5. *Стрѣлы*. Въ нашемъ собраніи семь желѣзныхъ стрѣлъ, всѣ онѣ плоскія (такъ называемыя плоскушки), изъ нихъ три болѣе предъ прочими величины съ черенкомъ, втыкающимся въ древко (въ 4, 3 и 2 дюйма), прочія четыре поменьше ($1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ д.), и какъ копейца имѣютъ круглый черенокъ съ таковымъ же отверстіемъ, въ кото-

рое вкладывалось древко (рис. см. там же № 16). Вся эти стрѣлы очень изоржавѣли. Вся остальные—бронзовыя и съ трубками. Изъ нихъ одна величиною $3\frac{1}{2}$ дюйма и безъ черенка, но съ однимъ только круглымъ отверстіемъ рис. там же № 17). Затѣмъ 40 стрѣлъ трехгранныхъ съ зазубринками, большая часть изъ нихъ изящной и отчетливой отдѣлки (длины $1-1\frac{1}{2}$ дюйма,—рис. см. там же № 18). Одна стрѣла оказалась трехгранною же безъ зазубринокъ, другая двугранная безъ зазубринокъ же, въ видѣ копейца, третья совершенно плоская съ втыкающимся черенкомъ (см. рис. там же № 19). Въ Моск. музеѣ подъ № 7 и 8 двѣ стрѣлы трехгранныя, съ зазубринками, совершенно сходныя съ нашими. У Ворсо (въ Сѣв. Древностяхъ) подъ № 192 бронзовая стрѣла совершенно похожа на нашу бронзовую двугранную безъ зазубринокъ, а у Фундуклея въ Обзорѣи могилъ и проч. Кіевской губерніи на табл. XVII подъ буквою b, особенно же въ Древностяхъ, изд. Временною Коммиссіею Кіевскою, Кіевъ 1846, таб. 6 № 2 таковыя точно стрѣлы, какъ наши трехгранныя съ зазубринками.

II. Украшенія. 1. Шейные круги или кольца (жгуты). Въ моемъ владѣніи а) два большихъ бронзовыхъ (по химич. разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза) звѣна отъ шейнаго круга, круглые и гладкіе какъ палочка, толщиною въ карандашъ, недостаетъ только отъ другой половины загнутаго конца, впадающаго въ конечное отверстіе имѣющей, въ діаметрѣ кругъ долженъ имѣть около $5\frac{1}{2}$ дюймовъ,—и звѣнья такъ плотно и хорошо покрыты зеленою окисью, что кажутся настоящимъ малахитомъ; б) два бронзовыхъ звѣна отъ шейнаго круга, безъ одного конца, и оба выпрямленные; кругъ былъ съ концовъ гладкій и тонкій, но къ срединѣ постоянно утолщающійся, впрочемъ не толще обыкновеннаго карандаша, и имѣющій по бокамъ нарѣзы, какъ бы была веревочка (рис. см. въ Древностяхъ Ананьинскаго Могильнига таб. 2, въ счетъ съ другими XXII, № 20). Въ Моск. музеѣ № 27 шейный кругъ, бронзовый цѣльный, въ поперчникѣ горизонтально $7\frac{1}{2}$ д., вертикальн. $6\frac{1}{2}$ д. (рис. въ половину см. там же № 21), равно и № 28 таковой же, между собою совершенно сходныя. Оба вырыты г. Лерхомъ изъ малаго Анан. кургана. Доровъ въ одномъ изъ Германскихъ кургановъ нашелъ по величинѣ (въ $5\frac{1}{2}$ дюймовъ) и виду, совершенно подобный нашему первому, бронзовый шейный кругъ (Halsring), съ тѣмъ только отличіемъ, что концы у него имѣютъ нѣкоторое украшеніе (Dorow Opferstätte etc. S. 20, Tab. VI fig. 5). Доровъ при этомъ замѣчаетъ, что съ такимъ же точно кругомъ представленъ у Монфокона (въ Antiquitates Graecae et Romanae) Етрусскій воинъ, и что подобное шейное украшеніе можно видѣть и на богинѣ Минервѣ. У Нильсона (S. 146 Taf. 4 № 19) шейное кольцо, довольно сходное съ нашимъ, такой же мѣры. Въ могилахъ у Бара особенно часто встрѣчались шейные круги (Halsringe), имѣющіе видъ сплетенныхъ веревочекъ (Die Gräber d. Liven S. 4: die strickartig gewundene Form).

2. Ожерелья. Замѣтимъ предварительно, что ожерелья носили въ древности какъ женщины, такъ и мужчины, что видно какъ изъ рисунковъ скелетовъ у Бара (Die Gräber d. Liven Taf. 1), такъ и изъ найденнаго въ самомъ Ананьинскомъ Могильникѣ надгробнаго камня (о коемъ скажемъ ниже). Мы не имѣемъ полнаго ожерелья, а только принадлежности къ нему, именно: а) 8 дюймовъ цѣпочки бронзовой, совершенно похожей на нынѣшнія, какъ у Бара (Taf. II. III) и у Крузе (Necrolivonica Tab. 21 № 11); б) въ вершокъ остатокъ цѣпочки изъ бронзовыхъ же тонкой проволоки колечекъ, съ перемежкой съ широкими, но въ объемѣ несравненно меньшими бронзовыми колечками; в) нѣсколько штукъечъ листовой бронзы, свернутой въ цилиндры

или колечки, разной мѣры въ длину и поперечникѣ (большій въ длину $\frac{1}{2}$ дюйма, — въ поперечникѣ $\frac{5}{8}$ дюйма) — они нанизывались на веревочку или проволоку для шейнаго украшенія или ожерелья, — см. таковыя точно колечки большіе и малые у Крузе Tab. 2 подъ буквою q, Tab. 3 бук. а, и у Бэра Taf. II № 2. и др; г) нѣсколько подобныхъ винтообразныхъ трубочекъ, въ видѣ штопора, на тотъ же предметъ, см. таковыя и у Бэра Taf. IV Grab 2 fig. 4, Taf. V fig. 4. 5. 8., Крузе Tab. 21 fig. 13. д) или трубочекъ сплошныхъ съ суставчиками, въ видѣ горловаго органа, когда кольчики прямолинейно и наглухо соединяются между собою (рис. см. тамже № 22); е) нѣсколько отломковъ отъ таковыхъ же, но гладкихъ конусообразныхъ трубочекъ, вѣроятно, бывшихъ на концахъ ожерелья, соединяющихся между собою; ж) восемь кольчиковъ, изъ нихъ пять бронзовыхъ и три желѣзныхъ, $\frac{1}{2}$ дюйма и менѣе въ поперечникѣ. Вѣроятно, привѣшивались къ ожерелью. Бронзовыя пластинки, одна въ видѣ сердечка (длин. $1\frac{1}{4}$ дюйма съ двумя дырочками), двѣ (длин. $\frac{3}{4}$ дюйма) въ видѣ засгупа съ двумя же дырочками, одна въ видѣ язычка съ дырочкой же. Вѣроятно, привѣшивались къ ожерелью, какъ погремушки, см. таковыя же сердечко у Крузе Tab. 39 к, у Бэра Taf. XX fig. 5., въ видѣ язычка у Крузе Tab. 4 бук. п, Tab. 11 № 7. з) Бронзовая, покрытая слоемъ окиси, крестообразная вещица въ видѣ креста, перпендикулярная часть $1\frac{1}{2}$ дюйма съ ушкомъ вверху, а горизонтальную составляютъ два кружка по ту и другую ея сторону съ дырочкой въ срединѣ (правый кружокъ до половины сломленъ). По всей вѣроятности, служила брошкой или оконечностію у ожерелья, судя по подобной же вещицѣ въ Остзейскихъ могилахъ у Крузе Tab. 17 № 2, Бэра Taf. X № 2. 3. Taf. XXI 4 а, и въ Русско-Литовскихъ въ Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat VI Band, 1 und 2 Heft, Dorpat 1870, S. 32. Что касается до знака креста: то онъ нерѣдко встрѣчается и въ языческихъ курганахъ, даже въ Ниневійскихъ и Египетскихъ древностяхъ. и) Миниатюрная бронзовая 4 угольная вещица, въ видѣ ромба или знака бубновой масти, ушкомъ въ верхнемъ углѣ виситъ на колечкѣ отъ цѣпочки, а въ стороннихъ углахъ дырочки: вѣроятно, служила такою же, какъ предыдущая, брошкою, судя по рисунку Литовско-русск. могилъ (ibid.), а можетъ быть это была и серга (рис. см. тамже № 23). к) Бронзовая (по химическому разложенію изъ мѣди и слѣдовъ олова) вещица въ видѣ продолговатой вдоль разрѣзанной груши, внутри пустой, съ ушкомъ вверху для прицѣпки, длины $1\frac{5}{8}$ дюйм., ширина въ разрѣзѣ самая большая $\frac{3}{4}$ д., (рис. см. тамже № 24), и другая такая же, но поменьше и художественнѣе, бронзовая вещица, покрытая настоящимъ малахитовымъ слоемъ окислости (рис. см. тамже № 25). Обѣ вещицы очень похожи на нынѣшнія серьги, и по этому можно признать ихъ серьгами или же привѣсками къ ожерелью.

Бусы стеклянныя — свѣтлоглубыя, желтоватыя или сѣринькія, въ видѣ маленькихъ пуговочекъ съ дырочкой по срединѣ, каковыя пришиваются нынѣ къ манишкамъ, или въ видѣ зернушекъ съ горошину и меньше. Онѣ нанизывались на проволоку или нитку. Находятся лишь въ нашемъ владѣніи, а въ музеѣ таковыхъ, равно и всѣхъ передъ симъ изложенныхъ вещицъ нѣтъ; по Ейхвальду (Über die Säugthierfauna S. 468) таковыя же точно бусы находятся въ Скифскихъ могилахъ Крыма.

Намъ же принадлежать: часть *проволочнаго кольца* съ остатками обвивающей его бронзовой спирали, которое можно признать *браслетомъ*, и проволочное же колечко, величиною съ *перстень*, но безъ украшеній бронзы.

3. *Украшения къ поясу,—пластинки и пугови.* Сюда относятся во владѣніи нашемъ а) квадратная бронзовая пластинка (шир. $1\frac{3}{4}$ дюйма, выс. $1\frac{1}{2}$ д.) съ четырьмя по угламъ выпуклостями въ половину горошины, и съ двумя дырочками для прикрѣпленія, 10-ть таковыхъ же продолговатыхъ штукъ (дл. 1 дюймъ и болѣе, шир. $\frac{3}{8}$ дюйма) съ тремя помянутыми вдоль ихъ выпуклостями и три съ двумя; также и нѣсколько частичекъ съ выпуклыми въ линію точками или совсѣмъ гладкой пластинки. Всѣ они для блеска пришивались къ поясу. См. таковыя же гладкія пластинки на поясѣ у Бера Taf. XIV fig. 2. 3., выпуклости на поясныхъ украшеніяхъ см. особенно у Саккена (Das Grabfeld von Hallstatt Taf. IX. X), на что онъ и обращаетъ особенное вниманіе (S. 47—49); съ выдающимися въ линію точками поясы см. у Линденшмита Band II Heft 2 Taf. 3. б) Бронзовыя пугови разной величины и формы, бѣльшая чашечкой $1\frac{1}{4}$ дюйма въ поперечникѣ (см. у Саккена Taf. XVIII № 9. 10), одна выпуклая съ ободочкомъ, одна выпуклая же съ спиральною фигурою (объ въ діаметрѣ $\frac{5}{8}$ дюйма), съ широкими, очевидно, для продѣвки ремня ушками (рис. см. тамже № 26). Въ Моск. музей подъ № 25 пуговица круглая, гладкая, около 1 дюйма, № 36 весьма похожа на нынѣшній *запонъ*, съ спиральною фигурою. в) Бронзовая изящная вещица $\frac{5}{8}$ дюйма, служившая можетъ быть пуговицей, весьма похожая на грибокъ, имѣющій въ корнѣ большое и круглое отверстіе (рис. см. тамже № 27). См. такія же, какъ наши, съ спиральною пугови на поясѣ у Бера Taf. XIV № 14 и у Саккена Taf. XI № 3. 4.

Плашки. Въ Ананьинскомъ Могилиникѣ болѣе прочихъ вещей встрѣчаются бронзовыя продолговатыя плашки (отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ дюйма), на лицевой сторонѣ съ двумя по концамъ выпуклыми кружочками или пуговицами, а на оборотѣ по срединѣ съ широкимъ ушкомъ (очевидно, для ремня или проволоки). Таковыхъ въ нашемъ владѣніи штукъ до 25-ти (рис. см. тамже № 30. 31), да три въ Моск. музей подъ № 38. 37 и 39-мъ, только № 37, вмѣсто кружковъ, по концамъ имѣетъ спиральныя завитки, а № 39— другой совсѣмъ формы (рисунки обѣихъ вещей см. тамже № 28. 29). Сверхъ сего въ нашемъ владѣніи пять подобныхъ плашекъ съ гладкою поверхностію и такими же, какъ у предъидущихъ, внутри ушками, именно одна плашка квадратная въ $\frac{3}{4}$ дюйма, другая продолговатая (длины 1 дюймъ, шир. $\frac{5}{8}$ дюйма), третья такая же, но нѣсколько длиннѣе ея и на лицевой сторонѣ имѣетъ въ два ряда 12 треугольныхъ продолговатыхъ насѣчекъ или мѣтокъ (рис. см. тамже № 33,—таковыя же насѣчки у Бера на пластинкѣ Taf. IX fig. i, на браслетѣ Taf. XX fig. 12. 13) и двѣ плашки совершенно одинакія, длины около 2 дюймовъ, шир. $\frac{3}{4}$ дюйма, каждая съ ушкомъ на томъ и другомъ концѣ (рис. см. тамже № 32). Впрочемъ всѣ сіи плашки по широкимъ ушкамъ едва ли могли быть пуговицами на одеждѣ, а скорѣе служили хорошимъ украшеніемъ напр. на поясѣ, или по Ейхвальду (Über die Säugethierfauna S. 432) конской сбруи. Въ другихъ курганахъ Европы не видно таковыхъ штукъ, кромѣ развѣ подобной и не совсѣмъ опредѣленной у Бера Tab. XI № 14.

Кольчики и продѣлки. Въ нашемъ собраніи а) колечко бронзовое совершенно похожее на нынѣшній *перстень* съ широкою и почти круглою верхнею частию, только слишкомъ малое (во внутреннемъ поперечникѣ $\frac{3}{8}$ дюйма), чтобы кому нибудь носить его (рис. см. № 34; у Саккена Taf. XVIII № 8 совершенно похожіи перстень); б) вещица бронзовая, прекрасной малахитовой окиси, похожая на сплюснутый перстень (шир. около 1 дюйма, выс. $\frac{3}{8}$ дюйма), въ верхней половинѣ дугообразный, широкій и выпук-

дый, а въ нижней ровный и узкій (рис. см. тамже № 35); на другомъ экземплярѣ искусно сдѣланы такіе же спиральныя завитки, какіе и на музейской плашкѣ № 37. Въ Моск. музей подѣ № 34. 35 такія же вещицы бронзовыя, названныя продѣвками. г) Сверхъ сего мы имѣемъ четыре таковыхъ же какъ бы сплюснутыхъ кольчика несравненно меньшіе (ширины $\frac{5}{8}$ дюйма, выс. около $\frac{3}{8}$ д.) и одинаковыя въ верхней и нижней части (рис. см. тамже № 36); д) таковую же продѣвку изъ бронзовой проволоки (шир. болѣе 1 дюйма, выс. около $\frac{1}{2}$ дюйма), другую съ расшедшимися концами и третью въ родѣ скобочки. На предпоследнюю похожа у Дорова на Tab. VIII fig. 3 (см. въ текстѣ р. 24), на последнюю у Бера Taf. XVII fig. 8.

Бляхи, пряжки и т. п. украшенія. Всѣ слѣдующія вещи, кромѣ двухъ, находятся въ Моск. музей. а) Въ нашемъ владѣніи бронзовая, круглая, выпуклая бляшка ($1\frac{1}{4}$ дюймъ въ поперечникѣ) съ ушкомъ внутри, а по краямъ съ одной стороны 8 зубчиковъ, съ другой пять дырочекъ (рис. см. тамже № 37), — по всей вѣроятности, прикрѣплялась къ поясу же, см. подобныя же вещицы на поясахъ у Саккена Taf. IX. X. б) Бронзовая, круглая, выпуклая, узорчатая бляшка подѣ № 23 въ діаметрѣ $1\frac{1}{2}$ дюйма, съ ушкомъ и 6 дырочками (см. рис. № 38); в) подѣ № 33-мъ украшеніе, похожее на пряжку отъ пояса, оканчивающуюся кольцомъ въ поперечникѣ 3 дюйма (рис. см. тамже № 39). Всѣ эти вещи г. Дерхомъ куплены у Ананьинскихъ крестьянъ или вырыты въ тамошнемъ маломъ курганѣ. г) Боронкообразное украшеніе № 24 (въ діаметрѣ $\frac{1}{2}$ дюйма, высоты $\frac{3}{4}$ дюйма), — таковой же экземпляръ есть и въ нашемъ собраніи. Неизвѣстное это украшеніе нерѣдко встрѣчается въ славянскихъ Скиѣскихъ могилахъ близъ дер. Александрополя (Екатеринославскаго уѣзда), разрытыхъ г. Савельевымъ (см. Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1866 годъ, вып. 1, Спб. 1866: Древности Геродотовой Скиѣи стр. 6. 18. 20). д) Привѣска бронзовая, въ видѣ колокольчика подѣ № 26, выс. $1\frac{1}{4}$ дюйма, въ поперечникѣ $\frac{6}{8}$ дюйма, съ ушкомъ вверху и четырьмя по бокамъ скважинами (рис. см. тамже № 40), — бубенчики и колокольчики часто встрѣчаются въ древнихъ курганахъ. — Отнесемъ къ украшеніямъ имѣющуюся во владѣніи нашемъ круглую бронзовую вещь въ видѣ покрывки или тарелочки (4 дюйма слишкомъ въ поперечникѣ) съ стоями вогнутыми внутрь краями и съ ушкомъ по срединѣ этой внутренней стороны (рис. см. тамже № 41). Въ Древностяхъ, издаваемыхъ Кіевскою Временною Коммиссіею (Кіевъ 1846) на VII таб. подѣ № 1 два металлическіе кружка, изъ коихъ одинъ довольно похожъ на нашъ, предположительно считаются скрѣпками въ срединѣ щитъ. Но наша вещь, очевидно, служила зеркаломъ, какъ принимаетъ и г. Ейхвальдъ (Über die Säugethierfauna S. 445). Въ Моск. музей въ коллекціи древностей изъ Алтайскихъ кургановъ подѣ № 302 имѣется такая же точно вещь, названная зеркаломъ, съ вогнутыми внутрь краями и съ ушкомъ, въ діаметрѣ дюймовъ 5, безъ всякихъ на внутренней сторонѣ изображеній, какъ и наша вещь. Но въ томъ же музей въ числѣ тѣхъ же вещей другое подобное зеркало подѣ № 305, бронзовое, круглое, съ вогнутыми краями и ушкомъ по срединѣ, на внутренней сторонѣ имѣетъ изображеніе двухъ химерическихъ животныхъ, у коихъ головы и пасти — драконовскія, за спиной — крылья, а туловище и хвостъ — рыбы.

Непонятно значеніе слѣдующихъ двухъ вещей, находящихся въ нашемъ владѣніи: а) бронзовый (по химич. разложенію изъ мѣди, олова и слѣдовъ желѣза) наконечникъ, какъ будто отъ трости, но не цилиндрической, а конической фигуры, длины $2\frac{6}{8}$ дюйма, въ поперечникѣ круглаго отверстія своего 1 дюймъ, съ дырочкой въ

боку для укрѣпленія его гвоздемъ къ древку; похожъ на металлическую оконечность казацкой пикн (рис. см. таб. 1 № 42). б) Бронзовая вещь (по химическому разложению изъ мѣди и слѣдовъ олова), совершенно похожая на желобокъ, только съ сквознымъ отверстіемъ въ обоихъ концахъ, длины 3 дюйма, шир. $\frac{1}{2}$ дюйма; наружная, выпуклая сторона украшена въ два ряда, по 9 въ каждомъ, наръзными треугольничками, какъ и вышепомянутая плашка (см. рис. таб. 2 № 43). Въ Московскомъ музеѣ такая же вещь подъ № 21, съ тѣми же наръзками, длины дюйма 4. Въ Описаніи Алабина на рукояткахъ двухъ кинжаловъ у костяковъ XXIII № 86 и XLVI № 145 значатся какіе-то желобки, въ которыхъ какъ бы вставлено было какое-то украшеніе, но нашъ желобокъ въ этомъ видѣ никакъ нельзя приспособить къ кинжалу.

III. Вещи изъ домашняго быта, или хозяйственныя. По этому отдѣлу въ нашемъ владѣніи находятся: а) бронзовое (по химич. разложению изъ мѣди, олова и слѣдовъ свинца), очень хорошо сохранившееся, выемчатое *долото*, длины около 5 дюймовъ, въ концѣ при отверстіи, украшенномъ тремя искусными зигзагами, слишкомъ дюймъ (рис. см. таб. 1. № 44). Этой вещи въ другихъ курганахъ не встрѣчается; только въ Чудскихъ могилахъ на Алтаѣ найдено такое же точно мѣдное долото, но нѣсколько побольше нашего, слѣпокъ съ коего находится въ Моск. музеѣ подъ № 75, а подлинникъ—въ Академіи наукъ. б) Желѣзный *клинокъ отъ ножичка*, дл. $1\frac{1}{4}$ дюймъ; тогда какъ остріе почти прямолинейно, толстый обухъ имѣетъ горбылинку. Такой точно формы и, кажется, величины представляются ножички у Линденшмита Band I Heft 8 Taf. 4 № 3, Band II Heft 8 Taf. 2 № 10. 21, найденные въ Мекленбургѣ и въ свайныхъ жилищахъ (см. и у Саккена Taf. XIX № 2. 3.). в) Два экземпляра *пищевыхъ камней*, похожи на такъ называемые чертовы пальцы, съ дырочками вверху для подвѣски, одинъ цѣльный и красивый, длины 4 дюйма, другой, какъ видно, сломанный длины $3\frac{1}{4}$ дюйма. Въ Моск. музеѣ подъ № 1 точильный камень въ видѣ плашки, длины $5\frac{1}{2}$ дюймовъ, ширины $1\frac{1}{2}$ дюйма,—вырытъ г. Лерхомъ въ маломъ Ананьинскомъ курганѣ (рис. см. таб. 2 № 45); № 2 тоже въ видѣ палочки или чертова пальца (у Алабина № 22) длины $4\frac{3}{4}$ дюйма, оба съ дырочкою вверху (рис. см. таб. 1 № 46); № 3 тоже, ромбoidalной формы съ дырочкою въ срединѣ, дл. 3 дюйма, шир. 2 д., вырытъ г. Лерхомъ (рис. см. таб. 2 № 47). Такіе же точно точильные камни и у Саккена (Wetz—und Polirsteine S. 90) Taf. XIX fig. 22—26, у Бэра Taf. XV fig. 15, у Линденшмита Band I Heft 2 Taf. 1 № 11 (круглой формы); такіе же и въ Кіевскихъ могилахъ (см. Древности, изд. Временною Кіевскою Коммиссіею тетр. VII № 5), равно и въ могилахъ Мерянъ, найденные гр. Уваровымъ съ остаткомъ цѣпочки, какъ и № 25 у Саккена. г) Бронзовое *шило*, въ двухъ экземплярахъ, первый экземпляръ цѣльный, четырехгранный, отъ середины къ обоимъ концамъ постепенно утончающійся, длины $1\frac{3}{8}$ дюйма, другой бронзовый такого же точно вида, съ одного конца немного сломанный, длины въ настоящемъ видѣ $3\frac{1}{4}$ дюйма (а въ цѣльномъ былъ бы болѣе 4-хъ дюймовъ), и еще отломокъ, должно быть, отъ шила, такой же формы. У Бэра такого же точно вида и мѣры, какъ первое изъ сихъ, два желѣзныхъ шила Taf. III Grab 1 № 12 и Taf. IV Grab 2 № 5. Но у Ворсо въ Сѣвер. Древностяхъ № 274 таковая же точно бронзовая вещь безъ ушка почему-то названа иглою.

IV. Символы и амулеты. На основаніи указаній и по примѣру ученыхъ (Ружмона, Нильсона, Саккена, Бэра) слѣдующимъ вещамъ изъ Ананьина Могилиника мы даемъ

особенное значеніе, хотя нѣкоторыя изъ нихъ служили украшеніемъ одежды. Ибо обычай, говоритъ Саккенъ (Das Grabfeld von Hallstatt S. 85), носить на себѣ предметы или символы существъ, отъ коихъ мы думаемъ получить избавленіе отъ бѣды или какую нибудь пользу, сколько древнѣ въ родѣ человѣческомъ, столько же и всеобщъ, удерживаясь доселѣ. Изъ раскопокъ Ниневійскихъ мы видимъ, что колесо о 4 спицахъ, полумѣсяцъ, баранъ служили религіозными символами, но это не мѣшало симъ вещамъ у тѣхъ же Ассиріянъ служить украшеніемъ царскихъ браслетъ, рукоятокъ, усерязей и даже конскихъ чапраковъ (¹).

1. Бронзовое колесо (въ нашемъ владѣніи) о *четырехъ спицахъ*, имѣющее въ поперечникѣ $1\frac{1}{8}$ дюйма (рис. см. тамже № 48). Эта фигура, или изображеніе четырехконечнаго креста въ кругу, часто встрѣчающаяся на бронзовыхъ вещахъ, вообще признается принадлежностію бронзоваго вѣка, производится съ Востока изъ Ассиріи и считается религіознымъ символомъ (²). Она встрѣчается, какъ символъ религіозный, въ древнѣйшихъ гротахъ или могилахъ—Кивикскомъ въ Швеціи (Kivik-monument), Доутскомъ (Dowth) въ Ирландіи; съ четырьмя таковыми колесками представляются древнѣйшія и, очевидно, религіознаго значенія двѣ миниатюрныя бронзовыя колесницы, найденныя одна въ Пеккательскомъ курганѣ близъ Мекленбурга, другая въ Шонскомъ—въ Швеціи, а найденный тамъ же въ торфяникѣ бронзовый окладъ какого-то храмоваго сосуда имѣетъ десять колесокъ; наконецъ колесо съ четырьмя спицами или крестъ въ кругу изображаются на древнѣйшихъ Финикійскихъ и другихъ монетахъ, въ Египетскихъ іероглифахъ и въ древностяхъ Ниневійскихъ, и служатъ символомъ солнца, Ваала и другихъ подъ видомъ солнца въ древнемъ мірѣ почитаемыхъ боговъ (Нильсона Die Ureinwohner des Skand. Nordens. 1. Bronzealter S. 4. 9. 10—13. 26—31. 46. 47. 154). У Саккена Taf. XVIII fig. 6 a) 17. 19—21 (см. самый текстъ S. 137 и дал.) бронзовое колесо о четырехъ спицахъ или крестъ въ кругу, съ прибавкою иногда четырехъ еще кружковъ по сторонамъ, являются религіозными символами и амулетами. У Ворсо въ Сѣверныхъ Древностяхъ подобный крестъ въ кругу видѣнъ на ручкахъ трехъ бронзовыхъ ножей № 168—170, можетъ быть, ножей жертвенныхъ.

2. Бронзовая вещь (у насъ находящаяся) въ видѣ *ключа*, съ сквознымъ отверстіемъ въ стволѣ, у котораго притомъ съ одной стороны выемка въ видѣ параллелограмма; въ отверстіе влагалось что нибудь, или ключъ входилъ въ извѣстный предметъ (длины въ стволѣ 1 верш., шир. къ отверстію $\frac{9}{8}$ дюйма, а къ кольцу болѣе овальному поуже), на стволѣ винтообразная насѣчка (рис. см. тамже № 49).—Такая же по виду и величинѣ вещь въ Моск. музеѣ подъ № 20-мъ (въ Описаніи Алабина № 11) названная въ музейской описи ручкою. Вещь эта, насаженная на древко, своимъ кольцомъ представляетъ солнце, а рассматриваемая какъ ключъ, по древнимъ мифологіямъ, служитъ символомъ власти и могущества бога-солнца, запирающаго море, землю и преисподнюю (³). Потому у Египтянъ Озирисъ, у Грековъ Плутонъ,

(1) Layard Niniveh und seine Überreste, Deutsch von Meissner, Leipzig 1854, S. 343. 344. 390. 415. fig. 18. 31 a, 36. 72.

(2) Die Bronzezeit oder die Semiten im Occident, von Rougemont, übersetzt v. Keerl, Güterlohn 1869, S. 315. 377. 391. 434.

(3) См. Etymologisch—symbolisch—mythologisches Real-Wörterbuch von F. Nork, Stuttgart 1843-45, sub voce Schlüssel.

у Персовъ Митра обыкновенно изображаются съ ключами, какъ и нѣкоторые другіе боги, по этому называемые θεοὶ κλειδῶν (dii clavigeri). Что касается до бога-солнца: то мифологія свѣтлую, блаженную область его, въ которую восходятъ души умершихъ, ограждала стѣнами и вратами, ключъ отъ коихъ у него только и имѣлся (1).— Въ другихъ курганахъ такой вещи не видно.

3. Въ Моск. музеѣ подъ № 22-мъ полумѣсяцъ бронзовый, съ такимъ же пустымъ стволомъ, какъ и предыдущая вещь, длины со стволомъ $2\frac{1}{4}$ дюйма, въ одномъ стволѣ $1\frac{1}{4}$ д. (въ Описаніи г. Алабина № 53). Стволъ, какъ въ той же вещи, имѣетъ винтообразную настьчку и сквозное внутри отверстіе (рис. см. тамже № 50). Это сходство заставляетъ давать и настоящей вещи такое же значеніе, какъ предыдущей. Дѣйствительно, какъ кругъ съ крестомъ служить символомъ солнца или бога Ваала, такъ этотъ полумѣсяцъ обыкновенно признаютъ символомъ луны—богини Астарты, или Египетской Изиды, почитаемыхъ вмѣстѣ съ Вааломъ. Въ упомянутомъ Кивикскомъ памятникѣ въ Швеціи въ соотвѣтствіе двухъ круговъ съ крестами изображены и двѣ луны съ рогами, равно и на недавно открытой древней Финикійской таблицѣ, представляющей Финикійское богослуженіе и распоряженія о немъ, вмѣстѣ съ кругами солнца изображена луна и другіе религіозные символы (Nilsson, Ureinwohner des Skandin. Nordens, Bronzealter S. 41. 47). Подобное изображеніе, по объясненію Ружмона въ такомъ же смыслѣ, находится въ одномъ долменѣ департамента Орны во Франціи (Die Bronzezeit od. die Semiten im Occident S. 350). Символы луны и слѣды почитанія Астарты или другой соотвѣтствующей ей богини находятся и въ древнѣйшихъ такъ называемыхъ озерныхъ жилищахъ въ Швейцаріи, равно и въ Скандинавіи, и признаются современными бронзовому вѣку (2). Пластинки въ видѣ полумѣсяца открыты г. Савельевымъ въ Александропольскомъ Скиѣскомъ курганѣ въ гробницѣ коня—и видно, служили конскимъ украшеніемъ (какъ и у Ниневитянъ полумѣсяцъ является на конскомъ чепракѣ), а въ другой галлерей у человѣческихъ скелетовъ найдено также нѣсколько мѣдныхъ украшеній въ видѣ круговъ и полумѣсяцевъ (3). Изъ священныхъ и языческихъ писателей видно, что Ассиріяне и всѣ Семическія племена подъ разными именами обоготворяли солнце и луну (4),—и въ раскопкахъ Ниневійскихъ у Лаярда эти свѣтила постоянно являются священными символами. Такъ на одномъ барельефѣ, гдѣ царь представленъ совершающимъ религіозные обряды, на шеѣ у него висятъ знаки солнца, луны и звѣздъ съ нѣкоторыми другими. На другомъ барельефѣ изображена самая богиня луны—Гера или что тоже Астарта и Венера: въ лѣвой

(1) Гимнъ Прокла къ солнцу начинается такъ:

Κλύθι πρὸς νοστή βασιλεῦ χρυσῆνι πῦρ,
 Κλύθι, φῶς τὰντα, ζωαρκίος εἰς ἀνὰ κτῆς
 Αὐτὸς εὐφών κληῖδα

т. е. Услыши царь небснаго огня, златый Титанъ,
 Услыши податель свѣта, царь источника жизни,

Самъ имѣющій ключъ. (Fabricii Bibliotheca Graeca, ed. secunda, t. VIII p. 508).

(2) Nilsson, Die Ureinwohner des Skandin. Nordens, Das Bronzealter, Nachtrag, Hamburg 1865, S. 22. 52. 53, Первобытныи чловѣкъ,—соч. Лун Фигье, Спб. 1870, стр. 263.

(3) Отчетъ Императорской Археол. Коммисіи, Спб. 1866, Вып. 1: Древности Геродотовой Скиѣи, стр. 6. 19.

(4) О Персахъ, имѣвшихъ одну съ Ассиріянами вѣру, Геродотъ (Hist. I, 131.) говоритъ: Персы обоготворяютъ солнце, луну, землю, огонь, воду и вѣтры, это ихъ первоначальныя божества; впоследствии къ этому присоединили они еще, по примѣру Ассиріяны и Аравитянъ, Уранію (т. е. Венеру). О религіи Ассиріяны см. у Лаярда Niniveh und seine Überreste S. 410 ff.

рукѣ ея жезлъ, оканчивающійся полумѣсяцомъ, въ такомъ точно видѣ какъ помянутый музейскій полумѣсяцъ, насажденный на древко, а въ правой такая точно фигура, представляющая солнце, какая вышла бы, еслибъ въ сквозное отверстіе помянутой же ключеобразной вещи нашей вложено было древко съ перекрестіемъ ⁽¹⁾. Также на одномъ агатѣ весьма хорошо вырѣзана Ассирійская богиня, по Лаярду Астарты, у головы ея полумѣсяцъ, надъ головою и вокругъ — звѣзды, а передъ нею молящійся жрецъ. На другой вещицѣ также изображенъ жрецъ молящійся предъ полумѣсяцемъ ⁽²⁾. Найдена еще форма для отливки полумѣсяцевъ на древкахъ и колеска съ 4 спицами, какъ священныхъ символовъ ⁽³⁾.

4. Въ нашемъ собраніи бронзовая *орлиная голова* или орлиный клювъ (длины $1\frac{3}{4}$ дюйма), очень изящно сдѣланный, съ круглымъ, прорѣзнымъ отверстіемъ въ основаніи, коимъ (отверстіемъ) онъ, видно, насаживался на другой какой нибудь предметъ, и служилъ его украшеніемъ (см. рисунокъ тамже N 51); у Линденшмита есть подобное конское украшеніе (Band I Heft 5 N 4). Но гораздо ближе къ нашей вещи подходитъ на вышеозначенномъ музейскомъ N 19 боевомъ молотѣ орлиный клювъ. Тамъ же, въ музеѣ, близъ Анаѣинскихъ древностей, между вещами Енисейской губерніи, Минусинскаго уѣзда подъ N 81 есть бронзовый кинжалъ, у котораго вмѣсто плечиковъ вдѣланы двѣ орлиныя головы, обращенныя къ клинку. Въ Ниневійскихъ древностяхъ орелъ и въ особенности голова орлиная имѣетъ символическое значеніе. Съ этою головою обыкновенно изображается Ассирійскій богъ Нисрохъ (какое слово на Семическихъ языкахъ и означаетъ орла), иногда представляется съ нею царь Ассирійскій, и вообще орелъ постоянно является надъ головою побѣдителей въ сраженіи или въ триумфальномъ шествіи символомъ побѣды, какъ все это видимъ у Лаярда ⁽⁴⁾.

5. Въ нашемъ же владѣніи миниатюрная *баранья голова*, бронзовая съ ушкомъ или продѣвкой, какъ видно, служившая украшеніемъ чего либо, ширины 1 дюймъ, длины $\frac{7}{8}$ д. (см. рисунокъ № 52). Въ Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, Kopenhagen. 1837, S. 43 замѣчено, что таковыя небольшія фигуры могли служить идолами, а также и украшеніемъ, и что въ курганахъ, особенно Норвегіи, встрѣчаются небольшія фигуры звѣрей, коней, барановъ и т. д. Ружмонъ въ одномъ древнемъ языческомъ храмѣ въ Галліи, круглой формы съ двумя концентрическими стѣнами и съ бараньей головою на капителяхъ, также съ барельефомъ, представляющимъ двухъ соединенныхъ барановъ, справедливо указываетъ храмъ Семическій въ честь Ваала или солнца ⁽⁵⁾. Бакмейстеръ, описывая С.-Петербургскую Императорскую кунсткамеру, въ которой находилось довольно вещей изъ Сибирскихъ кургановъ, говоритъ о каменномъ Сибирскомъ баранѣ: думать надобно, что сей звѣрь былъ у древнихъ Сибирскихъ народовъ въ великомъ уваженіи, потому что на обрѣтаемыхъ нынѣ въ ихъ гробницахъ домашнихъ утваряхъ почти вездѣ видны его изображенія ⁽⁶⁾. Страшен-

(1) См. Layard Niniveh und seine Überreste, S. 414. 418 fig. 78. 82.

(2) Layard, Niniveh und Babylon, übersetzt v. Zenker, S. 460 Taf. XVIII fig. O. U.

(3) Ibid. S. 454 Taf. XXI fig. 8. — Вообще о боготвореніи полумѣсяца см. здѣсь замѣчанія S. 119. 120.

(4) Niniveh und seine Überreste S. 40. 177. 409. 421 fig 1.

(5) Die Bronzezeit oder Semiten im Occident S. 349. 369.

(6) Опытъ о библиотекѣ и кабинетѣ рѣдкостей С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ Бакмейстера, пер. Костычева, Спб. 1779, стр. 143.

бергъ ⁽¹⁾ дѣйствительно говоритъ (S. 419), что въ Сибири въ городѣ Красноярскѣ на рѣкѣ Енисей находится дикій, изъ камня изваянный, баранъ, къ которому благоговѣли окрестные язычники, какъ къ божеству какому, и на Tabula XXI лит. В представляетъ самое изображеніе этого барана. Объ этомъ или другомъ изваяніи барана на рѣкѣ Енисей, считаемаго тамъ Сагайцами и Качинцами за покровителя стадъ, говоритъ и г. Спасскій ⁽²⁾. Въ Ассиріи застежки и концы браслетъ у Ниневійскихъ царей, равно и рукоятки кинжаловъ часто имѣли видъ бараньей головы и встрѣчается цѣлое изваяніе барана ⁽³⁾. Какъ видно, тамъ его боготворили или считали священнымъ животнымъ. На одномъ барельефѣ надъ головою царя, по объясненію Лаярда, изображены въ четырехъ группахъ священные символы. Именно изображены на пьедесталѣ три тиары и короны, въ коихъ обыкновенно представляются Ниневійскіе боги и эвѣри съ человѣческими главами (тѣ же боги), подлѣ нихъ родъ алтаря, на которомъ—высокій жезлъ съ бараньей головой; на другомъ пьедесталѣ—трезубецъ и три жезла съ фигурами же, по одну сторону этого пьедестала—полумѣсяцъ, по другую крестъ въ кругу (солнце) и семь звѣздъ ⁽⁴⁾. Въ древнемъ Египтѣ мы также видимъ овна, какъ священное животное, въ колоссальномъ изваяніи предъ вратами Карнакского храма.

6. Въ коллекціи нашей бронзовый, миниатюрный (длины и ширины $\frac{1}{8}$ дюйма) *пѣтушокъ* на шпилькѣ, утвержденномъ на тонкомъ и кругломъ, какъ серебряный пяточокъ, основаніи. Вещь эта есть не что иное, какъ украшенный пѣтушкомъ запонокъ, образецъ котораго между Ананьинскими вещами, только другой простой формы, указанъ нами и выше въ слѣпкахъ Моск. музеев. Вещица сдѣлана весьма изящно; къ сожалѣнію только пѣтушокъ теперь притиснутъ къ своему основанію, такъ что шпилькѣ, вмѣсто вертикальнаго, принялъ горизонтальное положеніе (см. рис. тамже № 53). Подобное украшеніе встрѣчается и на головныхъ шпилькахъ женщинъ или на другихъ такого рода вещахъ у Ворсо (Сѣвер. Древности) № 238—240 и у Линденшмита Band I, Heft 4 Taf. 4, Band II, Heft 5 Taf. 6. Пѣтухъ, какъ добрый провозвѣстникъ, бодрственный, браннолюбивый и похотливый занимаетъ мѣсто въ мифологіи многихъ народовъ, и по этимъ качествамъ имѣетъ особенное значеніе ⁽⁵⁾. Не говоря о Грекахъ и Римлянахъ, замѣтимъ, что у Персовъ пѣтухъ служилъ утѣшительнымъ символомъ воскресенія или возстанія отъ смертнаго сна; богъ Нергалъ, о которомъ говорится въ 4-й книгѣ Царствъ 17, 30., въ землѣ Хутъевъ (въ той же Персіи или около Вавилона), по Еврейскимъ комментаторамъ имѣлъ видъ пѣтуха. Ассиріане дѣйствительно почитали пѣтуха или давали ему религиозное значеніе. На одной геммѣ изъ развалинъ Ниневійскихъ представляется жрецъ, молящійся пѣтуху (можетъ быть тому же самому Нергалу), стоящему на алтарномъ столѣ. То же самое изображеніе, съ дополненіемъ алтаря, находится еще на цилиндрѣ, при чѣмъ въ обоихъ случаяхъ вверху является полумѣсяцъ ⁽⁶⁾.

7. Въ Московскомъ музеѣ подъ № 30 бронзовое украшеніе въ видѣ *дракона*, какъ кажется, пожирающаго птицу или животное какое,—опредѣлить трудно, съ ушкомъ

(1) Das nord-und östliche Theil von Europa und Asia etc. Stockholm 1730.

(2) О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ древностей въ XII книгѣ Записокъ Русскаго Географическаго Общества, Спб. 1857, стр. 38 въ примѣч.

(3) См. Layard Niniveh u. seine Überreste S. 343. 344, Nin. u. Babylon S. 140. 430 Taf. XXI v. z.

(4) Nin. u. Babylon S. 158 Taf. VIII G.

(5) Etymologisch—symbolisch—mythologisches Real-Wörterbuch v. Nork II, 137.

(6) Layard Niniveh und Babylon S. 410. 411. Taf. XVIII F. A.

внутри и скважинами, довольно изящной отделки (въ Описаніи Алабина № 85). Бляшка почти круглая, длины 3 дюйма, ширины 2 $\frac{3}{4}$ дюйма (рис. см. тамже № 54). Подобныя изображенія драконовъ и змѣй часто встрѣчаются на вещахъ бронзоваго и даже каменнаго вѣка, — и Датскій музей обилуетъ ими ⁽¹⁾. Ружмонъ фигуры драконовъ и чудовищъ, терзающихъ и поглощающихъ другъ друга, которыя въ бронзовый періодъ распространились на Западѣ, признаетъ восточными символами (Bronzezeit p. 367. 418); такъ принимаетъ и Саккенъ (S. 87) одну найденную при богатомъ сожженномъ скелетѣ драконообразную фигуру, которой голова, какъ у нашего дракона, похожа на телячью съ маленькими рогами, а тѣло то на птичье, то на змѣиное. Нѣсколько изображеній драконовъ найдено г. Савельевымъ въ Александропольскомъ Скиескомъ курганѣ, между ними золотое украшеніе изъ двухъ драконовъ, или на бляхахъ драконъ, терзающій какое-то животное, похожее на тигра, — къ сожалѣнію мы не имѣемъ возможности сличить это послѣднее изображеніе съ музейскимъ экземпляркомъ ⁽²⁾. Драконъ также встрѣчается въ міеологіяхъ ⁽³⁾. У Римлянъ между прочимъ онъ былъ посвященъ Марсу, и въ послѣдствіи Римскія войска на знаменахъ своихъ имѣли изображеніе дракона, занявъ сіе, по свидѣтельству Арріана (Tactic. 51), отъ Скиевъ. Этого, вѣроятно, смыслъ побѣдъ имѣетъ и наша бляшка.

8. Собственно намъ принадлежащая пряжка бронзовая, вѣроятно отъ пояса, на одномъ концѣ ея крючокъ, коимъ она, видно, прищиплялась за петлю другой такой же вещи, а на другомъ концѣ изображеніе змѣи съ *разверстою пастью*. Съ этого же конца внутри два ушка, въ кои, видно, отъ пояса продѣвались ремешки (длины пряжка 2 дюйма (рис. см. тамже № 55). Какъ уже замѣчено выше, вещей съ змѣиными головами довольно находится въ Датскомъ музеѣ. У Грековъ и Римлянъ какъ шейные круги, такъ особенно ручныя кольца или браслеты имѣли видъ змѣй или на концѣ украшались ихъ головами, и такого рода кольца назывались *ὄφεις* или *δρακόνες* (Крузе p. 12). Въ Остзейскихъ могилахъ у Крузе браслеты обыкновенно оканчиваются змѣиными головами (p. 31. Tab. 2. I. K. N. O. Tab. 27 fig. 10). И Бэръ бронзовыя украшенія изъ змѣй съ погремушками относитъ къ амулетамъ или символамъ (Die Gräber d. Liven S. 8). Въ міеологіяхъ и повѣріяхъ народныхъ змѣя является въ двухъ совершенно противоположныхъ видахъ: то она считается символомъ смерти, то исцѣленія и обновленія. Такъ она считалась у Египтянъ, Индійцевъ, Персовъ, Грековъ, Германцевъ и Славянъ ⁽⁴⁾. У Ассиріянъ вышепомянутая богиня Гера или Астарта и Венера на одномъ барельефѣ представлена съ змѣю въ рукѣ, равно какъ одна, имъ соотвѣтствующая, Египетская богиня держитъ въ рукѣ двухъ змѣй ⁽⁵⁾; а у Индійцевъ змѣя весьма часто является атрибутомъ божествъ. Ручка одного древнѣйшаго священнаго сосуда, принадлежащаго, по объясненію Нильсона, къ Финикійскому ваалослуженію, представляетъ змѣю съ *разверстою пастью* ⁽⁶⁾.

9. Въ Моск. музеѣ бронзовое украшеніе подъ № 29-мъ, въ видѣ *медвѣжьей головы*, съ ушкомъ или петлей на внутренней сторонѣ, купленное г. Лерхомъ у Анан.

(1) Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde S. 63. 64.

(2) Древности Геродотовой Скиаи въ Отчетѣ Археологической Коммиссіи, Спб. 1866, Выпускъ 1 стр. 15. 20.

(3) Nork ibid. sub v. Schlange, Universal-Lexicon Pierer, sub v. Drache.

(4) Nork ibid. sub v. Schlange.

(5) Layard, Niniveh u. seine Überreste S. 418. 419. 300.

(6) Nilsson, Ureinwohner, Bronzenalter S. 152.

крестыянь (длины $1\frac{1}{4}$ д., шир. $\frac{7}{8}$ д.—рис. см. тамже № 56). У Бэра одна грудная пряжка (Brustspangen) также въ видѣ медвѣжьей головы (хотя на нашу не похожа), и еще медвѣжий зубъ просверленный въ корнѣ, съ кольчикомъ, служившій привѣскою. Признавая то и другое амулетами или символами, Бэръ указываетъ на почитаніе медвѣдя у языческихъ Финляндцевъ, отправлявшихъ въ честь его особый праздникъ съ обрядами, равно и у нашихъ Сибирскихъ шамановъ, и справедливо замѣчаетъ, что въ древнихъ могилахъ на Енисеѣ находили бронзовыя плашки съ начерченными на нихъ изображеніями медвѣдей (1). На медвѣжьи зубы указываетъ въ своихъ могилахъ и Саккенъ (2), объясняя, что они, какъ амулеты, привѣшивались къ малолѣтнимъ дѣтямъ, съ вѣрою, что легко прорѣжутся и укрѣпятся ихъ собственные зубы. Страленбергъ (3) показываетъ найденныя въ Сибири каменные изваянія медвѣдей. Ейхвальдъ имѣетъ въ своемъ владѣніи изъ Чудскихъ могилъ на Печорѣ вылитое изображеніе медвѣдя для украшенія одежды, и говоритъ, что таковыя фигуры у Чуди встрѣчаются очень часто (4). Проф. Ешевскій между Пермскими древностями, Чудскаго происхожденія, представляетъ рисунки двухъ таковыхъ же бронзовыхъ вещей (5). Въ другомъ мѣстѣ, Пермской губ. въ Чудскихъ же могилахъ, найдены два бронзовыхъ медвѣдя (6).

Можетъ быть, какимъ амулетомъ же служила бронзовая пряжка или крючекъ, похожій на ручку отъ современной трости и описанный у Алабина подъ № 30, съ косяго слѣпокъ въ Моск. музеѣ подъ № 32. Пряжка эта представляетъ какого-то звѣря (рысь? волка?) съ очень длинною мордою и прижатыми ушами (рис. см. тамже № 57).

Къ вещамъ символическимъ можно отнести и горшки и слезницы, найденныя при скелетахъ, такъ какъ это была принадлежность погребенія, и притомъ нѣкоторые горшки, въ курганахъ находимые, имѣли на себѣ символическія изображенія солнца или луны, напр. у Бэра Taf. XXI № 27. 28. Въ Моск. музеѣ изъ Ананьина Могиляника находятся четыре слѣпка горшковъ, именно № 40 горшокъ глиняный (у Алабина № 21) похожъ на обыкновенный, высоты около 4 дюймовъ, въ діаметрѣ около $5\frac{1}{2}$ д. № 41 маленький горшечекъ (у Алабина № 74) выс. около 3 дюймовъ, № 42, 43, 44 три маленькихъ горшечка, бывшіе одинъ въ другомъ (у Алабина № 69. 70. 71,—рис. 42 и 43 см. тамже № 58. 59), меньшій № 44 въ діаметрѣ $1\frac{1}{2}$ д. такой же точно формы, какъ у Дорова tab. XI fig. 7, № 45 горшечекъ узорчатый (у Алабина № 100) особой отъ другихъ формы,—шире въ основаніи, и уже вверху, діаметръ самый бѣльшій къ низу около 3 дюймовъ, вверху въ отверстіи $1\frac{3}{4}$ дюйма (рис. см. тамже № 60).

V. Вещи отъ конской сбруи. Въ моемъ владѣніи находятся слѣдующія таковыя вещи: а) удила желѣзные, очень заржавѣлыя,—и странно, что одно звѣно въ длину $5\frac{3}{8}$ дюйма, а другое гораздо меньше его $3\frac{1}{2}$ дюйма, формы такой же, какъ наши простыя удила; б) удила бронзовыя (по химич. разложенію изъ мѣди и слѣдовъ желѣза), оба звѣна одинаковой мѣры, но, кажется, слишкомъ уже малы, каждое въ длину $3\frac{1}{2}$ дюйма, сдѣланы художественно и покрыты превосходнымъ малахитовымъ слоемъ окислоти (рис. см. № 61). Въ Моск. музеѣ въ числѣ древностей изъ Алтайскихъ кургановъ подъ № 11

(1) Die Gräber d. Liven S. 8 Taf. VII fig. I Taf. X. fig. 10.

(2) S. 85, Taf. XVIII fig. 30.

(3) Das nord—und östliche Theil von Europa und Asia, Stockholm 1730, ad calcem Tab III. XII.

(4) Über d. Säugthierfauna S. 440.

(5) Пермскій Сборникъ. Москва 1859, стр. 140 фиг. 7. 14. 15.

(6) Иавѣстія Императорскаго Археологическаго Общества, Спб. 1861. т. 2 стр. 365.

также представляются бронзовые удила, по формѣ совершенно похожи на мои, только нѣсколько болѣе ихъ. Мѣдныя удила найдены и въ Чудскихъ могилахъ Пермской губерніи ⁽¹⁾. Въ Датскомъ музеѣ есть удила какъ желѣзныя, такъ и бронзовыя, но совсѣмъ другой, отличной отъ нашихъ, формы ⁽²⁾. в) Желѣзная вещь, похожая на Латинскую букву S, съ двумя по срединѣ дырочками, длины около 6 дюймовъ. Эта вещь считается принадлежностію къ удиламъ и называется *нащечникъ* или *барашигъ*. Ихъ бывають два и прикрѣпляются они къ концамъ удили, по ту и другую сторону лошадиной морды. Въ Моск. музеѣ между Сибирскими вещами, полученными изъ Археологической Коммиссіи, есть такія вещи, прикрѣпленные къ удиламъ и отдѣльныя. Подобныя вещи видны уже на Ассирійскихъ коняхъ ⁽³⁾. г) Въ моемъ владѣніи бронзовая привѣска въ видѣ *трезубца*, вверху окончивающаяся какъ бы перевитой веревочкой съ ушкомъ, длины 3 дюйма, ширины въ основаніи трезубца 1 дюймъ. Подобная же вещь и въ Москов. музеѣ № 31 длины 1¼ дюйма. Вѣроятно, служила украшеніемъ конской сбруи, или привѣшивалась къ ожерелью.

VI. Вещи кремневые. Мы имѣемъ въ рукахъ своихъ восемь *кремневыхъ стрѣлъ*, найденныхъ въ Анап. Могильникѣ. Почти всѣ онѣ въ длину около 2 дюймовъ, большая 2⅜ д., и формою своею похожи на таковыя стрѣлы отъ каменнаго вѣка, открытыя въ другихъ курганахъ Европейскихъ (рис. ихъ см. таб. I № 62—66). Подобныя стрѣлы у Ворсо (въ Сѣв. Древностяхъ № 65—67), у Нильсона (*Das Steinalter oder die Ureinwohner des Skandinavischen Nordens, überzegt v. Mestorf, Hamburg 1868, Pl. III. № 57, 56, 48, 60, Pl. V и VI*), у Дорова (S. 48), у Линденшмита (*Band I Heft VI Taf. I № 9, 10, 15*). П. И. Лерхъ, слышавъ, что Анапійскихъ крестьянъ приобрѣлъ каменный или кремневый ножъ или другое какое не малое орудіе изъ каменнаго вѣка.—Замѣтимъ съ одной стороны, что двѣ кремневыя стрѣлы, между бронзовыми вещами, найдены и въ древнемъ Кивикскомъ памятникѣ и нѣкоторыхъ другихъ курганахъ въ Британіи ⁽⁴⁾, а съ другой, что таковыя стрѣлы и каменные орудія встрѣчаются, хотя очень рѣдко, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ ⁽⁵⁾.

Прошедшаго года, когда мы сами были на мѣстѣ Анапійна Могильника, узнавъ, что въ немъ когда-то найденъ былъ большой камень съ *изображеніемъ человека*, мы употребили всѣ старанія къ отысканію его, и наконецъ нашли его у одного крестьянина разбитымъ на восемь частей, изъ коихъ семь, собранныя съ разныхъ концовъ двора, и были намъ уступлены, а осьмая часть (въ общемъ составѣ впрочемъ не важная) совсѣмъ пропала. Камень этотъ, опоконный, найденъ крестьяниномъ въ главномъ или большомъ Анапійскомъ курганѣ, въ землѣ на четверть отъ верха, высоты онъ 6 четвертей 11 верш., ширины внизу 8 верш., а вверху нѣсколько суженномъ и сведенномъ полукругомъ 7 верш., толщины 1 четв. Камень, по сказанію крестьянина, лежалъ въ извращенномъ положеніи—внизъ головою: въ такомъ поло-

(1) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества, Спб. 1861, т. 2 стр. 385.

(2) Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, S. 48, слѣд. Ворсо Сѣв. Древности № 354. 355.

(3) Layard Niniveh und seine Überreste fig. 11. 15. 18. 19.

(4) Die Ureinwohner d. Skand. Nordens, Bronzealter, S. 42, 88.

(5) См. въ Извѣстіяхъ Импер. Археол. Общества, Спб. 1864, т. IV, стр. 145. 310 статью г. Лерха: Орудія каменнаго и бронзоваго вѣковъ въ Европѣ, и въ Древностяхъ Моск. Археологическаго Общества, Москва 1867 Янв.—Февр.: Для археологіи каменнаго вѣка въ Россіи.

женіи найдено нѣсколько надгробныхъ камней и въ древнихъ курганахъ на Енисей, въ ознаменованіе того, какъ гадаетъ г. Спасскій, что этотъ человѣкъ умеръ или пошелъ въ землю (1). На лицевой выглаженной сторонѣ камня вырѣзано въ глубь, во весь ростъ, изображеніе человѣка, полагаемъ, современнаго самому Могильнику, въ полномъ его вооруженіи и украшеніи; каковыя мы видимъ на самыхъ скелетахъ здѣсь положенныхъ (2). Именно, представленъ на камнѣ человѣкъ въ остроконечной шапкѣ, которой частнѣйшія черты, намъ передаваемыя, къ сожалѣнію стесаны. Таковыя остроконечныя, прямыя шапки, по свидѣтельству Геродота (Hist. lib. VII сар. 64), носили Скиѣы,—и мы приведемъ подлинныя слова его, дабы видѣть, что какъ по этой шапкѣ, такъ и по вооруженію изображенный на нашемъ камнѣ человѣкъ совершенно соотвѣтствуетъ Геродотову Скиѣу. Геродотъ говоритъ: οἱ Σκύθαι περὶ μὲν τῆς κεφαλῆς κορυβαίας ἐς ὧν ἀπλημένας ὀρθὰς εἶχον πεπληυίας, ἀναξυρίδας δὲ ἐνδεδύκεσαν. τῆς δὲ ἐπιχώρια καὶ ἐγχευρίδια, πρὸς δὲ καὶ ἀείνας σαυάρις εἶχον, т. е. Скиѣы на головахъ имѣють прикрѣпленныя прямыя, остроконечныя шапки, носятъ панталоны и употребляютъ туземные луки и кинжалы, а къ этому еще военныя сѣкиры. Изображеніе этой Скиѣской шапки, совершенно похожее на представляющуюся на Ананьинскомъ памятникѣ, см. въ Древностяхъ у Вейсса (3). Тутъ же (сар. 63) Геродотъ говоритъ объ Ассирійскихъ воинахъ, что на головахъ они имѣли мѣдныя шлемы, сдѣланные страннымъ нѣкимъ образомъ,—и въ рисункахъ Лаярда эти шлемы остроконечныя, очень похожіе на Скиѣскія шапки (4). Въ Скиѣскихъ древностяхъ Императорскаго Эрмитажа бронзовый барельефъ, найденный въ одномъ изъ Сибирскихъ кургановъ, представляетъ охотника въ длинной къ верху сѣуженной шапкѣ, равно какъ и на другой бронзовой статуѣ человѣческой фигуры въ остроконечныхъ колпакахъ (5). Отъ шапки спускаются на плеча и ниже двѣ какія-то покрывки,—и мы изъ древнихъ свидѣтельствъ и памятниковъ достоверно знаемъ, что Скиѣскія остроконечныя шапки концами своими спускались до самыхъ плечъ (6). На шеѣ человѣка широкой кругъ съ продольными по немъ чертами, конечно показывающими разныя на немъ фигуры и украшения: эти шейные металлическіе круги въ древности носили не только женщины, но и мужчины. Въ могилахъ у Бѣра мужескіе скелеты имѣють на шеѣ такіе же разнымъ образомъ украшенные круги, и не одинъ только, но два и даже четыре на скелетѣ (Die Gräber der Liven S. 2 Taf. I fig. 6. 7). На поясѣ покойника продольными по немъ чертами также показываются употребляемыя на немъ разныя украшения. Въ правой рукѣ человѣка или въ боку—кинжалъ и военная сѣкира въ видѣ кирки, насажденная на древко; первый такой же точно формы и величины, какъ найденный въ Могильникѣ нашъ желѣзный кинжалъ, озна-

(1) См. въ Запискахъ Русскаго Географическаго Общества, книга XII, Спб. 1857, статью г. Спасскаго О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ древностей, стр. 125.

(2) Рисунокъ камня см. въ Древностяхъ Ананьинскаго Могильника табл. 1 (въ счетѣ съ другими IV) № 1. Въ Древностяхъ Моск. Археологическаго Общества т. III вып. 2 при статьѣ «Елабужскія древности» снимокъ этотъ слишкомъ неудаченъ.

(3) Kostümkunde, od. Handbuch Geschichte der Tracht, des Baues und des Geräthes der Völker des Alterthums, II Abtheilung, Stuttgart 1860, S. 553. fig. 214 с или b.

(4) Layard Niniveh und seine Überreste fig. 21. 42. 58. 69. 81.

(5) См. въ Запискахъ Археологическаго Общества т. V, Спб. 1853, статью г. Муравья: Скиѣскія древности, хранящіяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, стр. 214.

(6) См. Georgii Alte Geographie, beleuchtet durch Geschichte, Sitten, Sagen Völker etc., Stuttgart 1838, 2-e Abtheil. S. 292, слѣд. изображение Скиѣы у Вейсса ibid. fig. 214 lit. b.

ченный выше подъ буквою б, а сѣкира очень похожа на нашу же бронзовую сѣкиру подъ буквою а. Въ лѣвомъ боку что-то полукруглое съ продольными же чертами, можетъ быть щитъ, или же чашка для питья, которую по Геродоту (Hist. IV, 10) Скиѣмъ обыкновенно носили при поясахъ. Глаза у человѣка большіе, что указываетъ на его не чисто Монгольское происхожденіе. На памятникѣ, какъ и ни на одной изъ найденныхъ въ Анап. Могильникѣ вещей, никакой подписи нѣтъ. Съ перваго раза можно было предполагать, что этотъ камень, лежавшій не въ глубинѣ Могильника, но почти на поверхности его, положенъ уже впоследствии, и притомъ не Булгарами ли или даже Татарами Казанскаго царства, когда у нихъ надгробные камни—почти такого же размѣра и вида, оканчивались полукругомъ? Въ древніе курганы, какъ въ готовныя могилы, могли быть сложены и поздніе покойники,—замѣчаетъ Фундуклей и о своихъ Киевскихъ могилахъ (Обозрѣніе Киевскихъ могилъ и пр., стр. 4). Но Булгарскіе или Татарскіе памятники обыкновенно бывають съ подписью или стихами изъ корана, и никогда съ изображеніемъ человѣка, которое и запрещено мусульманскимъ закономъ⁽¹⁾. Изображенный на нашемъ памятникѣ человѣкъ, по вооруженію и костюму своему, какъ видѣли, очень похожъ на Геродотова Скиѣа или на тѣхъ людей, кои похоронены въ Могильникѣ. Извѣстно, что на древнихъ курганахъ какъ въ Сибири, такъ и въ великой Россіи ставились мужскія и женскія статуи—не всегда какихъ нибудь божествъ, но и погребенныхъ тутъ покойниковъ⁽²⁾. На вершинѣ Скиѣскаго Александропольскаго кургана также стояла словущая въ народѣ «каменная баба»—изваяніе впрочемъ неопредѣленное⁽³⁾. Отъ глубокой ли древности, къ какой относимъ Анап. Могильникъ, или по недостатку художниковъ, либо средствъ, здѣсь образъ покойника не изваянъ, а только вырѣзанъ на камнѣ. И замѣчательно, что въ Парижѣ въ Луврскомъ музеѣ между Ниневійскими древностями хранится статуэтка изъ слоновой кости, представляющая мужскую фигуру также съ шейнымъ кругомъ и кинжаломъ при широкомъ, украшенномъ поясѣ⁽⁴⁾. Подлинный Анап. Могильникъ, на семь частей раздробленный, мы передали въ вѣдѣніе Моск. Археологическаго Общества, гдѣ теперь онъ и хранится.

За симъ мы выскажемъ свое мнѣніе или предположеніе о времени Анап. Могильника и о народѣ, которому онъ принадлежалъ, предоставляя по изложеннымъ нами даннымъ рѣшеніе этого труднаго вопроса болѣе насъ свѣдущимъ и проникательнымъ. Не нужно почти и говорить, что Могильникъ на территоріи, впоследствии входившей въ составъ древне-Булгарскаго и Казанскаго царства, не относится ко времени ни того ни другаго. Изъ рисунковъ и описаній у Березина (Булгаръ на Волгѣ, Казань 1853 г.) и другихъ, равно и слѣпковъ или подлинниковъ, имѣющихся въ Московскомъ музеѣ, видно, что вещи, найденныя въ развалинахъ Булгара на Волгѣ и Билярска, сравнительно съ Анап. Могильникомъ, имѣють совсѣмъ другой характеръ и форму—позднѣйшаго времени. Здѣсь нѣсколько топоровъ—изъ свѣжаго, не перержавѣлаго желѣза, не походящихъ на древніе кельты, а болѣе на то-

(1) См. напр. о таковыхъ памятникахъ въ Булгарѣ на Волгѣ Березина стр. 29, или въ Билярскѣ Журналъ или Дневныя Записки Рычкова, Спб. 1770, стр. 15. 16.

(2) См. вышеупомянутую статью г. Спасаго О достопримѣчательнѣйшихъ памятникахъ Сибирскихъ древностей стр. 124—129 и рисунки на таб. 1.

(3) См. въ Отчетѣ Археол. Комиссіи, Спб. 1866, Вып. 1-й: Древности Геродотовой Скиѣи.

(4) Лиденшмитъ Die Alterthümer d. heidnischen Vorzeit Band II, Heft 11 Taf 3. № 3.

поры нынѣшніе; есть одио желѣзное орудіе въ видѣ кирки, но совсѣмъ не то, что Ананьинская военная сѣкира; изъ украшеній есть наручни изъ широкой (дюйма въ полтора) листовой мѣди, мѣдире же круглое зеркало, перстни, сережки—позднѣйшей болѣе искусственной формы, съ разными затѣйливыми фигурами и Арабскими письменами, какъ печати; бусы здѣсь встрѣчаются изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, какъ мозаика или обернутыя въ финифть. Вообще нѣтъ вещей изъ той бронзы, какая господствуетъ въ Ананьинскихъ древностяхъ, а Булгарскія вещи или изъ желѣза или чисто мѣдныя, серебряныя и золотыя.

Ясно, что Ананьинскій Могильникъ, представляющій вещи, не только составляющія роскошь, каковы разныя украшенія, но и относящіяся къ оружію, и даже къ домашнему обиходу,—почти всѣ бронзоваго состава, относится по этому къ такъ называемому *бронзовому вѣку*. Если вмѣстѣ съ бронзовыми встрѣчаются здѣсь и желѣзныя, иногда тѣ же самыя вещи, напр. кельтскіе топорики, кинжалы, копья, стрѣлы, удила: то надобно замѣтить, что желѣзо съ отдаленнѣйшихъ временъ, можетъ быть еще послѣпотопныхъ, вообще употреблялось и въ бронзовый періодъ, особенно у Ассирійянъ: при обыкновенной у нихъ бронзѣ Ассирійяне изъ желѣза дѣлали плуги, молоты, копья, панцыри и т. п. (1). Въ Александропольскомъ Скиѣскомъ курганѣ вмѣстѣ съ бронзою встрѣчаются части желѣзной чешуйчатой кольчуги, желѣзныя скобы, желѣзная оковка колесницы, желѣзные шины, удила (2). Трупосоженіе, не исключющее и простое погребеніе (то и другое и въ Ананьинскомъ Могильникѣ), вообще относятся къ отличительнымъ признакамъ бронзоваго періода (3). Сплавъ Ананьинской бронзы, по химическому разложенію состоящей лишь изъ мѣди и олова, съ исключеніемъ цинка и свинца, а нѣкоторыхъ вещей изъ одной мѣди со слѣдами олова, есть древній первоначальный сплавъ.—и такова между прочимъ была Ассирійская бронза (4). На Ананьинскихъ вещахъ украшенія, если иногда и встрѣчаются, то только самыя простыя, первоначальныя, именно прямыя или ломаныя линіи, зигзаги, рѣдко дугообразныя и спиральныя. Кельты здѣсь имѣютъ древнюю форму безъ ушковъ и вовсе нѣтъ болѣе или менѣе художественныхъ и уже послѣ явившихся Германскихъ и Датскихъ такъ называемыхъ пальставовъ (5), ни замысловатыхъ и артистическихъ вещей Этрусскаго или Греческаго происхожденія, какъ въ Галльштатскомъ Могильникѣ или Александропольскомъ Скиѣскомъ и другихъ южныхъ курганахъ, ни длинныхъ многосоставныхъ шейныхъ цѣпей съ разными привѣсками, позвонками и погремушками, ни большихъ искусственныхъ къ одеждѣ шпилекъ или иголъ, ни широкихъ украшенныхъ браслетовъ и для той же цѣли большихъ спиралей, столь обыкновенныхъ въ Остзейскихъ курганахъ, судя по описаніямъ и рисункамъ у Бера и Крузе (6). Это значитъ, что Ананьинскій Могильникъ, не представляя позднѣйшихъ развѣтвленій или особенностей, принадлежащихъ извѣстнымъ мѣстностямъ или народностямъ, сходствуешь съ тѣми западными курганами только въ древнѣйшихъ вещахъ. Но замѣчательно, что многія Ананьинскія вещи, особенно символы и амулеты,

(1) Рунковъ Die Bronzezeit, oder d. Semiten im Occident S. 156. 157.

(2) Въ Отчетѣ Импер. Археолог. Комиссія, Спб. 1866: Древности Геродотовой Скиѣи стр. 9. 17. 18. 21.

(3) Рунковъ ibid. p. 306 sq., p. 430 sq.

(4) Рунковъ ibid. S. 161, Фигье Первобытныя челоуѣкъ, Спб. 1870, стр. 207 и слѣд.

(5) Рунковъ ibid. p. 41 sq.

(6) Слич. Бера Die Gräber d. Liven §. 29.

какъ видѣли, имѣютъ близкое отношеніе къ Ниневійскимъ древностямъ. Въ связи съ симъ имѣютъ силу доказательства древности и кремневныя стрѣлы, въ Могильникѣ встрѣчающіяся, и то, что таковыя обыденныя и необходимо требующія желѣзной твердости вещи, какъ долото, шило или вышепомянутый половинчатый кельтъ—рѣзецъ, здѣсь также бронзовыя. Последнему обстоятельству, т. е. если гдѣ и самый рѣзецъ изъ бронзы, Бэръ даетъ особенную важность въ опредѣленіи древности (1). По всѣмъ этимъ основаніямъ мы относимъ Ананьинскій Могильникъ въ самомъ бронзовомъ вѣкѣ не къ концу его, когда бронза вытѣсняемая желѣзомъ, сдѣлалась лишь предметомъ роскоши, а ко времени преобладанія бронзы. А потому не сомнѣваемся отнести Могильникъ вообще ко временамъ до Рождества Христова.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, раздѣляемымъ многими знаменитыми учеными, начало бронзоваго вѣка въ Европѣ или точнѣе бронзовой металлургіи, восходящее къ древнѣйшимъ временамъ міра, производится отъ торговыхъ сношеній или колонизаціи въ ней древне-азіатскихъ Семическихъ племенъ, т. е. племенъ, происходящихъ отъ перваго сына Ноева Сима. Полное и основательное изслѣдованіе объ этомъ, на основаніи предшествующихъ и современныхъ трудовъ разныхъ ученыхъ, представляетъ нерѣдко приводимая нами книга г. Ружмона, особенно въ Нѣмецкомъ переводѣ съ прибавленіями Кеерля: *Die Bronzezeit oder die Semiten im Occident—übersetzt v. Keerl, Gütersloh 1869*. Вотъ, между прочими, результаты этого изслѣдованія S. 471 ff. Первоначальное мѣсто бронзовой и желѣзной металлургіи было въ святой землѣ, отсюда это искусство распространилось къ Финикіянамъ и Ассиріянамъ, а потомъ къ Грекамъ. Цивилизованныя Семическія племена, жившія на берегахъ Средиземнаго моря, преимущественно Финикияне и Филистимляне, привлекаемые въ Европу оловомъ Корнваллиса (одного изъ Британскихъ острововъ) и янтаремъ Остзеи (въ Даніи и сѣверной Пруссіи), завели здѣсь въ разныхъ мѣстахъ свои колоніи и факторіи и производили обширную торговлю бронзовыми издѣліями. Именно изъ Финикіянъ Сидоняне поселились въ Бискаіѣ и Гадесѣ (въ Испаніи) и отсюда по Атлантическому океану посѣщали и цивилизовали западныя страны Европы — Галліи, Ирландіи, Британіи; Тирияне поселились въ Лигуріи (нынѣ Генуэзская область въ Италіи) и по берегамъ Роны и образовали окрестныя страны и народы Романской Швейцаріи; племена, жившія по рѣкѣ По и въ восточной Германіи, сямъ обязаны были Филистимлянамъ, утвердившимся на Адриатическомъ побережѣ. Всѣ древнія бронзовыя вещи въ Европѣ имѣютъ одинъ общій, удивительный типъ, очевидно, не туземный, а Азіатскій. Семиты впрочемъ кромѣ бронзовыхъ издѣлій, распространяли въ Европѣ стеклянныя свои вещи, свою архитектуру, отчасти земледѣліе и военныя колесницы, наконецъ и свою религію, вводя свое ваалопочитаніе съ разными обрядами, слѣды коихъ доселѣ сохраняются во многихъ странахъ Европы. Впослѣдствіи въ сосѣдствѣ Лигуріи особенно возвысились бронзовымъ и другими искусствами Этруски и имѣли обширное цивилизаторское вліяніе—на Галлію, среднія и восточныя Альпы, Паннонію, Германію до самой Скандинавіи, такъ что бронзовое царство тогда раздѣлилось на двѣ половины—эту восточную Финикійско-этрусскую и западную, океанскую или Сидонскую.—Этимъ положеніямъ слѣдуетъ и Нильсонъ, прилагая ихъ особенно къ своей Скандинавіи и относя, какъ и Ружмонъ, появленіе Семитовъ въ Европѣ ко

(1) Die Gräber d. Liven S. 47.

времени еще до Моисея ⁽¹⁾, болѣе или менѣе принимаютъ ихъ Саккенъ ⁽²⁾, Бэръ ⁽³⁾, и извѣстный археологъ Лишъ ⁽⁴⁾.

Но этими положеніями, мы думаемъ, не объясняются бронзовыя древности ни вообще нашего отечества—Россіи, въ древнѣйшія времена болѣе или менѣе занимаемаго Скиѳами, ни въ частности сѣверовосточной полосы его, гдѣ былъ Ананьинъ Могильникъ, и далѣе—къ Уралу и въ Сибири. Въ сихъ отдаленныхъ и при недостаткѣ сообщеній отрѣзанныхъ отъ прочей Европы странахъ, нельзя предположить какой нибудь Финикійской цивилизаціи. Въ томъ же сочиненіи Ружмона наше дѣло объясняется иначе. Здѣсь S. 167 ff. Иберія или Грузія считаются отечествомъ Халибовъ или Халдейскихъ ковачей, отечествомъ самихъ Овела и Мосха, двухъ сыновъ Іафетовыхъ, и здѣсь предполагается одинъ изъ важнѣйшихъ горновъ послѣпотопной металлургіи. Впослѣдствіи, когда Ассиріяне простерли свое оружіе до самаго Понта, они расселились между сими Халибами, которые, кромѣ сплава мѣди съ оловомъ, умѣли еще закаливать желѣзо въ сталь, отъ нихъ на Греческомъ и получившую свое названіе *χαλιδν*. Отъ Овела производятся Скиѳы, обитавшіе недалеко отъ Иберіи, которые впослѣдствіи перешли на равнины южной Россіи (Европейская Скиѳія), а отсюда перешли на Уралъ, и тамъ открыли богатое производство бронзовое, серебряное и золотое, въ лѣтописяхъ сльва подъ именемъ Чуди (S. 171—173), и обнимаю весь сѣверъ нынѣшней Россіи отъ Урала до западной Двины. (На этомъ огромномъ пространствѣ, замѣтимъ, находится и точка Ананьинскаго Могильника). Но въ заключеніи Ружмонъ самъ сознаетъ несостоятельность этой теоріи, замѣчая (S. 174), что хотя по Ассирійскимъ символамъ на Чудскихъ бронзовыхъ древностяхъ и можно бы тамошнее бронзовое искусство производить отъ Иберіи и Понта: но поелику Чудъ не употребляла и не закаливала желѣза, какъ это дѣлали Халибы, то источникъ ея бронзы не былъ ли въ другой противоположной сторонѣ—у Мидянъ и Бактрианъ, также употреблявшихъ Ассирійскіе символы?—На это и мы готовы склониться. Не говоря о неупотребленіи желѣза и стали у Чуди, теорію Ружмона, отя она много проливаетъ свѣта на нашъ темный вопросъ, мы не можемъ принять по слѣдующимъ особенно причинамъ: а) что колыбелью Скиѳовъ признается въ ней Иберія и б) изъ Иберіи или южной Россіи переводятся они на Уралъ. Все сказанное въ теоріи Ружмона относится къ *Европейской* или Геродотовой собственно Скиѳіи; но у древнихъ географовъ является еще другая *Азіятская* Скиѳія. И спеціальныя по сему изслѣдователи Скиѳамъ вообще даютъ Азіятское происхожденіе, производя ихъ отъ Мидо-персидскаго корня, или, какъ Нибуръ и другіе, отъ какаго нибудь Монгольскаго смѣшаннаго или Финскаго племени, которое съ Алтая распространилось по нашей Сибири и сѣверовостоку Европы и здѣсь было извѣстно подъ именемъ Чуди ⁽⁵⁾. Что касается до Геродотовой Скиѳіи: то самъ Геродотъ говоритъ,

(1) Die Ureinwohner d. Skand. Nordens. 1. Bronzezeit S. 60 ff. 87 ff. 92 ff.

(2) Das Grabfeld v. Hallstatt S. 136 ff.

(3) Die Gräber d. Liven S. 27 ff.

(4) Jahrbücher des Vereins für Meklenburgische, Geschichte, Jahr XXV.

(5) Pauly Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft, Stuttgart 1852, VI, 900. 901 sub v. Scythia. Монгольское происхожденіе особенно обличается употребленіемъ у Скиѳовъ кумыса и лошадиного мяса, о чемъ говорятъ Геродотъ и Ипповратъ, см. Georgii Alte Geographie, Stuttgart 1838, 2 Abtheil. S. 293. Слич. въ Запискахъ Императорскаго Археологическаго Общества, Спб. 1855, т. V статью г. Муральта: Скиѳскія древности стр. 205 и слѣд.

что движеніе Скиѳовъ въ Европу послѣдовало изъ Азіи, что отъ юговосточныхъ береговъ Каспійскаго моря тѣснимые Массagetами Скиѳы перешли рѣку Араксъ, скитались по степямъ на западъ отъ Меотическаго озера (Азовскаго моря), выгнали отсюда Киммеріанъ и здѣсь утвердились. Это было за 100 лѣтъ до Дарія Истаспа. Какъ бы то ни было, Мела (I в.) указываетъ (De Situ orbis III, 5. 6), а Птоломей (VI, 14, 15) подробно описываетъ обширную Азіатскую Скиѳію, съ одной стороны отъ Персіи и Индіи до сѣверной половины нашей Енисейской губерніи, съ другой отъ Китая, Монголіи и Иркутской губерніи за Уральскія горы къ рѣкѣ Камѣ и Волгѣ, до устьевъ послѣдней. Горами Имаусъ (или кряжемъ горъ, идущихъ отъ Гималаевъ къ сѣверу до Алтайскихъ горъ и далѣе) Птоломей раздѣляетъ Скиѳію на двѣ половины—*Скиѳію внутри и внѣ Имауса*. Въ первой половинѣ у Птолемея показано 33 названія Скиѳскихъ (?) племенъ: на самомъ сѣверѣ (въ нынѣшней Тобольской и Енисейской губ.) помѣщены Атаны, Суовены, Агаѳирсы, на восточномъ притоцѣ рѣки Ра (Волги, т. е. на Камѣ, какъ обыкновенно объясняютъ⁽¹⁾), Робаски, Азаны, Юрдіи, при Уральскихъ горахъ Мологены, Саммиты, Тибіаки, между Яксартомъ и Оксомъ (Сырѣ—и Амурѣ Дарьей) Аріаки, Номасты и другіе, за ними по берегу Каспійскаго моря Аорсы. Въ это же пространство Скиѳіи внутри Имауса входятъ земли Саковъ и Массagetовъ: они по нынѣшнему занимали малую Бухарію и часть Туркестана. Хотя эти Саки и Массагеты были также Скиѳскаго племени и по крайней мѣрѣ именемъ первыхъ Персы называли всѣхъ Скиѳовъ⁽²⁾: однако Птоломей отдѣляетъ ихъ отъ Скиѳіи и описываетъ землю ихъ особо въ предъидущей 13-й главѣ. Въ Скиѳіи внѣ Имауса по Птоломею были на сѣверѣ (въ Сибири) Скиѳы-Абіи, Иппофаги (коневѣдцы) и др., на югѣ къ Гималайскимъ горахъ Хэты, Хавраны-Скиѳы. Изъ этого описанія видно, что Елабужская мѣстность и Ананьянъ Могильникъ входили въ составъ первой, внутренней Скиѳіи. Скиѳы этой половины были сопредѣльны и подѣламъ войны и мира или торговли имѣли отношенія къ Персамъ, Мидянамъ и Ассиріянамъ. О Массагетахъ, имѣвшихъ Скиѳскую одежду и оружіе, Геродотъ (Hist. I, 215) говоритъ, что земля ихъ богата мѣдью и золотомъ и что все оружіе ихъ (стрѣлы, копья, сѣкиры), племя, поясы и самая конская сбруя были мѣдными, украшенныя золотомъ, а серебра и желѣза они вовсе не знали. Онъ же повѣствуетъ (Hist. I, 208 и слѣд.) о войнѣ Массагетовъ съ Киромъ, Персидскимъ царемъ, кончившейся гибелью самого Кира со всею его арміею.—Изъ этого соприкосновенія Азіатской Скиѳіи съ Персами, Мидянами и Ассиріянами мы производимъ въ Ананьинской бронзѣ замѣченное нами (особенно въ амулетахъ и религіозныхъ символахъ) сходство съ Ниневійскими древностями.

(1) Mannert, Das Norden der Erde, 2 Auflage, Leipzig 1820, S. 486. Funke, Neues Realschullexicon, Braunschweig 1805, V Th. S. 157 sub v. Scythia, и другіе.

(2) Herodot Hist. VII, 64 οἱ γὰρ Πέρσαι πάντας τοὺς Σκύθας καλεῖται Σάκας, см. Мела III, 5.

3 124
30
N 2
f

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

--	--	--

